

The background of the image features several historical Soviet decrees. On the left, a document from the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, dated October 1917, is visible, with the headline 'О мире' (On Peace). In the upper center, another decree from the Central Executive Committee and the Petrograd Soviet is partially visible, with the headline 'ДЕКРЕТЪ О ЗЕМ...' (Decree on Land...). The main title is overlaid on a large bronze statue of a man and a woman, likely representing the Russian Revolution, set against a clear blue sky. The statue is positioned on a stone pedestal.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ИТОГИ: ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Санкт-Петербург
2020

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ИТОГИ:
ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2020

УДК 94(47):303.446.4
ББК ТЗ(2)771я43
Р89

Р89 Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода /
отв. редактор д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников; под ред.
канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ»,
2020. 244 с.

ISBN 978-5-7629-2741-3

Рецензент: зав. отделом истории революций и общественного движения
России Санкт-Петербургского института истории РАН, д-р ист. наук, проф.
Н. Н. Смирнов

ISBN 978-5-7629-2741-3

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
--------------------------	----------

I. Историография советской истории в вопросах и ответах

Десять вопросов по советскому периоду истории России.....	7
<i>Бузгалин А. В.</i> (МГУ, Москва).....	9
<i>Воейков М. И.</i> (Институт экономики РАН, Москва)	23
<i>Гажуев Р. Г.</i> (ИРИ РАН, Москва)	30
<i>Голдин В. И.</i> (САФУ им. М. В. Ломоносова, Архангельск)	35
<i>Икэда Ёсиро</i> (Токийский университет, г. Токио)	43
<i>Иоффе Г. З.</i> (Монреаль, Канада)	45
<i>Калашиников В. В.</i> (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)	47
<i>Колганов А. И.</i> (МГУ, Москва).....	61
<i>Колоницкий Б. И.</i> (СПБII РАН, Санкт-Петербург).....	65
<i>Краус Тамаш</i> (Будапештский университет, Венгрия).....	68
<i>Меньковский В. И.</i> (БГУ, г. Минск)	73
<i>Пученков А. С.</i> (СПбГУ, Санкт-Петербург)	80
<i>Суэйн Дж.</i> (Университет Глазго, Великобритания)	87
<i>Солдатенко В.Ф.</i> (ИПиЭИ им. И. Ф. Кураса НАН Украины)	90
<i>Стейнберг Марк Д.</i> (Университет Иллинойса в Урбана-Шампейн)	111
<i>Хасегава Цуёси</i> (Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, США)....	117
<i>Цветков В. Ж.</i> (МПГУ, Москва)	127
<i>Шелохаев В. В.</i> (ИРИ РАН, Москва)	136

II. Новейшая историография советской истории:

экспресс-анализ ответов (И. В. Узлова, СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)	151
---	------------

III. Статьи

<i>Иоффе Г. З.</i> Запоздалый ответ. Воспоминание.....	186
<i>Иоффе Г. З.</i> Тихий Симбирск и революционный Петроград: отец и сын Керенские и В. Ульянов (Ленин)	192
<i>Рабинович А. Е.</i> 1919 год: большевики выживают	208
<i>Стогов Д. И.</i> Деятельность лидеров правых салонов в 1917 году	219
<i>Тарасов К. А.</i> Воспоминания присяжного поверенного Н. Н. Иванова об антибольшевистском подполье в Петрограде в 1918 году	231
<i>Сведения об авторах</i>	243

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник содержит материалы и статьи, представленные участниками международной конференции «Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода».

Конференция стала продолжением предыдущих научных конференций, которые с 2012 г. проводятся в Санкт-Петербурге под общим названием «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии»¹. Материалы всех конференций были изданы и размещены на сайте Научной электронной библиотеки². По сложившейся традиции конференции были проведены на базе Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета совместными усилиями научных сотрудников и преподавателей ряда институтов и региональных центров РАН, ведущих университетов России, при участии известных ученых из Белоруссии, Великобритании, Венгрии, Украины, США, Японии.

В 2017 году в рамках подготовки юбилейной конференции по истории революции 1917 года был реализован специальный Проект, в рамках которого организаторы конференции предложили ряду отечественных и зарубежных специалистов по истории и предыстории Февральской революции ответить на десять ключевых вопросов. Роль куратора Проекта любезно согласился взять на себя профессор А. Рабинович (Индианский университет, США), крупнейший специалист по истории Русской революции, который отредактировал Вопросник, предложенный проф. В. В. Калашниковым, и обратился к ряду зарубежных историков с просьбой дать на него ответы. В России вопросы были направлены ряду отечественных историков. Оргкомитетом были получены ответы от 25 историков. Из них 11 ответов прислали зарубежные ав-

¹ См.: Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Сборник докладов. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013; Гражданская война в России: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014; Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015; Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016; Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017; Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии». СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018; Эпоха революции и гражданской войны в России: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019.

² Электронный адрес основной страницы: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=63427

торы, 14 – российские авторы. Анализ ответов позволил определить основные тенденции в развитии новейшей историографии Русской революции.

Очевидный успех в реализации этого проекта побудил многих его участников поставить вопрос о проведении такого опроса в рамках подготовки очередной конференции, посвященной столетию Гражданской войны в России. Новый вопросник для конференции 2018 г. был подготовлен совместными усилиями Алекса Рабиновича, куратора международной части проекта, и Владимира Калашникова, куратора его российской части.

Полученные результаты (ответы 25 историков) также вызвали большой интерес, что побудило организаторов подготовить новый вопросник к конференции 2020 г.

Вопросник посвящен оценке истории Русской революции и основных этапов советского периода. В первом разделе сборника представлены ответы 18 участников. Второй раздел содержит контент-анализ полученных ответов.

Третий раздел настоящего сборника содержит статьи, представленные на конференцию.

Оргкомитет провел лишь небольшую редакцию представленных материалов, устранив явные пропуски и опечатки.

Участники конференции выразили благодарность ректорату и службам Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) за поддержку, которая позволила подготовить конференцию и издать настоящий сборник.

Д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников

I. ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Данный раздел содержит ответы группы российских и зарубежных историков и экономистов на ряд вопросов по ключевым проблемам истории России советского периода. Каждый участник Проекта выбрал и обосновал один из предложенных вариантов ответа или дал свой вариант, обозначив его как «Иное». Ниже представлен Вопросник (перечень вопросов и вариантов ответов), направленный участникам Проекта.

Десять вопросов по советскому периоду истории России

Выберите варианты ответов или предложите свой вариант.

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1. Одна из моделей социализма
2. Одна из моделей госкапитализма
3. Иное

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

1. Да, другого, более перспективного варианта не было, потому что...
2. Нет, был более перспективный вариант. Он состоит в следующем...
3. Иное

3. Были ли в *рамках избранной модели* более перспективные варианты развития?

1. Развитие в рамках нэпа («бухаринская» модель)
2. Модель форсированной индустриализации без Сталина и эксцессов сталинизма
3. Сталинская модель была единственной реальной возможностью
4. Иное

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Ответ...

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Ответ...

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Ответ...

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Ответ...

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Ответ...

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Ответ...

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Ответ...

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

А. В. Бузгалин (МГУ, Москва)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.1. Одна из моделей социализма.

На протяжении последних десятилетий я не раз подробно аргументировал точку зрения, что в СССР сложилась опережающая мутация коммунистической общественной системы на самом раннее этапе развития последней³. Автор обозначил это образование термином «мутантный социализм», что вызвало поток критики с двух сторон. Во-первых, со стороны адептов СССР, которые слово «мутация» воспринимают в контексте фантастических боевиков о страшных уродливых мутантах, а не как научный термин (как известно, марксизм в ряде случаев использовал термины из естественных наук, наиболее яркий пример чего – категория «формация»). Во-вторых, со стороны всех тех, кто вообще отрицает социалистические черты советской системы.

При этом мы критически относимся к любым вариантам решения проблемы, исходящим из того, что никакая иная социально-экономическая система кроме рыночно-капиталистической вообще невозможна, и потому «коммунистический» строй является исторической случайностью, возникновение которой было обусловлено субъективными факторами, а смерть является совершенно естественным доказательством невозможности существования социализма (коммунизма – либеральные исследователи их, как правило, не различают) вообще. Как было показано выше, мы, вслед за нашими учителями и предшественниками, исследуем объективные и субъективные предпосылки рождения нового строя и находим достаточно аргументированным доказательство принципиальной возможности и закономерности возникновения новой общественной системы, обеспечивающей больший простор развития личности, нежели «царство необходимости» вообще и капитализм в частности.

Столь же малоубедительным, на наш взгляд, является утверждение об односторонней прогрессивности общественно-экономической системы «реального

³ Подробнее об этом в книге Бузгалин А. В., Булавка-Бузгалина Л. А., Колганов А. И. СССР: оптимистическая трагедия. М., 2018 и статье Бузгалин А. В. Еще раз о причинах ухода СССР // Альтернативы, 2020. № 3.

социализма» и, соответственно, случайности его гибели вследствие субъективных причин⁴. Мы прекрасно видим и стремимся объективно исследовать глубокие внутренние противоречия «реального социализма» и тот мировой контекст, который, с одной стороны, вызвал к жизни этот специфический общественный организм, а с другой – привел к его распаду. Более того, мы исходим из того, что *причины возникновения и распада советской системы были в основе своей одни и те же*. Рассмотрим эту непростую диалектику подробнее.

Для авторского понимания природы социального строя обществ реального социализма ключевым является тезис о наличии общеисторической тенденции нелинейного заката царства необходимости и генезиса царства свободы как общей метаосновы всех конкретных изменений, характерных для XX – XXI вв.

Эта гипотеза позволяет сформулировать следующую тезу: противоречия современной эпохи создают достаточные материальные предпосылки для генезиса «царства свободы». В то же время они показывают, что отмирание отношений отчуждения не может не быть длительным нелинейным интернациональным процессом. Именно его мы и обозначаем словом «**социализм**».

Весь вопрос, однако, в том, чтобы критически развить традиционное линейное понимание социализма как всего лишь первой стадии коммунистической общественно-экономической формации (ортодоксальный марксизм) или не более чем системы ценностей, которые могут частично реализоваться в рамках «постклассического» буржуазного общества путем реформ (социал-демократия).

Если мы поднимаемся до взгляда на процесс рождения нового общества как на интернациональный глобальный сдвиг в истории человечества, то и сам процесс трансформации приобретает новые характеристики. Потому *социализм может быть охарактеризован не столько как стадия общественно-экономической формации, сколько как процесс перехода от эпохи отчуждения к «царству свободы» (коммунизму)*. Этот переход включает и будет включать революции и контрреволюции; первые ростки нового общества в отдельных странах и регионах, их отмирание и появление вновь; социальные

⁴ Отнюдь не странно, что ортодоксальные либералы и ортодоксальные марксисты методологически сталкиваются здесь на одном пятачке апелляций к субъективным флюктуациям, «заговорам» и «предательству», пятась спинами навстречу друг другу в своем стремлении выдать свою плоскую позицию за истину в последней инстанции.

реформы и контрреформы в капиталистических странах; волны прогресса и спада различных социальных и собственно социалистических движений.

Нелинейность, противоречивость, интернациональность этих сдвигов составляет специфику социализма как процесса рождения нового общества во всемирном масштабе.

Свидетельствами всестороннего кризиса «социализма» стал, как уже было отмечено, в первую очередь распад этого строя в странах Восточной Европы и СССР. В основе чего лежала фундаментальная неспособность этой системы (но не социализма в научном смысле слова) обеспечить более высокую, чем капитализм, производительность труда и больший простор для свободного всестороннего развития человека. Важным свидетельством этого кризиса стало резкое снижение роли левых в мире, застой в теории социализма, падение его идейного влияния и многое другое. Причиной всего этого является, прежде всего (но не исключительно — не будем забывать о глобальной гегемонии капитала), собственная природа «социализма».

В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией **«мутантного социализма»**⁵. Под последним понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к коммунизму. Это общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму.

Эти тезисы требуют некоторых пояснений.

Во-первых, заметим, что исследователям, пишущим работу о социализме на рубеже XX — XXI вв., трудно ответить на мощное возражение критиков, суть которого заключается в констатации кажущегося очевидным положе-

⁵ Среди известных нам трактовок природы «реального социализма», пожалуй, наиболее близка к авторской позиции трактовка СССР как в определенной мере вырождающегося рабочего государства, предложенная Л. Троцким в работах «Преданная революция» и др., послужившая одним из исходных пунктов нашего анализа. Другим источником стали наши разработки 1983–1987 гг. (когда мы отчасти по невежеству, отчасти в силу цензурных ограничений еще не знали многих работ о природе СССР), где мы постарались обосновать вывод о социально-экономическом строе СССР как деформированном социализме. В определении экономического строя наша позиция оказалась близка к позиции Э. Мандела, трактующего советский «социализм» как своеобразный незавершенный переходный период.

ния: никакого иного социализма, кроме того, что был в странах мировой социалистической системы, человечество не знает. Следовательно, у нас нет оснований считать этот строй мутацией.

Эта очевидность, однако, является ничем иным, как одной из классических превращенных форм, в которых только и проявляются все глубинные закономерности мира отчуждения. Ум (или, точнее, «здравый смысл» обывателя и его ученых собратьев) хочет и может видеть только эти формы, но не сущность. Между тем в нашем исследовании без выделения сущностных тенденций не обойтись. Эти сущностные тенденции рождения царства свободы, равно как и ростки социализма как интернационального процесса перехода к новому обществу, мы постарались показать выше на основе анализа объективных процессов заката царства необходимости и позднего капитализма постиндустриальных технологий и творческого труда, пострыночного регулирования, освобождения труда. *То, что эти сущностные черты рождающегося нового общества не приобрели адекватных форм и не смогли развить присущий им потенциал прогресса производительных сил, человека как Личности, и позволяет квалифицировать прошлое наших стран как **мутантный** социализм.*

Следовательно, мы можем заключить, что в странах «мировой социалистической системы» был искажен не некий «идеал» социализма. Речь идет о том, что реальная общеисторическая тенденция перехода к царству свободы и адекватные ей реальные ростки социализма развивались в мутантном, уродливом от рождения виде. Это касается ростков и пострыночной координации, в частности, и успешного планирования экономики, и ассоциированного присвоения общественного богатства, и социального равенства, и новой мотивации, и особых ценностей, и культуры.

Во-вторых, обращение к термину «мутация» неслучайно. Авторы в данном случае пошли по не слишком оригинальному пути аналогий с некоторыми разработками в области естественных наук, чем «грешили» и марксизм («формация» и т. п.), и неоклассики. Категория «мутантный социализм» используется нами для квалификации общественной системы наших стран по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии (организмы, принадлежащие к определенному виду, в том числе — новому, только возникающему, обладают разнообразным набором признаков — «депо мутаций», которые в большей или меньшей степени адекватны «чистому» виду и в зависимости от

изменения среды могут стать основой для «естественного отбора», выживания особей с определенным «депо мутаций», для выделения нового вида).

В момент генезиса, начиная с революции 1917 года, рождавшееся новое общество обладало набором признаков («депо мутаций»), позволявших ему эволюционировать по разным траекториям, в том числе – существенно отклоняющимся от оптимального пути трансформации «царства необходимости» в «царство свободы». Особенности «среды» – уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка – привели к тому, что из имевшихся в «депо мутаций» элементов, возникавшей тогда системы, наибольшее развитие и закрепление постепенно получили процессы бюрократизации, развития государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но *крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему*. В результате возник мутант процесса генезиса царства свободы (коммунизма).

Так сложился организм, который *именно в силу мутации* был, с одной стороны, хорошо приспособлен к «среде» России и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX в., но с другой (по тем же самым причинам) – далек от траектории движения к коммунизму, диктуемой закономерностями и противоречиями процесса нелинейного отмирания, прехождения мира отчуждения.

В результате в СССР сформировался строй, который мог жить, расти и даже бороться в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав и т. п. Победа в Великой Отечественной войне – самый могучий тому пример. Но *в силу тех же самых причин* (мутации «генеральных», стратегических социалистических тенденций) этот «вид» не был адекватен для новых условий генезиса информационного общества, он не мог дать адекватный ответ на вызов обострившихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX в.⁶

⁶ Одним из парадоксов этого процесса является обусловленность процессов некоторой социализации и гуманизации капитализма в 1950-е – 1960-е годы не только внутренними противоречиями этой системы, но и влиянием Мировой социалистической системы.

У сложившегося в рамках «социалистической системы» строя *в силу его бюрократической жесткости* был крайне узок набор признаков («депо мутаций»), позволявших приспособливаться к дальнейшим изменениям «внешней среды». Этому мутанту были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе – раковая опухоль бюрократизма, на другом – собственно социалистические элементы (ростки «живого творчества народа»), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых проблем конца XX в. Но постепенно последние оказались задавлены раком бюрократии. В результате *мутантный социализм не смог развиваться* именно *в этих, более благоприятных для генезиса ростков царства свободы, условиях* – условиях развертывания НТР, обострения глобальных проблем и т. п., бросавших все больший вызов со стороны «общечеловеческих», т. е. собственно, коммунистических ценностей и норм миру отчуждения. Ответить на эти вызовы жесткий мутантный социализм не смог. Как следствие, он захирел («застой») и вполз в кризис.

Когда «мягкая» модель социально-ориентированного капитализма сменилась в 80-е годы «жесткой» и агрессивной праволиберальной, вызов рождающегося информационного общества стал практической проблемой, а внутренние проблемы мутантного социализма достигли такой остроты, которая не позволяла решить их в рамках сохранения прежнего вида – тогда и встал выбор: либо преодоление мутаций старой системы и движение в направлении к царству свободы, либо кризис. Первое оказалось невозможным в силу названной жесткости старой системы. В результате мутантный социализм умер собственной смертью, ускоренной, впрочем, мировым корпоративным капиталом.

Итак, мутантный социализм – тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от «царства необходимости» (в частности, капитализма) к «царству свободы» (коммунизму); это общественный строй, выходящий за рамки капитализма, но не образующий систему, служащую основанием для последующего движения к коммунизму.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.2. *Нет, был более перспективный вариант. Он состоит в следующем...*

Ответ на первый вопрос по сути дела обуславливает и основное содержание ответа на второй: существовала и иная возможная траектория развития как в СССР, так и в других странах, вступавших и вступающих на путь социалистического созидания в прошлом и нынешнем столетиях.

Более того, существовали и существуют разные варианты альтернативного развития, в том числе, вариант, который условно можно назвать «китайским». Но он, на мой взгляд, не приведет к продвижению общества к «царству свободы».

Что касается более перспективного варианта, нежели тот, что был реализован в СССР, то он предполагал реализацию установок, которые автор сформулировал в виде нескольких **уроков побед и поражений СССР** на пути социалистического созидания. Эти «уроки» были не раз представлены во время докладов и лекций в Венесуэле, Китае, на Кубе на протяжении последних 20 лет. Кратко эти «уроки» состоят в следующем.

Начать анализ целесообразно с проблем в сфере **материального производства, экономики**. Огромным достижением нашей страны стал совершенно неожиданный для всего мира прорыв в области постиндустриальных технологий и того, что я бы назвал креатосферой – сферой творчества (образование, культура, наука, инженерное и социальное творчество). *Советский Союз частично сумел решить задачу создания* (конечно, только в ряде областей) *основ креативной экономики, т. е. адекватного для материально-технического базиса социализма*. У нас были развиты, прежде всего, те сферы, которые нужны именно для социализма как общества, более прогрессивного, чем капитализм. Это, повторю, образование, наука, культура, высокие технологии. Но при этом мы не смогли решить задачи, которые успешно решает буржуазное общество, *мы не смогли в полной мере создать материально-техническую базу развитого капитализма социализма*. Мы не смогли создать эффективное сельское хозяйство, в котором бы работало (как в США или Западной Европе) 3–5 % населения, производя изобилие продуктов питания и сельскохозяйственного сырья (СССР импортировал зерно, мясо и т. п.). Мы не смогли создать легкой про-

мышленности и сервиса, которые бы обеспечили наших граждан качественными потребительскими товарами и услугами.

Исходя из этого сформулирую *урок № 1*, касающийся материально-технической базы социализма: новому обществу необходим скачок в креатосферу при развитии эффективного индустриального сектора. Я бы сформулировал это в виде афоризма – *«опережать, не отставая»*.

Перейдем к рассмотрению *второго блока проблем – соотношения плана и рынка*. Нет другого вопроса, по которому было бы больше споров среди социалистов, чем этот вопрос. Начать свой ответ я бы хотел с напоминания того, что *рынок – это не нейтральный экономический механизм*. Это система экономических и общественных отношений. Поэтому (и это *второй урок СССР*) я утверждаю, что социализм может и должен постепенно выращивать сознательное регулирование и планирование, двигаясь от простейших форм учета, контроля, косвенного регулирования к долгосрочным плановым программам. Это, во-первых.

Во-вторых, это регулирование и планирование обязательно должно быть демократическим. Если не можете развивать демократическое, не бюрократическое регулирование и планирование, то не развивайте их вообще.

В-третьих, рынок нужно использовать, ограничивая и вытесняя только по мере развития более эффективных форм, в той мере, в какой регулирование и планирование становятся эффективнее, чем формы рынка. Не умеете обеспечить экономическое развитие при помощи сознательного регулирования лучше, чем на основе рынка, – значит, еще рано вводить планирование.

Но, в-четвертых, если вы не будете постепенно вытеснять рынок сознательным регулированием, то никогда не будете двигаться в сторону социализма.

Третья группа проблем – проблемы собственности. СССР показал, что можно развивать экономику и жить без частной собственности. Ранее такой путь развития казался абсолютно утопическим. Но реализация этой стратегии привела как к высоким достижениям, так и к глубоким противоречиям, прежде всего – нарастанию отчуждения трудящихся от собственности все большей концентрацией основных прав собственности в руках номенклатуры.

Отсюда *третий урок – социализм развивается в той мере, в какой развивается общественная, но не государственно-бюрократическая собственность*.

Далее. Важнейший блок собственности социализма – это не только государственные, но и коллективные предприятия и кооперативы. В самых разных сферах: – промышленности, сельском хозяйстве, научных исследованиях – кооперативы могут играть очень большую роль.

Более того, частная собственность в начальный период социализма возможна и необходима, но только при условии ее социального ограничения и регулирования. В процессе «выращивания» социализма может и должна использоваться такая форма, как «социально-ответственный бизнес». Это частные, акционерные предприятия, на которых устанавливаются отношения социального партнерства капиталистов и рабочих, работники имеют право участия в управлении, бизнес берет на себя ответственность за решение экологических и социальных проблем в регионе, где он расположен, и т. п. Здесь есть очень интересный опыт.

Четвертый блок проблем, где мы можем извлечь уроки из опыта СССР, – социальная сфера. Здесь у нас были почти уникальные достижения. СССР едва ли не первым в мире ввел общедоступное бесплатное среднее и высшее образование. Еще в конце 20-х годов была создана общедоступная бесплатная система медицинского обслуживания. Была создана система гарантированной занятости.

Но у этой медали была и другая сторона. Общественные фонды потребления, бесплатные блага вместе с невысоким уровнем дифференциации заработной платы создали тенденции к уравниловке и иждивенчеству. В результате у большинства населения СССР возникло ощущение, что социализм – это бесплатная кормушка.

Поэтому *четвертый урок* я очень коротко сформулировал бы следующим образом. Социализм развивается в той мере, в какой развиваются общедоступные, бесплатные образование, культура, медицина и т. д., но *социализм – это не бесплатная государственная кормушка для бездельников*. Это не ситуация, когда лидер удовлетворяет потребности граждан непонятно за чей счет. В то же время опыт СССР показал, что *социализм – это не только энтузиазм и романтизм, но без них он не может развиваться*. Более того, *формирование нового человека – творческого, ориентированного на общественные свершения, солидарность – вот главная цель и критерий социализма*.

Не менее острые противоречия существовали в сфере **социально-политической жизни**.

Для СССР при всех противоречиях политико-идеологического подавления как негативной, так и позитивной свободы, были характерны практики массового энтузиазма трудящихся. Эта энергия социального творчества граждан, которые своими руками совместно строили свой новый мир, была действительной основой ростков социализма в СССР и единственной серьезной основой его успехов и популярности во всем мире. Отсюда шестой урок. Социализм может создаваться только по мере развития социального творчества масс, опираясь как на политическую предпосылку на развитие демократии, продвижение вперед по сравнению с капитализмом в этой области, усиление базовой низовой демократии. Любое сужение демократии есть подрыв социализма.

А теперь о самом главном — о **духовной жизни человека**. Здесь противоречия СССР были не менее глубоки, чем во всех других областях.

Начнем с *восьмой сферы — идеологии*. Одним из важнейших достижений нашей страны стало то, что социалистические идеи охватили весь мир и показали: в них есть много действительно прогрессивного, серьезного, талантливого. И в то же время, в нашей стране отсутствовала гласность, а коммунистическая идеология насаждалась во многом политическими административными методами. Отсюда *восьмой урок*. Социализм не может жить без социалистической идеологии, но развивать ее можно исключительно в открытом диалоге, в диалоге как со сторонниками социализма, так и с противниками социализма, исключительно в атмосфере гласности.

Девятая сфера — образование, включая не только обучение, но и воспитание. Эту сферу я выделяю особо, так как она играет главную роль в становлении социализма XXI в. — социализма, адекватного вызовам «общества знаний». В СССР все образование было не просто бесплатным, но и общедоступным. Для действительно равного доступа представителей всех социальных страт к образованию были найдены многие позитивные решения. Безусловно, бюрократическая атмосфера и власть номенклатуры давали себя знать и в сфере образования, где чиновники зачастую душили инициативы педагогов и молодежи, где хватало формализма и идеологического диктата, но в целом в сфере образования социализм проявил свой потенциал (даже при всех недостатках СССР) едва ли не самым лучшим образом. И это не случайно: образование,

наука и культура – это те области, которые могут и должны получать в условиях социализма приоритетное значение – таков девятый урок СССР.

Десятая сфера – *наука и культура*. Здесь у СССР были мирового уровня достижения⁷. Но и здесь бюрократизация, с одной стороны, маркетизация, с другой, подрывали прогресс коммунистической линии культурного созидания.

Отсюда *десятый урок*: социализм не должен допускать бюрократическую идеологизацию культуры, но при этом нужно помнить, что не только идеологизация культуры, но и маркетизированная культура – это враги развития социализма.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.4. Иное.

Да, возможности развития были даже в рамках т. н. «сталинской модели», но при фантастическом условии, что Сталин и силы, приведшие его к власти, вдруг потерпели бы поражение. В этом случае (и при условии сохранения власти большевиков) открылась бы возможность постепенного перехода от нэпа к плановой экономике и добровольному кооперированию крестьянства, путь открытой и демократической культурной революции, трансформации «государства трудящихся с бюрократическими извращениями» (Ленин) в отмирающее государство с все более полным развитием базисной демократии.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Наиболее политико-экономически выверенный ответ на вопросы о природе разных этапов эволюции советской модели содержится, на мой взгляд, в книге А. И. Колганова «Путь к социализму: пройденный и не пройденный» (М., 2017), поэтому ограничусь лишь краткими комментариями.

Если говорить о главных пороках «сталинской модели», то это *власть номенклатуры (а также неизбежно сопровождавший ее культ символа-вождя и использование методов массового насилия для утверждения и сохранения политической системы)*. Что касается номенклатуры, то это был особый слой партийных, государственных и др. руководителей, который воспроиз-

⁷ О достижениях советской культуры подробнее см.: Булавка Л. А. Феномен Советской культуры. М., 2008.

водился и был относительно закрытым. Номенклатура имела систему привилегий и, главное, концентрировала в своих руках основные права собственности и политическую власть, что приводило к отчуждению собственности и государства от трудящихся, подрывая саму основу движения к коммунизму.

Позволю себе сформулировать некоторую закономерность: регресс социалистических начал в СССР был тем интенсивнее, чем шире и глубже была *власть номенклатуры и меньше и уже социальное творчество масс, энтузиазм*.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Сильной и прогрессивной была не «сталинская модель», а те ростки социализма в СССР, которые развивались благодаря социальному творчеству масс и адекватной этому деятельности руководителей страны и партии и которые в основном подавлялись «сталинской моделью», сохраняя данные ростки как абсолютно необходимую основу для паразитирования на ней бюрократической надстройки.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Эпоха «оттепели» характеризовалась, как и предыдущие периоды, глубокими противоречиями. С одной стороны, в этот период начались (но не были сколько-нибудь глубоко реализованы) прогрессивные коррекции сложившейся модели. К ним можно отнести резкое сокращение практик массового политического насилия (при сохранении монополии политической власти номенклатуры), сужение привилегий и власти номенклатуры, развитие различных форм низового энтузиазма и контроля. Важные достижения обеспечило приоритетное развитие науки (активный прогресс в области естественных наук, атомная, космическая и др. программы, создание наукоградов и многое другое), образования (переход к бесплатному обучению в старших классах средней школы и вузах, качественный и количественный прогресс в сфере высшего образования, в том числе за счет создания большого количества новых высокочлассных университетов), культуры (в том числе, за счет развития относительной самостоятельности творческих союзов, сужения цензурных рамок и др.). Именно в этот период наиболее активно проявила себя такая позитивная тенденция, как развитие «*социальных лифтов*». Нако-

нец, именно в этот период наиболее ярко проявил себя новый человек – человек творческий, ориентированный на поиск путей в коммунистическое будущее. Эти черты не стали доминирующими у всех, но они присутствовали у большинства, а у значимого меньшинства были главными, определяющими поступки и поведение.

Но эти ростки коммунизма находились в глубоком противоречии с сохранением экономической, политической и идеологической власти номенклатуры, что, в конечном счете, обусловило вырождение этих ростков и эволюцию в сторону «гуляш-социализма».

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

В этот период активизировалась внутренняя эрозия ростков социализма. Причина – торможение продвижения к коммунизму, попытка компенсировать социальное творчество и демократию за счет использования в рамках бюрократического контроля рыночные начала, что вело к трансформации системы по направлению к формированию «общества потребления» при сохранении «экономики дефицита». Данное противоречие не могло не породить, с одной стороны, обмещивание масс, развитие частных, мелкобуржуазных интересов, конформизма большинства населения, что уничтожало остатки низового социального творчества. С другой стороны, в этих условиях внутри номенклатуры закономерно нарастало предсказанное еще в работах оппозиции 1920-х гг. стремление номенклатуры обменять власть на собственность и капитал. Последнее стало главной причиной возникновения «перестройки» и, в конечном итоге, непосредственной причиной конца СССР.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Этот период наиболее ярко проявил внутренние противоречия СССР. Во второй половине 1980-х гг. при сокращении ограничений со стороны номенклатуры началось активное возрождение социально-творческих начал. Примерами этого стали реальное низовое производственное и территориальное самоуправление, развитие экологических и многих других социальных инициатив, неформальных общественно-политических объединений, пробуждение культурной и политической активности граждан. Однако, во-первых, эти

инициативы были уже в исходном пункте деформированы мелкобуржуазной трансформацией общества и человека в брежневский период, что, в конечном счете, привело большинство из социально-активных граждан к отходу от протокоммунистических целей и ценностей и переориентации на поддержку рыночно-капиталистической модели трансформаций. Во-вторых, власть в этот период сохранялась в руках номенклатуры, стремившейся к обмену власти на собственность и капитал, т. е. к разрушению социалистического компонента советской системы, а вместе с тем и страны.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Ответ на этот вопрос был по сути дела дан выше. СССР показал, что развитие по пути к коммунизму возможно даже в условиях, которые минимально могут создать предпосылки для такого исторического процесса – в условиях страны, разрушенной сначала Первой, а затем Второй мировыми войнами, в условиях непрекращающегося мощного давления большей части мирового сообщества (давления и экономического, и политико-идеологического, и культурного и – что особенно важно – военного), в условиях минимально адекватных для прогресса в сторону коммунизма технологических, экономических, образовательных и т. п. предпосылок внутри страны. В этих условиях были показаны реальные прогрессивные возможности народнохозяйственного планирования, общественных форм присвоения, общедоступности общественных благ, советской культуры и образования и т. п., плюс, главное, были реализованы – при всех противоречиях и недостатках – задачи формирования *нового человека* – человека, обладающего иной системой ценностей, целей, мотивов и форм деятельности, поступков, отношений – человека, нацеленного на движение в сторону разотчуждения⁸, а не на воспроизводство и укрепление отчуждения.

Оборотной стороной этого было бюрократическое вырождение власти; мутация социалистических ростков в экономике, политике, идеологии; развитие на их месте насильственных бюрократических форм и псевдо-рыночных субститутов; обмещивание масс и т. п., о чем я уже писал выше.

⁸ Подробнее об этом см.: Булавка-Бузгалина Л. А. Разотчуждение: от философской абстракции к социо-культурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Мы не случайно назвали одну из наших наиболее полных работ по проблемам истории нашей Родины «СССР: оптимистическая трагедия».

Позволю себе несколько образный, в нарочитой публицистичной манере, как и весь этот текст, финал, обусловленный, в частности, необходимостью быть предельно лаконичным.

Уход с исторической арены СССР стал неизбежен только в последние десятилетия, с поражением «оттепели» 1960-х. До этого в нем с разной степенью интенсивности боролись красная и черная линии — линия рождения коммунистического будущего, «царства свободы» и линия реакции, возврата в мрак социального отчуждения, «царства необходимости». Ориентация на возвращение в массах серости (мелкобуржуазного конформизма), на «очаствивание» социального-культурного бытия, ставшая доминирующей с конца 1960-х годов не только в СССР, но и в большинстве стран мировой социалистической системы, предопределила конечный трагический финал: интеграция черного с серым победила красную линию.

Но, повторю, это оптимистическая трагедия. Первые поражения борцов за социальное освобождение, за коммунизм, в историческом смысле стали победой: они дали бесценный опыт не только борьбы, но позитивного созидания, особенно мощного, несмотря на все деформации, в СССР. Это теории и практики, которые станут будущим, пройдя через пламя диалектического обновления.

Последние десятилетия мир вообще погрузился в тьму (наиболее интенсивную, как известно, перед рассветом). Историческое время начала XXI в. — «час быка».

Но впереди — новые всполохи коммунистического утра, ибо его приход есть объективный закон исторического развития.

М. И. Воейков (Институт экономики РАН, Москва)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.2. Социально-экономический и политический строй СССР — это одна из моделей госкапитализма.

Тот общественный строй, который существовал в СССР, иначе, как госкапитализм, назвать нельзя. Конечно, это не был классический госкапитализм, ибо не было распределения по капиталу. Но это, безусловно, была одна из моделей госкапитализма с очень заметной социальной составляющей. Можно даже говорить, что СССР был сильным социальным государством.

Говоря об общественном строе СССР, надо, прежде всего, прояснить вопрос о Русской революции 1917 г. Ибо в советский период было общим местом считать революцию 1917 г. социалистической и дальнейшее развитие России (СССР) как строительство социалистического общества. Однако все это не соответствует действительности. И это же привносит большую путаницу в качественное определение социально-экономического строя СССР.

На самом деле революция 1917 г., включая ее февральский и октябрьский этапы, была не социалистической, а буржуазно-демократической. Россия до 1917 г. была по существу феодальной страной, и перескочить к социализму за несколько месяцев ни по какой практике и теории просто невозможно. Как известно, Русская революция произошла в отсталой стране, с крайне низким уровнем развития капитализма¹. На этот период в России, конечно, существовал капиталистический уклад, но он не занимал господствующего положения. В этих условиях согласно марксистской теории в России могла произойти только буржуазно-демократическая революция, целью которой было прежде всего преодоление феодализма.

Сами участники и свидетели революции не превращали эти два этапа в принципиально различные революции. «Вся суть в том, — писал Л. Троцкий, — что Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции»². Но тогда — где же и когда была буржуазная революция? Ведь не может же феодальное общество с фундаментом «первобытно-коммунистического характера» (по словам Ф. Энгельса) сразу перескочить к социалистической революции, пропустив буржуазную стадию развития.

Более того, сам В. И. Ленин, будучи ортодоксальным марксистом, до самого Октября 1917 г. не говорил о социалистическом характере предстоящей революции. Так, в «Прощальном письме к швейцарским рабочим» перед самым отъездом в Россию (середина марта 1917 г.) он писал: «Россия — кре-

¹ Подробнее см.: Воейков М. И. Российская экономика 100 лет назад, или о причинах русской революции 1917 года // Альтернативы. 2014. № 4.

² Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 24.

стьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм». Далее. Если внимательно проанализировать знаменитые апрельские (1917 г.) тезисы Ленина, то и здесь мы не найдем формулы социалистической революции. Более того, пункт 8 этих тезисов гласит: «Не "введение" социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов». В наброске статьи в защиту апрельских тезисов Ленин еще раз специально подчеркивает: «Революция буржуазная в данной стадии. Поэтому не надо "социалистического эксперимента"». В «Письме о тактике», которое также входит в блок апрельских работ Ленина, он еще раз отмечает: «Я не только не "рассчитываю" на "немедленное перерождение" нашей революции в *социалистическую*, а прямо предостерегаю против этого». И наконец, в докладе на Апрельской Всероссийской конференции РСДРП(б) Ленин еще и еще раз подчеркивает: «Мы не можем стоять за то, чтобы социализм "вводить", – это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедовать. Большинство населения в России – крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не могут и думать»³. Таким образом, внимательное чтение апрельских работ Ленина 1917 г. и прежде всего «Тезисов» убеждает в абсолютной неправильности «сталинской школы фальсификаций» о том, что Апрельские тезисы ориентировали партию на социалистическую революцию.

Большевики в 1917 г. предложили обществу политическую тактику, которая была ближе всех остальных к потребностям того момента. Но стратегически политика «военного коммунизма», которая во многом была вызвана условиями хозяйственной разрухи и гражданской войны, и в какой-то мере идеологическими чаяниями большевиков, оказалась политической стратегией, которую общество не приняло, и от этой политики после окончания гражданской войны пришлось отказаться. Большевики очень не хотели переходить к НЭПу, это был серьезный кризис для многих коммунистов. Но объективная составляющая экономического развития потребовала перехода к НЭПу, и большевики пошли на этот переход, даже вопреки своим идеологическим установкам. Теоретически была ясна неизбежность именно буржуазного развития, пусть и в своеобразной форме. И хотя история вынудила большевиков и последующих советских руководителей развивать рыночные и бур-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 91–92, 116, 123, 142, 357.

жуазные отношения, последовательно такая политика не проводилась. И весь советский период существовала некая двойственность: фразеологически было одно, а в практической жизни нечто иное.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.1. «Советская модель» (советский строй) была необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX в.

Да, советская модель экономического развития вопреки мнению и желанию многих большевиков оказалась объективно необходимой и действенной в тех условиях для подъема экономики страны. Эта модель включала как рыночные начала, так и систему планового управления народным хозяйством. Известно, что 1921 г. был годом перехода к НЭПу, образования Госплана и начала составления ежегодных народнохозяйственных планов (так называемые «контрольные цифры» на соответствующий год).

Эти две характеристики экономического развития (рыночные начала и народнохозяйственное планирование) в 1920-е гг. составляют уникальную особенность развития России. Они позволили стране к середине 1920-х гг. преодолеть разруху от Первой мировой войны, революции и гражданской войны. Даже эмигрантские экономисты признавали, что к 1925 г. русский крестьянин никогда так хорошо не жил, как в этот период.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.2. Модель форсированной индустриализации без Сталина и эксцессов сталинизма.

Здесь надо бы различать период 1920-х гг., когда рыночные начала в экономике сочетались с планированием народного хозяйства, и период с начала 1930-х гг. вплоть до косыгинской реформы 1965 г., когда, по сути, была мобилизационная экономика с минимизацией рыночных начал.

Практически более эффективной модели развития в 1920-е гг. в стране не было. Иное дело, конец 20-х и начало 30-х гг., когда создавалась модель мобилизационной экономики. О том, что в России надо проводить индустриализацию и даже ускоренными темпами, признавали почти все руководящие большевики. Расхождения между ними были по вопросу темпов. Так, наркомфин

Г. Я. Сокольников предлагал постепенный переход к индустриализации на основе роста благосостояния крестьянства, сталинское окружение выступало за ускоренную индустриализацию, которую и осуществили в начале 1930-х гг. Причем Сталин всех своих противников и инакомыслящих репрессировал.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Главные «пороки» сталинской модели состоят в чрезмерной жесткости проводимой политики, граничащей с преступлениями. Скажем, если бы индустриализацию проводили сторонники «левой оппозиции», жертв и ошибок было бы значительно меньше.

К причинам «пороков» сталинской репрессивной модели можно отнести отсталость России в цивилизационном развитии. Это не только грубость и жестокость лично Сталина и его ближайших сподвижников, но общий уровень деловой культуры населения. Чтобы русский мужик, а население в то время было в основном крестьянское, сносно работал на стройке или заводе, он должен был бояться начальника. Материальные стимулы труда были не очень существенными и не имели большого значения, ибо изобилия товаров в магазинах тогда не было.

В то время была хозяйственная, а, следовательно, и политическая диктатура государственной власти. Но надо сказать, что почти все страны второго эшелона экономического развития проходили этап экономической диктатуры. Конечно, форма ее могла быть разной.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

К сильным сторонам сталинской модели можно отнести высокую исполнительную дисциплину. Рядовые работники и хозяйственные руководители боялись ее нарушать. Кроме личных организационных способностей Сталина, была создана целая система очень эффективной исполнительной власти. Большую роль при этом играла коммунистическая партия большевиков, которая на всех уровнях быстро и просто, порой очень жестко, решала организационные вопросы.

Это была мобилизационная экономика со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. Но эта экономика позволила СССР создать индустриальную основу для победы в Великой Отечественной войне.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Во времена Хрущева в целом продолжала функционировать сталинская модель экономики, которая в целом была предопределена, конечно, не личными амбициями Сталина, а объективными условиями развития России. Но репрессии ослабли, материальные стимулы не играли решающей роли. В этот период надо было переходить к развитию рыночных начал в экономики, но это боялись сделать. Как писали в художественной литературе, это был период оттепели, но на деле под ногами оказалась слякоть.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Время правления Брежнева по существу есть продолжение интенций экономического развития, зародившихся еще во времена Хрущева. Главная интенция состояла в отказе от мобилизационной модели экономического развития (т. е. сталинской модели) и переходу к нормальной рыночной экономике. Это была объективная необходимость. В этом направлении была проведена косыгинская экономическая реформа 1965 г. Но довести до конца эту реформу власти побоялись. Тут еще вмешались чехословацкие события 1968 г., после которых в СССР был сделан существенный шаг назад, т. е. откат от рыночных реформ в экономике. Социально-политическая ситуация в этот период зависла между возвращением к сталинской модели и объективными требованиями экономических, политических и идеологических альтернатив. Такая раздвоенность сказалась и в дальнейшем.

Но надо сказать, что в этот период расцвела советская культура, основы расцвета которой сформировались еще в хрущевское время. Появилось много прекрасных поэтов (Окуджава, Вознесенский, Ахмадулина, Евтушенко и др.), писателей (Бондарев, Гранин, Солоухин и др.), композиторов (достаточно назвать только Пахмутову), театров (например, «Современник»). Журналы «Новый мир», «Иностранная литература» читали все, в отличие от нынешнего времени. Так что эпоха Брежнева никаким «застоем» не была. Застой был в экономике, но не в обществе.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Время правления Горбачева — это сгусток всех накопившихся проблем экономического и социально-политического развития России. Экономические реформы предшествующих периодов так и не были доведены до конца, и это сказалось на снижении темпов экономического роста и вообще на ситуации в обществе.

Из плюсов политики Горбачева можно назвать, конечно, гласность и демократизацию экономической и политической жизни. Но минусов его политики было существенно больше. Если взять экономику, то можно назвать крупнейшую ошибку его политики в этой области, когда правительство решило перейти к свободным ценам и начало этот процесс с цен на хлеб. Правители забыли, что в России хлеб «голова всему» и он истари определяет все и вся. После того, как цены на хлеб выросли, народ бросился скупать все подряд. Это было началом краха советской системы. Ошибок в политике Горбачева было так много, что серьезно говорить о том, что у него была какая-то политика, трудно.

Но об одном сказать надо. Когда собрались три лидера союзных республик (Беларуси, Украины, России) и подписали беловежские соглашения, Горбачев не принял никаких мер. Хотя эти соглашения нарушали конституцию СССР, результаты всесоюзного референдума, и Президент СССР обязан был уголовно наказать этих лидеров. Тем самым, Горбачев нарушил конституцию и должен был бы нести уголовное наказание.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Основное достижение советского периода состоит в том, что Россия из второразрядной страны превратилась во вторую сверхдержаву в мире. Была создана современная индустрия, люди в целом жили вполне благополучно, доступная медицина, бесплатное образование, постепенно решалась жилищная проблема, был расцвет советской культуры, успешно развивалась наука. СССР был вполне респектабельным и конкурентоспособным социальным государством.

К неудачам и ошибкам советского периода можно отнести, прежде всего, неразвитость рыночных начал в экономике, слишком жесткую централизацию управления, отсутствие демократизма и самоуправления на местном уровне. Совершенно необязательно было каждую парикмахерскую создавать как государственную. К сожалению, таких глупостей в советский период было много.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Я бы разделил эти два вопроса. Ибо крах СССР относится к судьбе России и единству ее народов. Крах советского строя касается общественного устройства страны.

Относительно первого вопроса – развала СССР. Россия на протяжении своей истории много раз объединяла многие народы и земли, были и потери. Поэтому «крах СССР» не есть какая-то закономерность, а скорее очень трудный и мучительный процесс поиска новой формы объединения. Так, люди из среднеазиатских республик в массовом порядке едут работать в Россию. Без России этим странам трудно. Украина до сих пор живет как на вулкане, и без России украинскому народу трудно.

Теперь второй вопрос – «крах советского строя». Закономерность тут та, что под этим названием понималось социалистическое общество, которое, по сути, социализмом не было. Поэтому это «крах» названия, формы. Но суть социально-экономического устройства России осталась та же: централизованное управление (даже порой авторитарное), господство буржуазных отношений, уже не прикрытых социалистической фразеологией, стремление быть лидирующей державой в мире.

Р. Г. Гагкуев (ИРИ РАН, Москва)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.3. Иное.

На мой взгляд, нельзя говорить о некой единой, неизменяемой модели на всем протяжении существования СССР. Модель государственного капитализма, сложившаяся к концу жизни Советского Союза, формировалась на протяжении десятилетий. Находившиеся в распоряжении государства про-

мышленность и сельское хозяйство позволяли перераспределять средства в зависимости от стоящих перед страной задач и обеспечивать высокие социальные гарантии для населения страны.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.3. Иное.

Создание советского государства не было единственным возможным следствием революционного слома традиционного российского общества. Дело даже не в том, что в результате гражданского противостояния в 1917–1922 гг. могли бы победить противники большевиков. Сама «советская модель», при условии сохранения социалистической многопартийности, вполне могла бы быть несколько иной по своему наполнению. К определенным последствиям могло бы привести и физическое устранение В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого или других ключевых лидеров большевиков.

Была ли реализованная «советская модель» необходимой с точки зрения решения задач, стоящих перед страной? Думаю, нет. Во-первых, набор задач для развития страны не был изначально никем задан; видение этих задач у разных политических сил заметно отличалось. Во-вторых, развитие страны с решением стоящих перед ней проблем могло бы идти и более эволюционным путем. Один из них – национально-консервативный, с опорой на существовавшие к началу социального разлома все слои общества, с выбором страной с помощью некоего учредительного органа (Учредительного собрания, Земского собора и проч.) формы правления; другой – умеренно-социалистический, при участии разных политических сил или, по крайней мере – социалистических партий.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.4. Иное.

Как правило, главным условием безальтернативности «сталинской модели» форсированной индустриализации СССР называется угроза войны с промышленно более развитыми странами Западной Европы. В этом отношении она действительно выглядит на первый взгляд безальтернативной. Но если посмотреть на цену этой индустриализации в долгосрочной перспекти-

ве, то она не выглядит уже столь убедительной. Перераспределение средств из сельского хозяйства в промышленность, фактическое огосударствление сельскохозяйственного производства привели к серьезному удару по крестьянству. Депрессивность советского села в последующие десятилетия, когда постановка на «подъем сельского хозяйства» была синонимом отправки на заранее безнадежное дело, как раз следствие проведенной форсированной индустриализации.

В этом отношении более приемлемыми представлялись бы варианты 1 и 2, которые, возможно, позволили бы сохранить баланс в развитии промышленности и сельского хозяйства и избежать кризиса системы в будущем, когда результаты «сталинской модели» в полной мере сказались на жизни страны.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Монополизация власти на многие десятилетия в результате победы во внутрипартийной борьбе. «Тоталитарный режим» сложился не сам по себе, а в результате ожесточенной борьбы внутри партии и постоянной угрозы нападения на СССР со стороны капиталистического мира. Сложившаяся к концу правления И. В. Сталина политическая система и политическая культура фактически не позволили ему оставить наследника-продолжателя «сталинской модели», что привело к ее трансформации в последующие годы.

Политические репрессии, споры о масштабах которых не прекратятся, очевидно, никогда, и создание ГУЛАГа. Репрессии были обусловлены внутриполитической борьбой и опасениями — реальными и мнимыми — возникновения в стране «пятой колонны». С одной стороны, они позволили укрепить режим личной власти, с другой — ослабили, прежде всего, интеллектуальный потенциал страны, так как в существенной степени были направлены на потенциально не лояльную интеллигенцию.

Создание культа личности, как один из способов укрепления власти и влияния в обществе. Это способствовало укреплению системы, но его развенчание в будущем нанесло один из серьезных ударов по самой «сталинской модели», показав в явном виде лживость многих достижений вождя советского государства и поставив под сомнения достижения самой социалистической модели развития.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Создание мощной административно-командной системы, которая при всех ее издержках позволила стране победить в Великой Отечественной войне. Система зародилась в период Гражданской войны, для обеспечения победы в ней, в дальнейшем развивалась как инструмент упрочения личной власти. Огосударствление сфер производства было ее обязательным элементом.

Постепенный переход от идеи всемирной революции к построению «социализма в одной стране» – фактически созданию варианта российского государства на новой основе, с новой идеологией и под новым названием.

Внимание к развитию науки и научно-технического потенциала СССР, заложившее многие прорывные успехи страны. Во многом было вызвано вниманием руководства страны к развитию системы общего и высшего образования для подготовки кадрового потенциала с первостепенным вниманием к оборонной промышленности.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Оценка политики Н. С. Хрущева не может быть однозначной. С одной стороны, логика политической борьбы привела его к развенчанию культа личности И. В. Сталина, что навсегда изменило политический климат в стране. С другой стороны, сам Хрущев не только сформировался в период правления И. В. Сталина, но и играл во время него довольно важную роль. Н. С. Хрущев не произвел каких-то кардинальных изменений ни в политической, ни в экономической сфере. Скорее можно говорить о неких изменениях в «сталинской модели», определенной децентрализации, сыгравших роль в ее трансформации в долгосрочной перспективе.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

В целом положительно. Предпринятые меры в экономике позволили СССР добиться наиболее высокого уровня жизни населения за все время существования советского государства. Однако непоследовательность мер в экономике и сворачивание экономических реформ, в конечном счете, привели к «застою», потенциально грозившему стране кризисом.

К минусам также можно отнести сложившуюся во время руководства Л. И. Брежневым страной зависимость от нефтегазового сектора и поставок сырья за рубеж. При изменении экономической конъюнктуры это негативно сказалось (и сказывается по сей день) на экономике страны. Внимание к развитию науки и техники в стране было плохо связано с внедрением его результатов в производство и повседневность, что особенно сказалось при развитии электронно-вычислительной техники (компьютеров) и вылилось в большое отставание в ее внедрении в жизнь от многих стран мира.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Как одну из наиболее трагических в истории России. К положительным моментам можно отнести только само намерение М. С. Горбачева реформировать общественно-политическую и социально-экономическую жизнь страны, сделать ее более конкурентоспособной в начавшем стремительно меняться мире. Очевидно, что необходимость реформирования советской модели развития к началу 1980-х гг. назрела, но осуществление этих реформ было возможно только при крайне взвешенной и осторожной политике со стороны руководства страны. Заявленные лозунги «Перестройки» были привлекательны для существенной части населения страны, но мало реализуемы на практике.

Непоследовательность и противоречивость политики М. С. Горбачева привела к системному кризису советского государства, усилила появившиеся в предыдущие годы кризисные процессы, привела к развалу СССР. Допущенные Горбачевым в период руководства страны ошибки сегодня многими рассматриваются как умышленные, что, конечно же, – упрощение реального исторического процесса. Главным минусом эпохи «Перестройки» стала упущенная возможность модернизации Советского Союза и, как следствие, – его развал.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Построение системы государственного капитализма, социально-ориентированного государства, повлиявшего на развитие всего мира на протяжении большей части XX в.

К одной из главных причин неудачи «советского проекта» можно отнести фактическую ликвидацию национальной государственно-мыслящей элиты. Эмиграция из России огромного количества образованных людей, составляв-

ших основу ее культурного и научного потенциала, репрессии создали огромную прореху в интеллектуальном потенциале страны. Сформировавшиеся в Советском Союзе партийная элита и советская интеллигенция в долгосрочной перспективе оказались неспособны сохранить советское государство. Советская партийно-государственная элита на практике не воспроизводила себя уже во втором поколении. Количество убежденных сторонников социализма и построения коммунизма в ней таяло пропорционально удалению от событий Октябрьской революции 1917 г. Неслучайно с наступлением кризиса в стране на рубеже 1980–1990-х гг. большая ее часть озаботилась не сохранением страны, а достижением личной выгоды. Уход в свои «национальные квартиры» или стремление к личному обогащению оказались для нее типичны.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

«Советская модель» никогда не существовала в некоем финальном виде. На протяжении своего существования она менялась и была способна к некоторым изменениям и в дальнейшем. Необходимость этих изменений, в соответствии с теми процессами, которые происходили в экономике и научно-техническом развитии мира, была для СССР насущной. В противном случае в обозримой перспективе страну мог ожидать системный кризис. Иными словами, трансформация советского строя была неизбежной, при этом развал Советского Союза таковым не был.

В. И. Голдин (САФУ им. М. В. Ломоносова, Архангельск)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.1. Одна из моделей социализма.

Это была одна из моделей социализма, ибо налицо были его основные признаки: доминирование общественных форм собственности, общенародная собственность (в двух формах) на средства производства, хотя и при гипертрофии государственной собственности, отсутствие антагонистических классов и эксплуатации человека человеком, коллективистские ценности преобладали над индивидуальными, высокая социальная мобильность, система социальных гарантий и уверенность людей в завтрашнем дне.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.1. Да, другого, более перспективного варианта не было, потому что...

Размышлять с позиций альтернативистики интересно и можно рассуждать о других моделях и вариантах развития, но реальная практика и конкретные исторические условия, совокупность международных и внутренних факторов во многом предопределили именно состоявшийся советский вариант развития.

Глубокий кризис мировой капиталистической системы в начале XX в., воплотившийся в итоге в Первую мировую войну, в которую была вовлечена и Россия, до этого трудно решавшая назревшие проблемы широкомасштабной модернизации и на порядок отстававшая от ведущих держав, во многом обусловили революционный вариант выхода из кризиса. Несостоятельность и крах буржуазно-демократической реформации, обнаружившиеся в 1917 г., вызвали к жизни вариант социалистического обновления с попутным решением общедемократических задач. Выигранная большевиками и советским лагерем Гражданская война стала своего рода фундаментом для последующей советской социалистической модели развития с неизбежным военно-силовым наследием прошлого, которое воплощалось в конкретную практику. К тому же, строительство социализма в одной стране породило и огромные трудности, потребность созидания его с опорой на собственные силы, перенапрягаясь и «затягивая пояса».

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.2. Модель форсированной индустриализации без Сталина и эксцессов сталинизма.

Возможно, что были. Но развитие в рамках бухаринской модели имело мало шансов на успех, с одной стороны, потому, что государство, власть и общество вышли из Гражданской войны, а, во-вторых, и это главное – страна нуждалась в ускоренной модернизации всех сфер жизни общества: экономики (форсированной индустриализации и создания современной промышленности, транспорта, сельского хозяйства), социальной сферы, науки и образования. Сделать это надо было в кратчайшие сроки, ибо новая мировая война,

как показала жизнь, была неизбежна, а страна с медленными темпами обновления была обречена.

Разумеется, предпочтительной была бы модель развития без сталинских эксцессов, массовых репрессий и чисток, атмосферы «осажденной крепости» и «поиска врагов», шпиономании.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Широкое принуждение, использование методов подавления и насилия, массовые репрессии и чистки, в т. ч. в руководстве страны, уничтожение большого количества талантливых руководителей, управленцев и организаторов, гипертрофированная роль государства, бюрократизация всех сфер жизни общества, строительство социализма «сверху» с широким использованием административных и командных методов, подмена во многом демократической сущности социализма с необходимостью опоры на развитие самоуправления трудящихся во всех сферах.

Причины этого вытекали, с одной стороны, из совокупности объективных факторов: традиции и привычки Гражданской войны, укоренившиеся в государстве, власти и обществе; привычка к насилию и к широкому использованию силовых и командных методов в системе управления и в иных сферах; вынужденное строительство социализма в одной и отнюдь не самой развитой стране, к тому же, колоссально пострадавшей в результате мировой и гражданской войн, фактор враждебного окружения; потребность ускоренной модернизации страны в кратчайшие сроки и любой ценой (с лейтмотивом «мы за ценой не постоим»), в условиях ожидания скорой и неизбежной новой большой войны, которая, в конечном итоге, и началась менее чем через два десятилетия после окончания Гражданской войны.

С другой стороны, несомненно, что большую роль играли и субъективные факторы, связанные с качествами Сталина как личности, политического и государственного деятеля (подозрительность, мнительность, недоверие, мстительность, стремление любой ценой сохранить власть и др.), склонного к авторитарному и тоталитарному способам руководства, роль людей из его окружения, а также неспособность партии, государства и общества выдвинуть на политическую и государственную авансцену иных политических и государственных лидеров.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Системное видение модернизации, охватывающей не только промышленность и экономику в целом, но и социальные отношения, ускоренное развитие образования и науки. Высокая социальная мобильность общества, обеспечение беспрецедентно широких возможностей для продвижения талантливых людей из народа в высшие эшелоны управления. Не только ликвидация в исторически короткие сроки неграмотности, но и создание современной по тому времени и даже опережающей его системы доступного и бесплатного образования, в т. ч. высшего, для всех слоев населения, а также науки, развитие всех ее отраслей и подведение нового научного потенциала под развитие экономики, прежде всего, тяжелой индустрии и оборонной промышленности. Создание высококвалифицированной кадровой базы для развития народного хозяйства, социальных отношений и культуры.

Созданные в исторически короткий срок новая экономика, образование, наука и культура, новое сложившееся поколение людей стали фундаментом для победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне, основную тяжесть которой СССР и советский народ вынесли на своих плечах. Только они смогли остановить и разгромить нависшую над миром угрозу фашизма, в условиях, когда другие ведущие страны мира были уже неспособны к этому: Франция потерпела поражение, Великобритания сумела выстоять в «битве за Британию» в 1940 г., но уже была неспособна к активным действиям против фашизма на континенте, США остались бы в стороне, придерживаясь изоляционистской позиции, если бы не Пёрл-Харбор и не разгром их Тихоокеанского флота Японией. Именно действия СССР, сумевшего в 1941 г. остановить продвижение фашистской армады и нанести ей поражение под Москвой, убедили мир в способности победоносно сражаться с фашизмом и способствовали формированию антигитлеровской коалиции.

В послевоенный период не только в короткие сроки произошло восстановление страны и ее народного хозяйства, но СССР смог достойно ответить на американский вызов и претензии на мировое лидерство, попытку доминировать в мире посредством «холодной войны» и опираясь на созданное оружие массового уничтожения. СССР и лежащая в его основе новая система отношений, общество и государственность смогли достойно обеспечить свою

военную и политическую безопасность, как и безопасность стран формирующейся социалистической системы.

В трудное послевоенное время СССР развивал науку и образование, создавал новые вузы и научные учреждения. Именно это и созданный высокий человеческий потенциал обеспечили решение сложных задач в различных сферах жизни страны и общества.

Советская система, особенно в сталинский период, характеризовалась низким уровнем коррупции, в государственном руководстве преобладали люди, работавшие за идею, верившие в социалистические идеалы.

Причины сильных сторон реализуемой модели заключались в революционном обновлении общества, сломе ранее существовавшей системы барьеров и препон, мешавших развитию, ликвидация прежней жесткой иерархичной системы, препятствовавшей продвижению широких слоев населения к знаниям и последующему саморазвитию и самореализации, а также в высоком жизненном потенциале социалистической системы. Поколение людей, живших в то время, стремилось на практике реализовать принцип «кто был ничем – тот станет всем», воплотить мечту в жизнь и «сказку сделать былью». Оно на деле видело результаты своего труда и огромные преобразования, происходившие в стране и в обществе: ускоренное развитие промышленности, создание тысяч промышленных предприятий, появление сотен новых городов, новой системы образования, средней специальной и высшей школы, современной науки, созидание новой культуры и т. д.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Плюсы хрущевской эпохи заключались в освобождении от издержек сталинизма, происходила десталинизация, пусть и непоследовательная, в сфере политики и общественной жизни, реабилитация незаконно репрессированных людей и выход многих из них на свободу. Произошел отказ от кампаний политических обличений, поиска врагов и массовых репрессий, в т. ч. в руководстве страны и на местах. Предпринимались попытки обновления сталинской модели развития и видения социализма, путей его строительства и развития. Усилилось внимание к развитию социальной сферы, к повышению уровня и качества жизни людей.

Минусы Хрущева и его поколения руководителей заключались в том, что они вышли, образно говоря, «из сталинской шинели». Отказавшись от массовых репрессий и насилия, Хрущев и его соратники продолжали широко использовать в практике своей деятельности административные, волевые методы руководства, что нередко приводило к ошибкам и издержкам, легковесным и непродуманным решениям. Объективно говоря, Хрущев как политик и государственный лидер был на порядок ниже Сталина и не пользовался таким же, как у него, авторитетом и влиянием в обществе.

В СССР действовала существенно обновленная в сравнении с предшествующим периодом модель развития, но с гипертрофированной ролью государства и высшего руководства, ограниченной ролью и возможностями общества и граждан в сопоставлении с ними.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Эпоха Брежнева была высшей фазой в развитии советского общества, его экономики, социальной сферы, науки и культуры, в обеспечении обороноспособности СССР. Она характеризовалась растущей социальной ориентацией развития, наивысшими показателями уровня и качества жизни людей в советский период и в целом в многовековой истории страны, для которых была свойственная уверенность в завтрашнем дне. СССР признавался в мире как одна из сверхдержав не только с точки зрения военной мощи, но и в силу состояния экономики, образования и науки. Без учета мнения и позиции СССР не мог быть решен ни один вопрос мировой политики. Социалистическая система при советском лидерстве характеризовалась высокими темпами развития, общественно-политической стабильностью, несмотря на существовавшие в ряде из них протестные движения и инакомыслие, и могла обеспечить безопасность любого из ее государств-членов. Социализм как модель развития пользовался высоким авторитетом и привлекательностью в мире.

Оценивая эпоху Брежнева сегодня, следует заметить, что к ней вряд ли приемлемо определение «эпохи застоя», как это делалось в период «перестройки». Это особенно очевидно в сопоставлении с периодом перестройки и, тем более, с постсоветской эпохой. В действительности это был период наибольшей стабильности во всех сферах жизни и пик влияния СССР в мировой политике. Ни одно из государственных образований, его предшествен-

ников, на протяжении предшествующей истории, не говоря уже о последующем периоде времени, не обладало такой мощью и возможностями в мировых делах и в международных отношениях, как СССР. Вместе с тем, втянутость страны в гонку вооружений с неадекватными и дорогостоящими вариантами противостояния западным вызовам, ввод войск в Афганистан и затянутость их пребывания там были ошибками.

Впрочем, эту эпоху в истории страны, и в том числе ее финальный период, не следует, разумеется, идеализировать, имея в виду и дряхление в силу возраста и состояния здоровья высших чинов советской политической элиты, и часто их неспособность адекватно реагировать на новые вызовы и проблемы. Эта эпоха требовала усиления роли общества и граждан в жизни страны, повышения эффективности экономики, превращения науки и научно-технического прогресса в реальную основу и фундамент развития народного хозяйства и всех сфер общества. Новое время требовало перемен и реформ, сильных и эффективных современных руководителей, но не тех, которые пришли на смену Брежневу и Черненко.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Эпоха Горбачева характеризовалась резким разрывом деклараций, лозунгов, обещаний, с одной стороны, и реальных дел, с другой. Привлекательные лозунги не подкреплялись эффективной и продуманной системой мер по их реализации. Провозглашая программу реформ и обновление социализма, Горбачев, как показало время, не понимал основ функционирования, обеспечения стабильности и жизнеспособности социалистической системы, вел дело к разрушению ее целостности, как и мировой социалистической системы в целом. В высшем руководстве страны оказалась группа людей, стремившихся, как показало время, к разрыву с социализмом (А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварднадзе, Б. Н. Ельцин и др.). Лозунги потребительского общества оказались привлекательнее, чем социалистические идеи и духовные ценности. Провозглашенная перестройка привела на деле не к обновлению и развитию социализма, а к разрушению его основ, что и обернулось распадом СССР, крушением мировой системы социализма и крупнейшей геополитической катастрофой XX в.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Основные достижения заключались в высокой динамике экономического развития и всех сфер жизни общества. Несмотря на не лучшее, мягко говоря, наследие, доставшееся от царской России, серию разрушительных для Советской России и СССР войн в XX в., страна в советский период вышла на лидирующие позиции в мире в сфере экономики, науки, образования и культуры, приобрела статус одной из двух сверхдержав мира по политической, военной, экономической и научной мощи и потенциалу. Была ликвидирована система эксплуатации человека человеком, обеспечена высокая социальная мобильность общества, уверенность людей в завтрашнем дне. Между людьми разных национальностей в СССР доминировали отношения дружбы, товарищеской взаимопомощи, интернационализма.

СССР создал самую мощную за всю многовековую отечественную историю систему союзников и сторонников в виде мировой системы социализма и стран, провозгласивших курс некапиталистического развития. Хотя, разумеется, идеализировать надежность всех их было нельзя. Ни один вопрос мировой политики не мог быть решен без участия и/или учета мнения СССР. Европейский континент, во многом благодаря Советскому Союзу, создав по его инициативе и при активном участии эффективную систему безопасности и сотрудничества (Хельсинкский процесс), в послевоенный период развивался без войн и военных конфликтов. Происходили не только поступательные процессы социализации и гуманизации в Советском Союзе, но он оказывал и определяющее воздействие на развитие этих процессов в капиталистическом мире.

Вместе с тем, СССР не удалось достичь более высокой, чем в ведущих капиталистических странах, производительности труда, уровня и качества жизни граждан. Государственность и государственное во многом доминировали над общественным и личным, ограничивая человеческие стимулы к развитию. Плановая и централизованная экономика оказалась неспособной быстро перестраиваться, реагировать на общественный спрос и пожелания, что порождало дефицит. Высокий созданный научный потенциал далеко не в полной мере использовался для реализации задач научно-технической революции, в экономике и в других сферах развития общества. Научно-техническая революция не превратилась в полной мере в двигатель развития экономики и иных сфер жизни общества.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Крах СССР не был закономерен и неизбежен. Страна имела хорошие возможности, резервы и потенциал для развития. Непоправимые ошибки, допущенные руководством СССР во внутренней и внешней политике, разрыв между словами, лозунгами и реальными делами, противоречия и коллизии в политических элитах и в межнациональных отношениях предопределили распад и крушение СССР и социалистической системы. Большинство населения России и ряда государств постсоветского пространства высказывало и высказывает сегодня, как показывают опросы общественного мнения, сожаление по поводу распада СССР, и процент таких людей, в т. ч. в молодом поколении, год от года растет. И это не только идеализация советского времени спустя годы, но реальное сожаление об утрате социальных, экономических и иных завоеваний, социальной стабильности и уверенности в завтрашнем дне, высокого международного статуса страны, которые были достигнуты в период СССР.

Икэда Ёсиро (Токийский университет, Япония)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.3. Иное.

Одна из моделей корпоративного режима.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.3. Иное.

Многое в истории зависит от случайностей. Ничего необходимого нет в ней. Однако можно сказать, что советский строй был одним из оптимальных вариантов для страны. При нем осуществилась непарламентарная модернизация империи с различным составом населения.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.2. Модель форсированной индустриализации без Сталина и эксцессов сталинизма.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Игнорирование самых основных прав гражданина. Причина его заключалась в негативном отношении большевиков к достижениям «буржуазной» цивилизации Западной Европы. Но в связи с ответом на вопрос 3 добавляю, что я не думаю, что сталинские репрессии были неизбежны.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Мощность для мобилизации населения с целью быстрой индустриализации и военизации страны. Причина такая же, как в вопросе 4.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Более постепенная, спокойная и медленная десталинизация, которая действительно была с 1953 до 1956 г., привела бы к более стабильному обновлению всей системы.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Брежневу пришлось попытаться восстановить баланс всей системы, который был расшатан слишком резкими реформами Хрущева.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Опять хотелось бы заметить, что более постепенные реформы привели бы к лучшим результатам. Однако уже к началу 1980-х гг. экономический потенциал СССР стал слишком низким, так что Горбачеву было трудно провести реформу постепенным образом.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Советская модель федерации с созданием государственной единицы для каждой национальности является, несомненно, шагом вперед по сравнению не только с Российской империей, но и другими империями первой половины XX в.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

В истории человечества «крах» часто оказывался частью процесса возрождения. Думаю, что и крах Российской империи, и крах СССР были органическими частями развития истории российской государственности.

Г. З. Иоффе (Монреаль, Канада)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.2. Одна из моделей госкапитализма.

Это одна из моделей капитализма, но с весьма существенными элементами социализма (просвещение, образование, медицина и др.).

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.2. Нет, был более перспективный вариант. Он состоит в следующем...

Нет, она не была необходимой. Необходимость значит неизбежность. Признав неизбежность, мы должны признать закономерность этой модели. Тогда возникает вопрос: кто, что, когда и как определило эту закономерность? Советская модель состоялась не по объективным, а субъективным обстоятельствам. Ленин, Троцкий и их соратники политически переиграли своих противников.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.2. Модель форсированной индустриализации без Сталина и эксцессов сталинизма.

Модель форсированной индустриализации без сталинских эксцессов была. Основы ее закладывались еще до революции, что использовалось при Советской власти. Индустриализация, проводимая экономическими, а не репрессивными методами, могла быть эффективнее и не принесла бы столько жертв в мирное время и в войну.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Диктат, внедрение в общество страха, массовые репрессии. Все это было порождено атмосферой Гражданской войны и особенностями личности Сталина, его борьбой за власть.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Вывод страны в число передовых держав и, как нужно признать, достигнуто это было «силовыми методами».

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Эпоху Хрущева оценить затрудняюсь. После Сталина его модель начала довольно быстро разваливаться, т. к. ее осью был страх, а он стал испаряться.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Двойственно. Быт рядового человека стал легче. С другой стороны, усилилось обмещивание (перерождение) парт- и совэлиты, рост коррупции и т. п., что свидетельствовало о возможном крахе советской модели.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

В эпохе Горбачева плюсов нет. Не было и политики. Как он попал «наверх», сказать трудно. Но попал и плыл по течению, думая об одном: а как в нем подольше плыть. Не вижу у Горбачева плюсов. Вижу политику обмана. Придя к власти, он говорил: «больше социализма» и т. д. Потеряв власть, говорил, что с юных лет думал о ликвидации социализма. А Яковлев прямо писал, что они не раскрывали свою истинную цель, чтобы не оказаться в Магадане. На них лежит ответственность за крах социализма и страны.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Нет ответа.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Как не было закономерно пришествие советской модели, так не был закономерен и ее крах. Да, нужны были умные реформы, но для них нужны соответствующие реформаторы. Их не было. Были другие, которые дали себя переиграть.

В. В. Калашников (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.1. Одна из моделей социализма.

На мой взгляд, в СССР был построен ранний (незрелый) вариант социализма. Социалистический характер строя определялся тем, что в СССР были уничтожены эксплуататорские классы, устранен принцип распределения общественного продукта по капиталу и доминировал (хотя и в довольно примитивной форме) принцип распределения по труду. Незрелость варианта определялась тем, что социализм строился в сравнительно отсталой и преимущественно крестьянской стране в условиях враждебного окружения. Незрелость проявлялась как в политических, так и в экономических институтах советской модели социализма: слабо развитые институты советской демократии и самоуправления на производстве. Свою роль сыграла и ошибка Маркса в определении социализма как нетоварной, нерыночной экономики. Она затрудняла процесс развития товарно-денежных отношений, необходимых на этапе социалистического производства. Для характеристики социально-экономического строя, созданного в СССР, наиболее подходит термин «государственный социализм» в силу доминирующей роли государства в управлении народной собственностью.

Иными словами вместо того, чтобы рассуждать на тему, был ли в СССР реализован «социалистический идеал» (чего, конечно, не было), я рассматриваю вопрос строго в рамках того критерия, который предлагает формационная теория. Необходимость использования этой теории обусловлена тем, что пока нет другой *общей теории истории*, которая могла бы служить лучшей альтернативой формационной теории. В основе истмата и формационной теории лежат положения, которые нельзя оспорить. Это положения о том,

что: 1) уровень развития производительных сил (т. е. человека и созданных им средств производства) определяет в общем и целом характер отношений, складывающихся в процессе производства и распределения общественного продукта; 2) эти базисные отношения отражаются в правовых, политических и моральных нормах, доминирующих в обществе; 3) общественное бытие (т. е. общественная среда в своей совокупности) определяет сознание человека. Эти положения истмата подтверждаются конкретными фактами из истории любой эпохи и любого народа. Понятно, что попытки представить истмат примитивной теорией экономического детерминизма следует отбросить, как это делал сам Маркс.

Согласно формационной теории в капиталистическом обществе характер отношений, складывающихся в процессе производства и распределения общественного продукта, определяется тем фактом, что меньшая часть населения владеет основными средствами производства на правах частных собственников. Это превращает большинство в наемных работников у этих собственников и рождает неизбежную социальную несправедливость (неравенство, эксплуатацию), поскольку главным является принцип распределения общественного продукта по величине частной капиталистической собственности. В начале XX в. такой строй существовал со своими особенностями (феодалские пережитки в землевладении) в царской России и был разрушен в результате Октябрьской революции.

По тем же основаниям я отвергаю версию о том, что в СССР был построен государственный капитализм. Повторим: капиталистические отношения (форма собственности и принцип распределения по капиталу) были уничтожены в СССР, а точнее существовали как маргинальный нелегальный уклад в «теневой» экономике. Следовательно, в СССР существовал строй, который никак нельзя определить как капиталистический с любыми уточнениями к основному определению. Отметим, что Ленин в начале НЭПа допускал ситуацию, при которой госкапитализм будет на время доминировать как уклад в экономике Советской России в период перехода к социализму. Но он имел в виду доминирование частнокапиталистического сектора в промышленности под контролем советского государства. Этот вариант не прошел, поскольку с введением нэпа частный капитал не взял в аренду крупные и средние промышленные предприятия. Частник ушел в сферу торговли, и частнокапиталистический

уклад не доминировал в экономике СССР даже в 1920-е гг. В деревне доминировал мелкотоварный уклад, основанный на семейном труде крестьян.

Тезис о том, что правящая бюрократия в СССР выступала как эксплуататорский класс (некий класс капиталистов), опровергается тем простым фактом, что управленцы в СССР были одной из наиболее малооплачиваемых элит мира относительно уровня развития экономики страны. Зарплата директора крупного промышленного предприятия в СССР превосходила зарплату квалифицированного рабочего этого предприятия всего в 3–5 раз. Никто из высших советских и партийных чиновников не оставил своим детям фабрик или заводов, т. е. капитала как самовозрастающей стоимости. Более того, никто из них не оставил своим наследникам счетов в банке или иного имущества, достаточных для безбедного проживания последних даже в рамках одного поколения. Размеры «наследства», оставленного своим детям И. В. Сталиным, Н. С. Хрущевым, Л. И. Брежневым, известны и полностью опровергают тезис о советской бюрократии как классе эксплуататоров. Повторяю: управленческая элита в СССР была самой малооплачиваемой по мировым меркам, и это стало одной из причин (хотя и третьестепенной) потери социалистического вектора развития страны в эпоху «перестройки».

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.1. Да, другого, более перспективного варианта не было

Только «советская модель» позволяла резко сократить опасное отставание России от Запада и тем самым защитить коренные интересы народов бывшей Российской империи от экономического и политического порабощения перед лицом традиционной и неизбежной (в силу итогов Первой мировой войны) германской агрессии. Германский расизм (тезис о германцах как «расе господ») был особенно страшен для восточных славян («расы рабов»). В середине XX в. германская агрессия реализовалась в особо опасной форме национал-социализма. Иными словами, социальные задачи Русской революции в эпоху империализма тесно переплетались с национальными задачами — защиты независимости и самого существования славянского ядра и других народов СССР.

Развитие России по пути капитализма не могло решить этих задач. Об этом говорят итоги полувекового развития царской России после буржуазных реформ Александра II. Несмотря на высокие темпы промышленного роста, Россия увеличивала экономическое, научное и культурное отставание от ведущих капиталистических стран. Если в 1861 г. душевой национальный продукт России составлял примерно 50 % от уровня Германии или Франции и 15 % от уровня США, то в 1913 г. он составлял соответственно 30–40 % и 10 %. По ряду ключевых показателей отставание было особенно сильным. Если в 1861 г. в России производилось чугуна более 60 % от уровня производства в Германии, то в 1913 – менее 28 %. Металл – «хлеб войны», а Германия с ее планами захвата жизненного пространства на Востоке была главной опасностью для России. Об уровне культурного отставания свидетельствовал такой красноречивый факт: из 10 тыс. новобранцев, призванных в армию в 1914 г., не умели читать и писать в Германии 4 человека, а в России – 6110 человек.

Характер политического и социально-экономического развития предвоенной царской России усиливал социально-политическую нестабильность в империи, что закономерно вело к социальному взрыву в условиях дополнительных тягот Первой мировой войны. Этот взрыв помимо всего прочего вызвал разрушение многонациональной империи, в которой национальные окраины стремились к независимости. Анализ конкретного опыта истории Революции и Гражданской войны позволяет сделать вывод о том, что политические противники большевиков были не способны решить задачу, без которой ускоренное развитие России в XX в. становилось невозможным, а именно: остановить распад многонационального государства и тем самым сохранить единый народнохозяйственный комплекс, сложившийся в стране в конце XIX – начале XX вв. Основными элементами этого комплекса были угольно-металлургическая база юга Украины (Донбасс – Кривой Рог, где производилось 90 % угля и 70 % металла), нефтяная база в Баку и Грозном, обрабатывающая промышленность Центра и Северо-запада Европейской России, хлопкопроизводящие районы Средней Азии. Только большевики смогли восстановить единство страны, потому что обладали единственной идеологией, способной противостоять идеологии буржуазного национализма и сепаратизма. Речь идет об идеологии классовой солидарности всех трудящихся в борьбе со всеми эксплуататорами. Эта идеология была важнейшим фактором, который помог большевикам выиграть гражданскую войну и со-

рвать масштабную иностранную интервенцию, а затем собрать большую часть развалившейся Российской империи в государство нового типа.

Завоевав и удержав власть, большевики национализировали основные средства производства и распоряжались ими на плановой основе. Эта модель развития позволила в максимальной степени использовать все экономические ресурсы страны в интересах ускоренной индустриализации. Страна была защищена от утечки капиталов, губительной конкуренции извне, потерь от анархии производства и эгоистической политики крупных частных собственников. Преимущества «советской модели» позволили СССР в 1930-е гг. в 3–4 раза сократить отставание от западных стран по основным социально-экономическим показателям, что стало необходимым условием победы над фашизмом в годы Второй мировой войны. Буржуазная Россия не смогла бы выдержать такого испытания ни в экономическом, ни в социально-политическом отношениях.

Тезис о социализме как самом эффективном инструменте ускорения доказывается и ретроспективным методом: итогами постсоветского развития. Достаточно указать на тот факт, что реальные объемы промышленного и сельскохозяйственного производства в капиталистической РФ в 2020 г. ниже объемов в РСФСР 1990 г. Постсоветская Россия сохранила свою целостность и независимость в современном мире только потому, что получила в наследство оборонный потенциал СССР.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.2. Модель форсированной индустриализации без Сталина и эксцессов сталинизма.

Форсированная индустриализация диктовалась международной обстановкой. И она была практически несовместима с НЭПом, который Ленин ввел как модель перехода к социализму. НЭП предполагал добровольный взаимовыгодный обмен между городом и деревней или между промышленностью и сельским хозяйством. Такой обмен не позволял государству делать существенные накопления. Следовательно, задача проведения форсированной индустриализации требовала перехода к неравноценному обмену между промышленностью и сельским хозяйством. Неравноценный обмен не означал перераспределения ресурсов в пользу городского населения. Речь шла о по-

литике увеличения фонда накопления, которая ограничивала и даже снижала уровень жизни, как крестьян, так и рабочих. И в этом был очевидный, но неизбежный минус форсированного развития. Был и очевидный плюс: форсированная индустриализация спасала город и деревню от массовой безработицы, задействовав около 30 млн скрытого избыточного населения.

В условиях свободных и равных выборов в крестьянской стране вполне могла сформироваться и доминировать в структурах власти крестьянская фракция, которая выступила бы против проведения форсированной индустриализации, снижавшей уровень жизни крестьян. Следовательно, та или иная форма диктатуры пролетариата как политического господства рабочего класса и его партии была необходима. Однако степень и формы ограничения советской и внутрипартийной демократии, равно как и методы модернизации, могли быть разными. Сталин нес личную ответственность за резкое сокращение сроков коллективизации, принятых партийными форумами, а также за непродуманную политику раскулачивания зажиточных крестьян и за чрезмерную нагрузку на колхозы в ходе заготовок хлеба в первую пятилетку. Цена его личных ошибок в первую пятилетку была велика и нашла отражение в голоде весны 1933 г. Политика Сталина вызвала протест в верхах партии и привела к внутрипартийной борьбе. В этой борьбе он физически устранял своих оппонентов, создав атмосферу террора во второй половине 1930-х гг. Есть все основания утверждать, что устранение Сталина и концентрация власти в руках так называемых «правых» большевиков (Рыков, Бухарин, Томский и десятки других видных деятелей «правого уклона» по всей стране) позволили бы решить все необходимые задачи без сталинских эксцессов. Фигура забытого А. И. Рыкова — одного из главных организаторов работы советской промышленности в годы гражданской войны, председателя ВСНХ РСФСР и заместителя Ленина по СНК и СТО, председателя СНК и ВСНХ СССР после смерти Ленина — заслуживает особого внимания. Он предлагал более оптимальные методы ускоренной модернизации экономики страны и был противником политики Сталина. Признавая объективную возможность и необходимость форсированной модернизации на платформе лидеров «правого уклона», мы не можем игнорировать тот факт, что конкретные условия внутрипартийной борьбы на рубеже 1930-х гг. превращали Сталина в очень сильного соперника, отстранить которого от власти было трудно. Об этом свидетельствует атмосфера XVII съезда партии, который проходил в январе

1934 г., т. е. после голодного 1933 г., и на котором все оппозиционеры калялись в ошибках и восхваляли Сталина.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Главные пороки «сталинской» модели состояли в свертывании внутрипартийной демократии, что открывало путь для принятия правящей партией неправильных решений по важнейшим вопросам развития страны. Более того, сталинская модель создавала возможность безграничного злоупотребления властью, включая физическую расправу с оппонентами. Самый страшный результат сталинского стиля управления – массовые репрессии 1937–1938 гг., в ходе которых погибли сотни тысяч людей, а у миллионов была сломана жизнь.

Основная причина, которая породила сталинизм, – традиционные особенности политической культуры России, усиленные эпохой революции и гражданской войны. Весь ход русской истории препятствовал формированию устойчивой демократической традиции в обществе и государстве. В народе веками доминировала идеология «наивного монархизма» – вера в сильную личность в лице царя или вождя, который лучше всех знает правильный путь. Революция 1905 г. и ее политический итог в виде появления легальных партий, профсоюзов и Государственной думы открыли возможность для формирования более демократической культуры в царской России. Однако эта возможность была тут же закрыта царем, который распустил Думы первого и второго созывов, а затем провел третьеиюньский (1907 г.) государственный переворот, после которого меньше одного процента населения страны контролировали более половины мест в парламенте. Слабый потенциал парламента закрывал путь к реформам и открывал путь революции. Февральская революция 1917 года дала хороший шанс на утверждение парламентской демократии в России. Однако эгоизм российской буржуазии, определявшей политику Временного правительства, сорвал эту возможность. Кадеты сделали все возможное для того, чтобы Учредительное собрание не собралось ни весной, ни летом, ни осенью 1917 г. Отказавшись дать мир народу и землю крестьянам, российская буржуазия сделала ставку на установление военной диктатуры казачьего генерала Лавра Корнилова. Ответом стала ставка большевиков на вооруженное восстание и установление своей диктатуры при опоре на рабочий класс и большую часть армии. Внешняя интервенция помогла

противникам большевиков развязать гражданскую войну, в ходе которой демократические процедуры не имели шансов на утверждение ни в партии большевиков, ни в Советах всех уровней. Попытка восстановить внутрипартийную и советскую демократию после окончания гражданской войны была фактически сорвана той острой борьбой за власть, которая развернулась в партии после смерти Ленина. Сталин шаг за шагом ограничивал внутрипартийную демократию, опираясь на низкую политическую культуру сотен тысяч новых членов партии, которые верили в мудрость лидера. Такой ход событий не был предопределен, но он не был и случайным.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Важно правильно понимать термин «Сталинская модель» и не ставить знак равенства между ней и моделью «государственного социализма». Сталинская модель есть лишь крайне жесткая, репрессивная форма модели «государственного социализма».

Сильные стороны «сталинской» модели были в своей основе обусловлены преимуществами советского строя. Как уже говорилось, в сфере экономики это были господство государственной собственности на ключевые средства производства и плановый централизованный (командно-административный, нерыночный) характер развития экономики. Именно эти факторы позволяли на этапе индустриализации сосредоточить все ресурсы для решения ключевых задач. В годы Великой Отечественной войны эти же факторы позволили в короткий срок перебросить материальные и людские ресурсы с западных районов на восток и наладить производство вооружения, которое по качеству и количеству превосходило вооружение, создаваемое в гитлеровской Германии.

В социальной сфере основное преимущество сталинской модели было также обусловлено коренными чертами советского строя. Этот строй обладал высокой социальной стабильностью, поскольку в нем не было острых противоречий между всеми классами советского общества.

Советский строй обеспечивал и идейно-политическое, и межнациональное единство народов в составе СССР, поскольку большая часть населения разделяла стратегическую цель правящей партии – строительство общества, в котором каждый должен получать по труду.

Если говорить о сталинском стиле руководства, то крайняя жесткость этого стиля давала в каких-то конкретных случаях существенные преимущества, поскольку обеспечивала выполнение труднейших заданий любой ценой. В то же время сталинский стиль порождал массу негативных последствий, резко увеличивая цену достигнутых результатов и искажая суть советского строя.

Таким образом, не жестокость Сталина, а преимущества модели «государственного социализма» обеспечили победу СССР в Великой Отечественной войне, быстрое восстановление промышленности и создание ракетно-ядерного щита, без которого существование СССР как самостоятельного государства в условиях «холодной войны» было бы маловероятным.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

«Сталинская модель» как репрессивная форма модели «государственного социализма» была разрушена сразу после смерти Сталина, что доказывает огромную роль субъективного фактора в ее формировании и доминировании до 1953 г.

При Хрущеве не только не было массовых репрессий с нарушением норм законности, но были реабилитированы или амнистированы сотни тысяч людей, подвергнутых наказаниям при Сталине. Довольно быстро была создана менее жесткая и централизованная модель «государственного социализма» как в социально-экономическом, так и в политических отношениях.

В экономике эту перемену продемонстрировал переход от отраслевого к территориальному принципу управления. Страна была поделена на 101 экономических районов, которые управлялись местными совнархозами. В целом это дало положительный эффект, хотя не устранило необходимости дальнейшего поиска оптимальных путей сочетания методов централизованного (общегосударственного) и регионального управления. В первые годы правления Хрущева были сделаны шаги по развитию многоукладной экономики: существенно расширены возможности для развития личных подсобных хозяйств, имевшихся у колхозников, а также у рабочих и служащих небольших городов и поселков городского типа. Проводилась политика усиления материальной заинтересованности работников всех отраслей в результатах своего труда. За период 1953–1960 гг. доходы колхозников от общественного и лич-

ного хозяйства увеличились в 1,5 раза. Если в начале 1950-х годов оплата труда колхозников была примерно в 3 раза ниже средней зарплаты рабочих и служащих в городах, то в 1960 г. это соотношение составило примерно 1:2. С учетом доходов от приусадебных участков, уровень доходов был примерно одинаковым.

Перемены в социальной сфере демонстрировало форсированное развитие жилищного строительства. За 1956–1960 гг. было построено жилья больше, чем за все предвоенные годы Советской власти (соответственно 474 и 409 млн кв. м общей площади), и почти вдвое больше, чем за 1951–1955 гг. (240 млн кв. м). Все 1950-е годы в СССР постоянно сокращалась смертность, что отражало рост благосостояния и степень адаптированности населения к условиям жизни. В 1960 г. в СССР был зафиксирован самый низкий показатель смертности – 7,1 чел. на 1 тыс. населения (для сравнения: 1913 г. – 29 чел., 1940 г. – 18).

В политической сфере Хрущев взял курс на восстановление внутрипартийной и советской демократии и достиг определенных результатов на этом пути. Однако отсутствие глубокой демократической традиции в обществе, партии и государстве сыграло свою роль, и в начале 1960-х Хрущев отошел от принципов коллективного руководства. Он единолично принимал плохо продуманные решения. Это стало главным минусом его политики, что и привело к отставке Хрущева в рамках нормальной партийной процедуры. Все версии о «заговоре» против Хрущева носят преувеличенный характер. Необходимость его смещения понималась партийно-государственной элитой страны. Эта акция получила широкую поддержку в обществе. Развитие телевидения привело к тому, что стиль деятельности Хрущева и общий уровень его культуры ежедневно наблюдали миллионы людей и оценивали их очень низко.

К числу ошибок в сфере экономики следует отнести неоправданное ограничение личных подсобных хозяйств крестьян, рабочих и служащих, которые он ввел на рубеже 1960-гг. Хрущев боялся, что они формируют частнособственническую психологию у населения, которая помешает строительству коммунистического общества. Мера ухудшила продовольственную ситуацию в стране. Освоение целинных земель и внедрение кукурузы не было принципиальными ошибками в той конкретной ситуации. Негативные моменты, связанные с этими решениями, были обусловлены иными факторами. Ошибкой Хрущева следует считать запоздалую разработку реформы, направленной на

поиск экономической модели, включавшей в себя элементы рынка. Он стал готовить такую реформу, но никаких конкретных решений не было принято.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

В сфере экономики эпоха началась весьма позитивно. Мартовский пленум 1965 г. направил огромные средства на развитие сельского хозяйства (комплексная механизация, мелиорация, химизация, повышение закупочных цен). Были отменены ограничения на развитие личных подсобных хозяйств. В сентябре началась реформа А. Н. Косыгина. Число плановых показателей, доводимых до предприятий сверху, сокращалось. Главными показателями становились прибыль и стоимость реализованной продукции. Часть прибыли оставлялась на предприятиях и могла быть использована администрацией для развития производства, материального стимулирования работников, строительства жилья и решения других социальных задач. Эти меры мыслились как первый шаг, за которым должен был последовать переход от планового распределения произведенной продукции к торговле ими, включая не только предметы потребления, но и средства производства (между государственными предприятиями). Иными словами, речь шла о развитии рыночных отношений в рамках государственного сектора с тем, чтобы стимулировать создание продукции высокого качества с наименьшими затратами. Однако в 1968 г. Л. Брежнев утратил интерес к развитию экономической реформы из-за событий в Чехословакии, где реформы вызвали оживление оппозиции, возникла угроза потери компартией власти и выхода ЧССР из Варшавского договора. Реформа в СССР, прерванная на полпути, привела к усилению затратного характера экономики, что проявилось не сразу. Восьмая пятилетка (1966–1970 гг.) оказалась одной из лучших в истории СССР по количественным и качественным показателям. Однако уже в девятой пятилетке (1971–1975) показатели роста были ниже. В десятой пятилетке (1976–1980) и одиннадцатой пятилетке (1981–1985) они снизились еще больше.

Таблица 1. Основные показатели социально-экономического роста

Годы	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Национальный доход	41 %	28 %	21 %	17 %
Промышленность	50 %	43 %	24 %	20 %
Сельское хозяйство	21 %	13 %	9 %	6 %
Производительность труда	37 %	23 %	17 %	16,5 %
Реальные доходы на душу	33 %	24 %	18 %	11 %

Снижение темпов было в целом естественным процессом в стране, которая исчерпала возможность и необходимость экстенсивного развития. Проблема состояла в том, что переход на интенсивный тип развития осуществлялся непоследовательно. Отметим, что и эти замедляющиеся темпы экономического роста СССР были выше, чем в развитых капиталистических странах.

В политической сфере также доминировали позитивные процессы, несмотря на то, что Брежнев прекратил критику Сталина, начатую Хрущевым. «Границы дозволенного» постоянно расширялись. Это был объективный процесс, связанный с ростом политической культуры советского общества, а также с развитием средств массовой информации. Нормой стали телевизионные репортажи из-за рубежа, которые, хотя и проводились с позиций критики западного образа жизни, давали объем информации, немыслимый в 1950-е годы. Росло число людей, выезжавших за границу на работу, учебу, в туристические поездки. Десятки тысяч людей (в основном евреев и немцев) уезжали из СССР в рамках гуманитарных программ «воссоединения семей» и «возвращения на историческую родину». В СССР появилось то, что было немыслимо при Сталине и Хрущеве: политическая оппозиция в форме «диссидентского» движения.

Серьезной политической проблемой был кадровый «застой» в высших эшелонах власти. К 1980 г. средний возраст партийных государственных руководителей в СССР равнялся 59 годам, а средний возраст членов Политбюро ЦК КПСС составлял 71 год. Стареющие лидеры «команды Брежнева» к концу 1970-х гг. потеряли способность учитывать растущее недовольство рядовых членов правящей партии и широких слоев населения застывшими формами внутрипартийной и советской жизни, которые противоречили демократическим принципам, закрепленным в Уставе КПСС и Конституции 1977 г.

После смерти Брежнева сменившие его лидеры старого поколения (Андропов и Черненко) не смогли начать необходимые политические и экономические реформы.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Необходимость создания более современной модели социализма как в экономическом, так и политическом отношениях не вызывает сомнения. Стратегические цели Горбачевым были определены правильно: 1) демокра-

тизация политической системы с акцентом на развитие внутрипартийной и советской демократии; 2) создание модели многоукладной экономики при доминировании социалистических форм собственности на основные средства производства; сочетание плановых и рыночных механизмов для обеспечения эффективного социально-экономического развития. О поддержке народом заявленных целей свидетельствует популярность Горбачева в первые два года его правления.

Однако тактика решения назревших задач оказалась ошибочной. В целом ее суть можно определить так: старые механизмы экономического и политического контроля разрушались быстрее, чем возникали новые, что приводило к большим потерям. В сфере экономики очевидными ошибками были законы, направленные на введение самоуправления на государственных предприятиях, а также на развитие кооперативов, которые привели к быстрой разбалансировке финансовой системы страны. Нельзя игнорировать и объективные трудности, которые резко сократили экономические ресурсы, призванные обеспечить «перестройку». Напомним только о том, что падение цен на нефть принесло убытки в размере 40 млрд рублей. Устранение прямых последствий аварии на Чернобыльской АЭС стоило 8 млрд рублей. Ликвидация последствий землетрясения в Армении – 10 млрд рублей.

В политической сфере следует выделить непродуманность политики «гласности», которая привела к неожиданному для всех обострению международных отношений, что сыграло главную роль в разрушении СССР и падении власти КПСС. Все остальные ошибки, в том числе и в сфере экономики, можно было преодолеть, если бы не вмешался национальный фактор. Нелепая попытка создания ГКЧП, провал которого создал уникальный повод для разгрома КПСС, была вызвана стремлением предотвратить распад СССР как союзного федеративного государства.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

В советский период истории была решена задача резкого сокращения опасного отставания России от Запада по всем основным социально-экономическим, культурным и научным показателям. Своеобразным символом является приоритет СССР в космическом соревновании (первый спутник, первый космонавт, первая орбитальная станция), а также фактический

ядерный паритет СССР с блоком НАТО, который в несколько раз превышал СССР по людскому и экономическому потенциалу.

Наиболее представительным показателем, который характеризует уровень социально-экономического развития любой страны, является Индекс развития человеческого потенциала, вычисляемый экспертами ООН в рамках специальной Программы развития (ПРООН). Этот индекс составляется на основе трех факторов: душевой ВВП, уровень образования, продолжительность жизни. За период 1913–1990 гг. индекс вырос в России в 4,5 раза, в США – в 2,3 раза, в Великобритании – в 2 раза. В 1980-е гг. по индексу человеческого потенциала РСФСР уверенно входила в третью десятку стран мира (26–29 места). С учетом тех сложнейших условий, в которых проходило развитие СССР, эти результаты являлись очень высокими. Можно также сравнить динамику развития СССР и самой крупной и богатой страны капиталистического мира, т. е. США. В 1913 г. душевой национальный доход в России составлял около 10–15 % от уровня США, а в 1980-е – от 52 до 56 %. И это в условиях, когда Россия пережила две разрушительные мировые войны, а на территорию США за весь век не упала ни одна бомба.

Только на этом фоне имеет смысл говорить о неудачах. В производственных отношениях главной проблемой была примитивная реализация принципа распределения по труду, что лишало миллионы людей стремления работать эффективно. Одна из политически острых экономических проблем – малое внимание к качеству производства товаров широкого потребления. Ресурсы позволяли больше сделать для поднятия уровня жизни советских людей. Неудачей является и неспособность руководства КПСС вовремя осуществлять политические реформы, направленные на развитие социалистической демократии.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Крах СССР стал результатом субъективных ошибок реформаторов и политической неопытности широких масс трудящихся, которые при всех проблемах совсем не хотели потерять социализм и перейти на путь капиталистического развития. Ельцин ни разу не сказал о том, что целью его реформ будет возвращение на путь капитализма. Фактически его «радикальная реформа» была обманом. Простые люди не думали, что возможна такая криминальная приватизация, которая была осуществлена в середине 1990-х гг.

Крах СССР и советского строя был следствием маловероятного совпадения ряда обстоятельств. Особое место в их ряду занимает ГКЧП, который и позволил прийти к власти в России команде Ельцина. Отметим, что в 1980-е годы ни одна из правительственных аналитических служб Запада не предсказывала краха СССР как союзного государства и советского строя. «Беловежские решения» декабря 1991 г. для лидеров Запада были шоком. Они долго не могли в них поверить.

Крах советской экономики не предсказывали и серьезные экономисты. В середине 1970-х группа международных экспертов во главе с американским экономистом В. Леонтьевым под эгидой ООН разработала серию прогнозов экономического состояния мира в 1980, 1990 и 2000 гг. Прогнозы были опубликованы в монографии «Будущее мировой экономики» (1977). По этим прогнозам среднегодовые темпы прироста валового продукта в 1970–2000 гг. должны были составлять в США и Канаде – 3,3 %, в Западной Европе – 3,7 %, в Восточной Европе – 4,9 %, в СССР – 5,2 %.

В середине 1980-х эксперты ООН также прогнозировали более высокие темпы роста экономики в СССР, чем в развитых капиталистических странах, несмотря на явное замедление темпов экономического роста СССР в первой половине 1980-х гг.

А. И. Колганов (МГУ, Москва)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.3. Иное.

Социально-экономический строй СССР опирался на недостаточные для формирования социалистического общества материальные, социально-экономические и социально-политические предпосылки. Даже к концу существования СССР аграрный сектор в значительной мере опирался на мелкое полунатуральное хозяйство, а в промышленности половина работников была занята ручным неквалифицированным трудом. Поэтому целостная система социалистических отношений в СССР не сформировалась. Фактически этот строй представлял собой вариант переходного общества, с определенного момента застывшего и прекратившего революционное движение к социализму.

Образовавшиеся при этом внешние формы социалистических общественных отношений во многом облекали собой чуждое им содержание.

С политической точки зрения этот строй не был ни «диктатурой пролетариата», ни «общенародным государством», а представлял собой своеобразную форму бонапартизма. Это своеобразие состояло в том, что бюрократия в советском строе была не продуктом равновесия сил борющихся классов, которым бюрократия навязывала принудительный компромисс. Равновесие сил существовало между самой бюрократией и другими социальными группами советского общества, прежде всего – рабочим классом. Эти социальные силы взаимно нуждались друг в друге для реализации своих интересов. Но постепенно бюрократия, по мере превращения в замкнутую закостеневшую касту, перестала считаться с интересами своего союзника, и советская система развалилась.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.3. Иное.

Абстрактно рассуждая, можно было бы выбрать вариант 2 и утверждение, что наиболее желательным для России был бы вариант конституционной монархии, который мог бы обеспечить плавный переход к политике капиталистической модернизации страны. Однако в конкретных обстоятельствах России начала XX в. ни монархические круги, ни буржуазия, ни представляющие их интересы политические группировки не были готовы к такому компромиссу. Более того, даже если бы такой компромисс был бы заключен, он не привел бы к проведению эффективной политики капиталистической модернизации, поскольку правящие классы (ни дворянство, ни буржуазия) не были готовы к разрешению наиболее острых противоречий, которые раздирали Россию. Это было ярко продемонстрировано и полной беспомощностью монархии, закономерно пришедшей к краху, и такой же беспомощностью сменившей ее буржуазной республики, пришедшей к тому же концу. Поэтому переход к советскому строю оказался единственным реальным путем решения проблем модернизации страны. Но я бы не назвал это «единственным перспективным вариантом» – ибо как перспективный вариант он, по существу, не мог рассматриваться, а сформировался в силу бесперспективности всех прочих вариантов, как вынужденная необходимость.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.2. Модель форсированной индустриализации без Сталина и эксцессов сталинизма.

Бухаринский вариант был бы предпочтительнее в случае европейской революции и снятия угрозы мировой войны. Однако эти условия отсутствовали, и форсированная индустриализация оказалась единственно возможным вариантом. Разумеется, при этом было желательно избежать грубейших провалов в экономической политике, допущенных Сталиным и его окружением в 1929–1933 гг., и последовавших за этим массовых репрессивных кампаний.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Отсутствие контроля снизу, превращение бюрократической верхушки в самоназначенную привилегированную касту, что резко углубило расхождение ее интересов с интересами основной массы трудящихся. Наиболее фундаментальная причина – неготовность (и неспособность) даже активного меньшинства рабочего класса с самого начала революции вести упорную и непримиримую борьбу за политический контроль над государственным аппаратом.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Сильная сторона «сталинской» модели – жесткая централизация управления, которая была эффективна в условиях чрезвычайных обстоятельств (форсированная индустриализация, мировая война). Эта сильная сторона была обусловлена не просто фактом централизации управления самим по себе, но прежде всего тем, что государственная политика в определенной мере (и до определенных пределов) соответствовала интересам большинства населения и потому пользовалась его активной поддержкой.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Полагаю, что «сталинская» модель, за исключением ее репрессивных крайностей, сохранилась в эпоху Хрущева. Плюсы политики Хрущева состо-

яли в смягчении мелочного бюрократического контроля сверху, во внимании к развитию интеллектуального потенциала страны и к решению социальных проблем. Минусы этой политики были связаны с недостаточным культурным уровнем самого Хрущева, что в условиях концентрации решений наверху порождало ошибки и провалы. Кроме того, Хрущев, не обеспечив «контроль снизу» за бюрократией, ликвидировал и «контроль сверху», положив начало той безответственности бюрократии, которая пышным цветом распустилась в брежневские времена.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Плюсы – отсутствие разного рода массовых кампаний, основанных на волюнтаристских решениях, стабильность политики. Минусы – отсутствие понимания глубины проблем развития страны, что вело к проигрышу в соревновании с капитализмом. Нарастающее лицемерие в идеологической работе. Все это вело к нарастающему разочарованию населения в официальной идеологии.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Плюсы – попытка реформировать советский строй, демократизировать его структуру. Минусы – полное непонимание того, что и как нужно реформировать в советском строе, отсутствие последовательности в политике, нерешительность, использование компромиссов и уступок не из практических соображений, а как универсальный метод в политике.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Основные достижения – создание индустриального экономического базиса, значительный прогресс в вертикальной социальной мобильности населения, эгалитарная политика развития интеллектуального потенциала, развитие широкой системы социальных льгот и гарантий. Основная неудача – превращение социалистической революции в «революцию сверху», отказ от реального формирования, по выражению К. Маркса, «товарищеского способа производства».

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Я не считаю крах СССР и советского строя фатально предопределенным, но вероятность именно такого исхода была наиболее высокой. Чтобы этого не произошло, должен был сложиться исключительный комплекс субъективных факторов, компенсирующих недостаток объективных предпосылок движения к социализму.

Б. И. Колоницкий (СПбИИ РАН, Санкт-Петербург)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.3. Иное.

Мне кажется, что использование терминов эпохи как аналитического языка исследователя для описания эпохи в некоторых ситуациях не позволяет эту эпоху описать.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.3. Иное.

Мне кажется, что речь должна идти не о ситуации выбора наиболее «перспективной» модели, а о понимании тех, кто делал такой выбор, вернее такие выборы. Выбор был ограничен их сознанием, опытом, существующими институтами. Вектор «социалистического выбора» в России в начале XX в. был очень сильным.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.4. Иное.

Я не считаю, что сталинская модель была единственно возможной. Если же говорить о ситуации 1921 г., то возможны были и варианты, которые не описываются тремя предложенными сценариями.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Использование тактики гражданской войны в сравнительно «мирных» условиях.

Политическая культура. Значительная часть кадров приобрела специфический опыт политического руководства в условиях гражданской войны. Они были запрограммированы на использование «чрезвычайных» мер эпохи гражданской войны в кризисных ситуациях. Набор инструментов политического руководства был ограничен, они почти автоматически «включали» в репертуар своих действий приемы гражданской войны.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Система была создана для победы в жестокой гражданской войне, для чрезвычайной ситуации. Она казалась эффективной в такие времена больших конфликтов и больших бедствий, но вместе с тем была запрограммирована на войны и чрезвычайные ситуации, способствуя появлению войн и чрезвычайных ситуаций.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

«Эпоха Хрущева» – менее точное название, чем «сталинская модель»: от лидера в этой ситуации зависело значительно меньше. Думаю, что однозначно ответить на этот вопрос нельзя, ситуация была многомерная. Наряду с явным уменьшением репрессивных механизмов власти и некоторого распространения пространств относительной свободы нельзя не видеть и явное «закручивание гаек» в некоторых сферах по сравнению с «поздним сталинизмом»: антирелигиозная политика, некоторые меры в области образования, а в экономике – прикрытие промкооперации и зажим индивидуальных хозяйств в сельской местности. Но мне кажется, что описание истории СССР «по царствованиям» не очень продуктивно. Вернее было бы выделять этапы развития правящего слоя, номенклатуры и той среды, в которой она функционировала.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

И в данном случае вернее было бы говорить не о персонификации эпохи, а о незаметных обществу переменах в правящем слое и его сознании, его идеалах. Здесь я бы отметил два процесса: кадровый застой, который ярко проявлялся затем в геронтократическом правлении, и постепенный отказ правящей элиты от «веры» в социалистическую идею. Т. н. «застой» готовил перестройку: появились криптоидеологии (криптоконсерватизм, криптонационализм и пр.), имевшие своих патронов и свою инфраструктуру. Каждая из этих криптоидеологий мимикрировала под ситуацию, маскируясь марксистской терминологией, однако идеологическое ядро социалистической идеи неуклонно таяло.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Горбачев был сторонником компромисса в такой ситуации, когда общество, погружавшееся в конфликты разного уровня и разного характера, все менее желало этого компромисса. Старая партийная элита, объединенная чисто формально, а по сути расколотая, оказалась не готова к борьбе за власть в условиях кризисов. Но это имело и положительную сторону: все же СССР смог избежать большой гражданской войны.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

В результате гражданской войны большевики, действуя импровизационно, реформировали огромную империю, преобразовав ее в федерацию. В условиях кризиса СССР распался, его распад сопровождался и сопровождается различными конфликтами, в том числе вооруженными. Но все же распад других империй повлек гораздо более серьезные последствия: это несопоставимо с колониальными войнами Франции в Индокитае и Алжире, с индо-пакистанским конфликтом и многими другими. В условиях СССР в республиках был сформирован новый политический класс. Сейчас некоторые люди, в том числе и президент В. В. Путин, упрекают Ленина за федерализацию постимперского пространства. При более внимательном рассмотрении это выглядит как один из наиболее успешных проектов революции, необходимый для окончания гражданской войны.

Очевидной неудачей советского проекта были неудачные модели воспроизводства политической элиты и неспособность развить социалистическую идею.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

В некоторых отношениях «советский строй» продолжает существовать: и по сей день работают важные институты и практики, появившиеся еще в годы гражданской войны. Можно ли было реформировать СССР, не допустить его распада, скорректировать модель социализма? Опыт Китая показывает, что такие шансы были. Наиболее благоприятными они, наверное, были в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Мне кажется, что этот шанс не был реализован в силу «технократического уклона» в образовании и подготовки элиты: немалая часть номенклатуры получила инженерно-техническое образование, эти люди без энтузиазма относились к идеологии (знакомой по вузовским обществоведческим курсам), отводя ей место идеологических заклинаний. Это был непровозглашенный советский вариант идеи «конца идеологии» – при внешней и формальной тотальной идеологизации чуть ли не всех сторон жизни. Крах СССР был предопределен крахом идеи социализма: место веры в социализм, присущей людям первой половины XX в., занимали ритуалы, демонстрирующие лояльность власти.

Тамаш Краус (Будапештский университет, Венгрия)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.3. Иное.

Коротко говоря, под социализмом, следуя теоретической традиции Маркса и в полной мере согласно Ленину, понимается такое пострыночно-посткапиталистическое общество, которое функционирует на основе принципов общественно-общинного самоуправления.

Основные принципы социализма как теоретического понятия не соответствовали практике «социализма» в СССР во все периоды его существования. Но не думаю, что основная причина этого противоречия крылась в субъективных факторах. Наоборот, исторические условия ни в России, ни в мировом масштабе не были даны для того, чтобы была реализована теорети-

ческая модель социализма. Силы капитализма в странах центра мировой системы всегда были гораздо сильнее социализма на протяжении всех 70 лет. Впечатляющее экономическое, технологическое и военное развитие капитализма в своем центре гарантировало его абсолютное превосходство над периферией и полупериферией, что позволяло эксплуатировать сложную иерархию мировой системы. Ленин сам отмечал, что социализм нельзя ввести, «насколько мы неграмотные».

После революции в ходе развития от рыночного хозяйства через военный коммунизм к НЭПу («частичная реставрация капитализма») в России возникла многоукладная экономика под контролем советского государства. От этого переходного периода под влиянием внешних причин («вызов Запада») правящие круги решительно перешли к созданию принципиально нового, никем не запланированного общественного строя, который я называю по терминологии Маркса государственным социализмом («сталинизм»). Его суть: абсолютное господство государственной собственности, которому соответствовала однопартийная система как инструмент политического управления новым обществом государственного социализма. Но эта новая формация имела очень богатый опыт, разные периоды и варианты развития.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.1. Да, другого, более перспективного варианта не было, потому что...

Не существовало другой организационной силы кроме советов и коммунистической партии, которая могла бы найти решения основных общественно-экономических проблем российского общества. Белогвардейско-офицерско-генеральские диктатуры стояли на почве самодержавия. Либеральная демократия без демократической буржуазии это все равно что жидкие гвозди. Хотя советы и сама партия превратились позже в структуры централизованного государства, бюрократической иерархии, на данном этапе все другие альтернативы умерли, в том числе умерла альтернатива самоуправленческого социализма. Но всё это касается только основных направлений развития, много можно было сделать по-другому, чтобы стало меньше жертв. Вопрос «что было бы, если бы» для историка иррелевантный. Придумать новую историю — это не задача серьезного исторического исследования.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.4. Иное.

Сталинская «модель» не существовала, она возникла после сталинского перелома. Сталинское развитие при этом происходило не по какой-то программе, не по обдуманному плану, которые были выработаны в предыдущие годы. Конечно, историю нельзя придумать заново. Но абсолютно ясно, что невозможно оправдывать «объективными причинами» огромные масштабы жертв, которые возникли в ходе борьбы за центральную и местную власть в стране и в партии. Однако основные направления развития были определены историческими условиями внешнего и внутреннего развития, хотя существовали предпосылки и практические проявления другого варианта развития. Они были исторически слабыми, и их потенциал еще более ослаб в ходе Гражданской войны.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Пороки: бесконтрольная власть, обособленная от тех слоев населения, на которые она опиралась; отсутствие демократических прав населения.

Причины: трудности и низкий культурный уровень (неграмотность и т. д.); социальная слабость рабочего класса, традиция беспощадной самодовлеющей и самодержавной бюрократической власти и т. д.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Главное достоинство сталинской власти: сохранение Советского Союза и построение «государства-благодетеля», поднятие уровня культурно-экономического развития целых народов, бесплатное образование и здравоохранение и т. д.

Главные причины: потенциал революции, организованность трудящихся масс и коммунистической партии, самопожертвование советских людей.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Основные особенности модели – государственная собственность, централизованное плановое хозяйство, однопартийная система – сохранились и при

Хрущеве. Но в этих рамках много чего изменилось, например в области экономического управления (децентрализация).

Плюсы: прекращение личной диктатуры, т. е. восстановление власти партии (верхушки), более свободное развитие культуры.

Минусы: продолжение сталинизма во многих аспектах, например, «кампанейщина» в осуществлении тех или иных шагов в политике, остановка развития в сторону самоуправляющегося общества, которое было анонсирована на XX съезде. Реформы Хрущева, как и его десталинизация, имели и обратную сторону: они не дополняли друг друга, а противоречили, исключали друг друга. Вместо демократизации произошла децентрализация бюрократии.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

При Брежневе система государственного социализма стабилизировалась как режим закрытый и налево (в сторону самоуправления), и направо — к рыночной капиталистической реставрации. Все это существовало на основе ядерного паритета великих держав. Хотя с 1970-х гг. технологический разрыв между СССР и Западом все время расширялся, и рост жизненного уровня остановился. *Социалистическое потребительское общество* («развитой социализм») проиграло в соперничестве с коллективным Западом, т. е. центром мировой системы.

Брежнев не открывал новые перспективы, а все двери системы закрыл, не понимая, что его широкие внешнеполитические обязательства не соответствуют экономическим возможностям Советского Союза.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Период перестройки своим хаотичным содержанием показал все существующие проблемы в экономике, в организации общества, демократии-гласности, т. е. «реального социализма». Была поставлена в повестку дня задача создания нового, самоуправляющегося социализма — это плюсы. Горбачев делал вид, что он проводит реформы в интересах советского народа, трудящихся. В действительности он преимущественно (может быть неосознанно, он был не очень толковым человеком!) работал в интересах высших слоев общества, высших эшелонов власти, которые были настроены на создание

западного типа потребительского общества в СССР. Социальной базой переворота – в значительной мере – были миллионы людей, которые были обижены советской властью, начиная с 1930-х гг. Горбачев и Ельцин со своими советниками-мещанами абсурдными потребительскими обещаниями ввели в заблуждение миллионы людей. Горбачев как бюрократ и мещанин испугался нового рабочего движения, т. е. нового социализма, и под флагом социализма вместе Ельциным разрушил Советский Союз в интересах упомянутых элементов и слоев. В итоге на развалинах Советского Союза старые элитарные группы в национальных республиках сохранили привилегии с помощью приватизации, т. е. делая из государственной собственности частную капиталистическую собственность. После разрушения СССР все это было сделано под флагом национализма, антикоммунизма, клерикализма.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Развитие СССР показало человечеству, что в трудных условиях, в условиях обрушения капитализма (1917–1921 гг.) можно начать реализовать не-капиталистическую альтернативу, в рамках которой десятки народов поднялись из социального и политического небытия в социально-культурное бытие. Советская культура в многом стала передовой частью мировой культуры. Но советский опыт показал и все недостатки («цену») этого развития, которые довели рабочий народ до того, что он не защитил те достижения, о которых только сегодня можно точно и ясно сказать, что это были действительно достижения.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

«Самоликвидация» СССР это не только история о роли субъективных факторов в историческом развитии. СССР как «проект» был не только государством, но также общественной системой, которую я называю «государственный социализм». Эта система без перемен, без формационного изменения, без реформ не могла существовать дальше. Вопрос состоял в том, куда идти: обратно к капитализму, или вперёд к самоуправленческому социализму. Третья возможность вырисовывается в развитии Китая, сохраняющего элементы государственного социализма на фоне огромных уступок капитализму...

В. И. Меньковский (БГУ, г. Минск)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.3. Иное.

Прежде всего, для меня история России и история СССР не идентичные понятия. Россия была лишь одной из республик, входивших в состав Советского Союза. Во всех Конституциях СССР (1924, 1936, 1977 гг.) Советский Союз определялся как союз равноправных республик. Поэтому при ответах на все «десять вопросов» автор будет иметь в виду характеристики именно Советского Союза как феномена мировой истории.

Следующий аспект связан с динамичностью советской модели. Социально-экономический и политический строй 1920-х, 1930-х (и т. д.) годов эволюционировал и в силу планов властных элит, и в силу влияния общества на элиты. Оказывали несомненное влияние и общемировые тенденции развития, геополитическая конкуренция.

Очень сложно уложить «советскую цивилизацию» в дихотомию «социализм — капитализм» из-за расплывчатости и спорности обоих понятий. На уровне советской пропаганды проблем не возникало: «построение социализма», «полная победа социализма», «полная и окончательная победа социализма», «развитой социализм» — поскольку для советских идеологов социализмом было то, что в данный момент существовало в Советском Союзе. Любые другие вариации были отступлением, ренегатством или предательством. Для внутренней аудитории это работало, но для мира, где социалистические партии стали массовыми (во многих случаях правящими), именно советская модель стала объектом критики и примером искажения идей социализма.

Идеи основоположника советской модели Ленина вообще не были связаны с Россией. Достаточно напомнить, что будущее социалистическое (коммунистическое) переустройство Ленин связывал с мировой революцией, и Советский Союз создавался как будущий «Всемирный Союз». Для Сталина более приемлемым оказался имперский вариант, однако с новой, по сравнению с царской Россией, экономической базой. Фактическая государственная монополия на средства производства и результаты труда, насильственное принуждение к труду, отсутствие конкуренции производи-

телей, приниженное положение потребителей в условиях дефицита не позволяют отнести эту модель ни к (практическому) капитализму, ни к (теоретическому) социализму. Советская модель была феноменом мировой истории, хотя ее и пытались воспроизвести в странах, объявлявших о следовании по «советскому пути».

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.3. Иное.

Ответ зависит от того, что понимать под «коренными задачами». В советской модели единственная, необходимая для общества, цель — улучшение жизни людей — была подменена средством: укреплением государственной власти. Цель и средства ее достижения поменялись местами. Не государство служило людям, а люди обслуживали государство.

Если под «коренной задачей» понимать укрепление военной мощи государства, то «советская модель» на это и была ориентирована. Весь мир боялся — да. Если укрепление единоличной власти «вождя» в условиях однопартийности, то да. Модернизация — да. Новая социальная стратификация — да.

Гарантии базовых прав и свобод — нет. Возможность личной инициативы — нет. Влияние общества на власть — нет. Качество жизни — нет. Материальное благосостояние — нет.

Т. е. в реальности «советская модель» была направлена не на защиту личности, а на укрепление мощи государства и обеспечение властных привилегий правящей элиты. В результате — жесткая борьба с проявлением любого инакомыслия внутри страны, неэффективная, но контролируемая властью экономика и проигрыш в мировом экономическом соперничестве. Все это закончилось распадом СССР.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.4. Иное.

В рамках избранной модели никакие альтернативы не были возможны. Модель, основанная на сочетании страха и веры, не предполагала вариативность. Оба фактора достигались только в условиях несвободы, поскольку вера

достигалась через систему фальсификаций и постоянного контроля информации. Как только страх и тотальный контроль стали ослабевать, работа системы (модели) нарушилась, а потом и разрушилась.

Попытки паллиативов были изначально нереальными. Два первых варианта ответов представляются тонкой иронией, поскольку, во-первых, некая «бухаринская модель» расценивается нами как изобретение историков, а не реальность. Стивен Коэн, конечно, был влиятельной фигурой в конце 1980-х гг., но говорить сегодня о Бухарине как альтернативе Сталину не позволяют документальные свидетельства. А во-вторых, «форсированная индустриализация без эксцессов» представляется оксюмороном, сочетанием противоречащих друг другу понятий. Форсированная индустриализация требовала материального обеспечения, средств. Выбрав этот вариант, Сталин и его подручные прекрасно осознавали, что без массового насилия он нереализуем.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Если говорить о «пороках» во множественном числе, то их перечень будет очень длинным. С нашей точки зрения об этом говорилось и писалось уже столь много, что повторять просто нет необходимости. Бесконечное повторение одного и того же превращает сталинизм в «скучную политику». Нормальная реакция человека в этой ситуации сводится к нежеланию слушать или читать о том, что повторяется многократно. Поэтому выделю только то, что представляется самым главным. В этом выделении также не будет ничего оригинального, но оно показывает персональную позицию историка. Главный порок — пренебрежение человеческой жизнью и достоинством человека. Унижение или уничтожение человека для достижения целей властной элиты стало нормой сталинского времени, алгоритмом действия вождей всех уровней, от политбюро до колхоза.

Противодействовать этому было практически невозможно. Модные какое-то время назад исторические исследования о «практиках сопротивления сталинизму» на деле показывали именно бессилие человека и общества. Структура правления, которая сложилась при Сталине, предполагала в качестве стержневого, базового элемента принуждение. Она не могла без этого работать. Специфика системы заключалась в том, что человек должен выполнять

те или иные программы, концепции, которые выработаны властью, не потому, что он этого хочет, а потому, что, если он этого не сделает, он будет наказан.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Представляется, что это повторение вопроса № 2. «Сильными сторонами» в сегодняшнем идеологическом дискурсе принято называть то, что укрепляло позиции правящей элиты и лично вождя. Любое проявление гражданской позиции общества пресекалось, поскольку воспринималось властными структурами как попытка ограничить их монополию на власть. Даже перманентная пропагандистская кампания и государственная информационная монополия не смогли заставить социум поверить в совпадение интересов власти и общества. Чем сильнее становилась власть, тем хуже было для общества.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Н. С. Хрущев сделал то главное, что позволяет простить ему многие глупости и ошибки. При Н. С. Хрущеве перестали массово убивать людей, он прекратил репрессии и позволил обществу постепенно избавиться от всепроникающего страха сталинского периода. «Сталинская модель» без страха и террора была невозможна, значит можно говорить о начале постепенного краха этой модели.

Выбор Хрущевым курса на преобразования был обусловлен сочетанием субъективных и объективных факторов. Конечно, Н. С. Хрущев был оскорблен Сталиным. Да и все сталинское окружение к концу жизни «великого кормчего» уже хотело перемен. Сталин целенаправленно унижал этих людей, превращал их в ничто. Сталин добавлял к этим личным оскорблениям прямые репрессии против членов семей своего окружения. Поэтому, когда Сталин умер, у них было очень сильное желание как можно дальше дистанцироваться от этой личности. То есть убрать его и забыть о нем.

Личные мотивы накладывались на объективные обстоятельства. Время 50-х годов — это время, когда стало очевидно, что тоталитарный вариант развития государства себя не оправдывает. Уже произошло германское, итальянское, японское «экономическое чудо». И Советскому Союзу в этой ситу-

ации нужно было не отставать. Сталинский вариант не давал возможности реализовывать возможности научно-технической революции.

Но проблема Н. С. Хрущева была в том, что, изъав репрессивный элемент, главный элемент сталинской системы, он не реформировал другие. В целом его реформы можно оценить как необходимые, но недостаточные. В Беларуси экономические преобразования были более успешными, чем где бы то ни было на просторах СССР. У нас достаточно компактная территория, небольшое количество населения. Здесь можно было проследить выполнение заданий, проконтролировать поручения. И второй момент, который был принципиально важен для Беларуси, — у нас был выбран вариант с индустриальным, высокотехнологичным для того времени развитием. Поэтому сюда приглашались кадры со всей страны. Здесь был выше уровень социального комфорта (не Прибалтика, конечно, но и не Центральная Россия): можно было получить быстрее квартиру, а продовольственное обеспечение было на высоком уровне. Поэтому реформы Н. С. Хрущева в Беларуси заработали лучше, чем в целом по Союзу.

Главный недостаток заключался в том, что они не были продуманы до конца. К сожалению, у Н. С. Хрущева не было тех качеств политического лидера, которые необходимы в переломный момент. Он не умел прислушиваться к специалистам, к людям, которые генерируют процесс обсуждения, процесс принятия решений. Его реформы были хаотичны. И когда в 1964 г. окружение Н. С. Хрущева отправило его в отставку, это тоже было благом для страны.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Базовым термином для характеристики эпохи Брежнева является «стабильность», со всеми плюсами и минусами, присущими этому термину. Безусловно, после хаотичности действий Н. С. Хрущева, успокоить властные элиты и социум было необходимо. Но то, что соответствовало начальному этапу и должно было стать лишь стартовой базой для развития, оказалось стратегической линией Л. И. Брежнева на почти 20-летний период. Создавалось впечатление, что Советский Союз в эти годы не сталкивается с серьезными вызовами. Резкое увеличение цен на экспортируемые энергоносители создавало иллюзию экономического благополучия, а отсутствие реальной

политической оппозиции – общественной поддержки и прочности государственных структур.

Однако, когда на рубеже 1970–1980-х гг. страна столкнулась с комплексом внутренних и внешних проблем, оказалось, что Л. И. Брежнев и его окружение не только не имеют плана их решения, но и не хотят замечать кризисных явлений. Эйфория «сверхдержавности», не подкрепленная реальным развитием экономики, отставанием в научной и технологической областях, вызывала нарастание общественного недовольства. Страна стала более открытой по сравнению с предшествующими историческими периодами, и советские люди могли сравнивать качество жизни в СССР с наиболее развитыми государствами мира. С каждым годом это сравнение становилось все менее благоприятным для Советского Союза. Общество хотело перемен, а власть на них была неспособна. В централизованной авторитарной системе только смена политического лидера давала шанс на импульс преобразований, необходимых стране. «Революция сверху» была единственной альтернативой маловероятной «революции снизу» (со всей присущей ей разрушительностью и насилием); или, что более вероятно, возрождению репрессивного режима, подобного сталинскому.

При всей критичности по отношению к Л. И. Брежневу необходимо подчеркнуть, что он никогда во внутренней политике не переступал границу своеобразного «общественного договора», существовавшего на практике в Советском Союзе 1970–1980-х гг. и не использовал крайние репрессивные меры. В реалиях советской истории это следует оценивать как огромный плюс. Властная система была даже более мягкой, чем многие постсоветские режимы.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

У М. С. Горбачева, после получения власти, было два возможных стратегических сценария действий.

Первый. Можно было продолжать курс предшественников, делая вид, что Советский Союз чрезвычайно успешен и продолжает двигаться «от победы к победе». Поскольку это не соответствовало действительности, пришлось бы возвращаться к методам сталинизма: закрыть страну, провести репрессии против инакомыслящих, включить на полные обороты аппарат пропаганды и т. д. Как мы знаем, такие методы работают в некоторых странах и в XXI в. Вероятно, Советский Союз существовал бы и сегодня, М. С. Горбачев был

бы Генеральным секретарем ЦК КПСС, а уровень жизни советских людей относился бы к категориям стран «третьего мира». Прогноз Дж. Оруэлла оказался бы реальностью.

Второй. Признать наличие проблем и искать их решение. Что и произошло на практике. Далее мы должны давать оценку уже не стратегическому выбору, а тактическим решениям по его реализации, часть которых была необходима, часть ошибочна. Ставить «плюсы» и «минусы» каждому тактическому ходу невозможно из-за их многочисленности, но стратегический выбор представляется нам правильным. «Ускорение» и «перестройка» стали необходимыми этапами реформирования неэффективной системы.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Россия является для Беларуси главным геополитическим фактором, и любые внутрироссийские события становятся значимыми событиями нашей внутренней жизни. При взгляде извне, из Беларуси, представляется, что важнейшей проблемой России в контексте рассматриваемых вопросов была проблема самоидентификации. Россия на протяжении всего советского периода искала ответ на вопрос, является она Россией или Советским Союзом?

Белорусское историческое сообщество с интересом анализирует современные тенденции российской историографии по отношению как к советскому, так и имперскому периодам российской истории. Насколько можно понять, взаимоотношение «российского» и «советского» продолжает оставаться предметом дискуссий академического сообщества, но академический аспект анализа в настоящее время скорее объект, чем субъект в ситуации незавершенного определения российской государственной исторической политики.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

СССР был своего рода геополитическим проектом и создавался в определенных исторических условиях, под конкретную ситуацию. В 1991 г. завершилась история страны, которая задумывалась как государство принципиально нового типа, целью которого провозглашалась его превращение во «всемирный союз советских социалистических республик». Лозунги и декларации первых лет советской власти постепенно трансформировались, с тече-

нием времени СССР во все большей степени приобретал черты «обычной» (для классической политологии) страны. Однако степень этой «обычности» была и остается предметом научных дискуссий.

Основной закон страны декларировал право выхода из СССР. Определенные обстоятельства позволили это право реализовать. В конкретной ситуации, сложившейся после попытки государственного переворота в августе 1991 г., распад Советского Союза стал неизбежен.

А. С. Пученков (СПбГУ, Санкт-Петербург)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.1. Одна из моделей социализма.

Вопрос чрезвычайно сложный: мне кажется, что СССР не подпадает под классический образец государственного капитализма, скорее, можно говорить о том, что в Советском Союзе периода 1970-х гг. сложилась специфическая модель социализма, при которой одновременно существовала гипертрофированная роль государства и в то же время отсутствовала практика эксплуатации человека человеком, существовали мощные социальные гарантии, наличествовала уверенность рядового гражданина в обеспеченной старости, бесплатном здравоохранении и т. д. Отмечу, что все без исключения советские лидеры, не исключая Горбачева, искренне были убеждены в превосходстве социализма как более передового общественного строя, чем капитализм.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.3. Иное.

Вряд ли можно считать советскую модель моделью, не имеющей альтернативы; об этом, на мой взгляд, неопровержимо свидетельствует тот факт, что *сразу же* (спустя всего неделю!) после прихода большевиков к власти в Новочеркасске возникла белогвардейская Добровольческая армия, в течение трех лет воевавшая на Юге с Советской властью. Ожесточенное сопротивление большевикам было оказано и на Востоке, и на Севере, и на Северо-

Западе. Уже одно это позволяет говорить, что ход русской истории в 1917 г. не был безальтернативным; большевики же в ходе Гражданской войны сумели разбить своего противника, создав ту модель государства, основы которой были заложены в годы русского братоубийства – жесткую, предельно централизованную, ориентированную на подавление инакомыслия; быть может, в этой связи можно говорить о военной и предельно идеологизированной модели советской государственности. Была ли она наиболее перспективной с точки зрения решения исторических задач, стоявших перед страной? Думаю, что здесь мы как раз впадаем в умозрительные рассуждения, которые лично мне представляются далекими от академической науки, поскольку мы сталкиваемся с разными условиями задачи: царская Россия, которая, в отличие от раннего советского государства, не находилась в «сплошном кольце врагов», имела возможность проводить свою «индустриализацию» без той лихорадочной спешки, которая отличала сталинский СССР. В свою очередь, Советский Союз в предвоенную пору, вероятно, не мог решать задачи, связанные с обеспечением своей безопасности, иначе, чем это делалось в 1930-е гг. Иными словами, я не могу однозначно ответить на этот вопрос.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.3. Сталинская модель была единственной реальной возможностью.

Да, вероятно, как бы это ни было тяжело признавать, сталинская модель была единственно реальной и осуществимой, исходя из Сталиным же сформулированной задачи – за 10 лет пробежать то безмерное расстояние, на которое капиталистический мир обогнал Советскую Россию. Чем-то выдвинутые Сталиным во многом авантюрные и не всегда реализуемые лозунги возвращали советское общество в атмосферу Гражданской войны – только вместо «Даешь Перекоп!», появлялись другие лозунги – «Даешь Магнитку!», «Даешь Днепрогэс!» и т. д. Оговорим, что грандиозность и колоссальность сформулированных Сталиным задач как нельзя лучше соответствовали ментальности русского человека.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

На возникновение уникальной модели, связанной с именем Сталина, как это ни банально, повлиял сам Иосиф Виссарионович – смелый и решитель-

ный революционер, фанатично убежденный в преимуществах коммунистического строя, необычайно жестокий и властолюбивый лидер. Та среда, в которой формировался Сталин еще в детстве и отрочестве, его нетипично суровая – даже для профессионального революционера – биография: тюрьма, поселения, побеги, военные эпизоды эпохи Гражданской войны, связанные с Царицыным, польским фронтом, превратили его в негибаемого борца и способствовали формированию в нем уникальных лидерских качеств.

Эти же качества предопределяли его непримиримость к инакомыслию, утверждали его в необходимости массового насилия как способа реализации своей политики. Массовые репрессии, ГУЛАГ – все это не казалось Сталину чем-то исключительным: в его сознании он поступал с врагами советской власти ничуть не более жестоко, чем царизм подавлял революционное движение и расправлялся с революционерами. Став лидером огромной страны, Сталин, вероятно, сознательно формировал вертикаль власти, построенную на подчиненности маленьких «сталиных» – Сталину большому. Будучи убежденным сторонником сверхцентрализации власти, Сталин заострил все управление государства на себе – это ставило Советский Союз в сильнейшую зависимость от своего лидера; это же предопределило и неспособность СССР выйти из сталинской матрицы после смерти вождя всех народов. Сумел вырвать Советский Союз из сталинских объятий лишь Горбачев; закономерно ли, что после этого СССР распался? На этот вопрос я ответить не могу – ни в положительном, ни в отрицательном смысле, мне он кажется слишком сложным и нуждающимся в проработке большой группой ученых.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Сильная сторона очевидна: Сталин сумел создать общество, сумевшее выстоять и победить в условиях величайшего вызова в своей истории – войны с нацизмом.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Хрущев – недооцененный лидер, в полной мере реализовавший свой талант политика-самородка. Представляется абсолютно уникальным, что «достигнув высшей власти» в более чем зрелом возрасте – в 60 лет, Никита Сер-

геевич не утратил способности к переосмыслению своей жизни и переоценке уже устоявшейся системы ценностей: вплоть до осени 1964 г. Хрущев продолжал меняться и как человек, и как политик. Примечательно, что Хрущев действительно не только и не столько опасался последствий разглашения информации о его участии в массовых репрессиях, сколько, в самом деле, стыдился этого факта своей биографии, отличаясь тем самым от Молотова и Кагановича сотоварищи.

Думаю, что Хрущев до конца своих дней считал Сталина непревзойденным мастером политики, выдающимся революционером, по праву удерживавшим власть в течение трех десятилетий. Он любил и ненавидел Сталина, восхищался Сталиным как лидером и страшился его деяний. Трагедия Хрущева, по меткому замечанию Е. А. Евтушенко, заключалась в том, что он «одновременно был и антисталинистом, и сталинистом»¹. «За годы правления Хрущева все, что он делал, было не реформами, а полумерами... в своем стремлении сделать систему более гибкой и жизнеспособной Хрущев добился многого, но не дошел до главного: основ режима не тронул, той черты, после которой перемены становятся необратимыми, не перешагнул. Приближался к ней время от времени, но тут же и отступал, словно отдергивал руку, прикоснувшись к горячему. Но его соратникам-сталинистам казалось, что он зашел слишком далеко, и они все настойчивее и даже наглее требовали от него остановиться», — утверждал писатель В. Н. Войнович.² Объективно говоря, к 1964 г. свою историческую роль, роль «царя-освободителя», как *очень серьезно* написал о кремлевском вожде А. А. Вознесенский³, Н. С. Хрущев уже сыграл. Вероятно, его отрешение от власти было проведено своевременно — Брежнев привнес в управление государством ту мудрую осторожность, которой так не хватало в последние годы правления Никите Сергеевичу; в свою очередь, хрущевская оттепель, конечно же, была удивительным временем, породившим у советских людей небывалые надежды на изменение жизни к лучшему, исчез страх перед собственным государством, люди, как удачно выразился И. Г. Эренбург, название произведения которого и дало имя эпохе, — «выпрямились». Оттепель — эпоха-надежда, эпоха-порыв, сравнимый разве что с перестройкой, исторической предшественницей которой она и являлась.

¹ Евтушенко Е. А. Волчий паспорт. М., 1998. С. 447.

² Войнович В. Автопортрет: Роман моей жизни. М., 2010. С. 386, 440.

³ Вознесенский А. А. На виртуальном ветру. М., 2006. С. 89.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Сложный вопрос. На мой взгляд, именно эпоха Брежнева – высшая точка советской цивилизации, пик благосостояния советских людей, влияния СССР на мировую политику; никто и не пытался в те годы оспаривать статус Советского Союза как сверхдержавы. Вряд ли кто-то рискнет оспаривать роль Брежнева в политике разрядки – вот уж кого следует считать (до Афганистана, конечно!) выдающимся миротворцем. Несомненно, Леонид Ильич исключительно плодотворно работал на посту главы государства как минимум до 1975 г., к достоинствам Брежнева следует отнести чрезвычайно низкий процент «невынужденных ошибок», – советский лидер принимал большинство своих серьезных решений после тщательнейшей их проработки, Леонид Ильич осознавал свою ответственность и перед миром, и перед советским народом, практически не допуская больших просчетов. Брежнев был талантливым психологом, великолепно разбирался в кадрах – не случайно, что он сумел усидеть на своем посту до смерти – никто не рискнул предать даже немощного генсека, видя в нем залог своего пребывания у власти: Леонид Ильич не ошибся в верности тех, кого он выдвигал на самый верх.

Лояльность правящих групп по отношению к генсеку имела и свою оборотную сторону: Брежнев несомненно оставил бы о себе добрую память, если бы сумел уйти до того момента, пока не одряхлел окончательно; увы, в народном сознании остался именно поздний Брежнев – износивший себя на государственной службе, смертельно уставший шамкающий старец, поддерживаемый при ходьбе охраной и вызывавший у соотечественников при своем появлении на телеэкране либо истерический смех, либо чувство сожаления и стыда за страну, нуждавшуюся в новом, молодом и динамичном лидере. Брежнев неоднократно пытался оставить власть, хлопоча для себя о должности менее хлопотной, однако озабоченная лишь своим самосохранением на партийном Олимпе элита фактически блокировала его инициативу⁴.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Очень сложный вопрос. Не приемлю рассуждений о том, что лучше было вообще не затевать перестройку: нельзя было навеки застыть в атмосфере

⁴ См.: Пученков А. С. От Брежнева к Горбачёву: страницы политической жизни в СССР глазами Анатолия Черныяева // Вопросы истории. 2020. № 10–2. С. 15–30.

1984 года – и дело тут вовсе не в том, был ли К. У. Черненко достойным главой государства или же 390 дней его правления довели до абсурда застойные тенденции в нашем обществе. Просто так дальше – без какого-либо движения вперед – жить было нельзя, и это осознавалось в тот момент, пожалуй, всеми – даже теми представителями власти, кто впоследствии будет корить себя за то, что «проглядел» Горбачева. Горбачев неслучайно получил в начале своего правления беспрецедентный кредит доверия: общество, как я уже говорил, желало перемен, поэтому и поддержало предложенный лидером страны проект преобразования СССР, известный всему миру как перестройка. Обаяние нового генсека, искренность его желания *говорить* с народом и *совместно* с ним преобразовывать жизнь советского государства вызывали на первых порах всеобщий восторг. Замечательна была та атмосфера доверия к власти и ее инициативам, которой был буквально пропитан в те годы воздух; идеи «нового мышления» вовсе не казались тогда глупыми и наивными не только команде Горбачева, но и миллионам людей во всем мире; вряд ли стоит осуждать генсека за политику гласности и за вовлечение народа в реальную политику; за стремление избавить мир от казавшейся в отдельные годы неотвратимой ядерной войны; наконец, за избавление общества от страха репрессий. Если уж и можно говорить о том, что когда-то у нас в стране была свобода и бесцензурная пресса, то именно при Горбачеве! Не секрет, что перестройка задумывалась ее инициаторами для укрепления, существовавшего в СССР, общественного строя, а вовсе не для развала страны. Почему произошел распад СССР – вопрос отдельный и необычайно сложный. Надеюсь, что когда-нибудь я сделаю попытку ответить на него в отдельной работе. Пока же выскажу мысль о том, что всё лучшее, что есть в нашей жизни, равно как и всё худшее, – следствие тех, уже далеких ныне, перестроечных лет.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

В советское время русская цивилизация, по всей видимости, достигла высшей точки своего развития: СССР не просто был сверхдержавой, но и объектом притяжения мыслей миллионов людей и целых народов – никогда наша страна не имела столь большого количества союзников за своими пределами; военная мощь Советского Союза вызывала благоговейный трепет и восхищение у всего мира; здесь, в стране Советов, лояльному члену общества была гарантирована работа, приемлемого уровня бесплатное здраво-

охранение, прекрасное образование, трудоустройство, оплачиваемый ежегодный отпуск. Наконец, Советский Союз в послевоенное время в течение нескольких десятилетий успешно решал важнейшие государственные задачи: защиту суверенитета страны и последовательный рост доходов населения.

Однако эти положительные моменты сочетались с лживой и лицемерной пропагандой, неподвижностью и косностью политической элиты. Общество устало от «застоя», как бы ни относиться к этому термину, отсутствие изменений порождало ожидание перемен. Власть проглядела тот момент, когда обыватель перестал ее бояться и уважать, он устал от нее, желая радикальных подвижек во всех сферах жизни — при этом немедленно и сразу. Перемен ждали так давно и так страстно, вкладывая в них всю свою надежду, что неудачи перестройки породили у советских людей ощущение безнадежности и иррациональное желание поскорее распрощаться с коммунистическим проектом.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Как я уже и говорил в самом начале, более сложный вопрос трудно и представить. Если коротко, то не знаю: порой мне кажется, что избежать распада Союза было невозможно, в другие минуты думается, что крах советского проекта был едва ли не случаен. В общем-то, можно с горечью признать, что в декабре 1991 г. народ по всегдашней национальной традиции безмолвствовал, его отношение к гибели страны было равнодушно-безучастным. Вероятно, это могло свидетельствовать о том, что советские люди разуверились в Горбачеве, в перестройке как попытке крупнейшего в истории реформирования советского общества и государства, предложенного лидером страны, и утратили идеологическую и материальную заинтересованность в существовании Союза. Кроме того, *в полном объеме никто*, даже, наверное, и в политической элите, в конце 1991 г. и не представлял, что Беловежье приведет к возникновению 15 отдельных, подчас почти не связанных друг с другом или же прямо враждебных государств; в прессе и в разговорах того времени, напротив, можно встретить утверждение о том, что СНГ — новая форма Союза, но без опостылевшего уже многим Горбачева.

Дж. Суэйн (Университет Глазго, Великобритания)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.1. Одна из моделей социализма.

One of the models of socialism.

Одна из моделей социализма

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.1. Нет, был более перспективный вариант. Он состоит в следующем...

No, other models existed. Working with the SRs was a possibility at various times in the history of 1917–1918. A Chernov Government in September 1917, a Left-SR/Bolshevik Government in summer 1918 (to replace the Bolshevik/Left-SR administration). The Komuch Government followed policies close to those adopted by the Bolsheviks in 1921. A Bolshevik monopoly of power was not needed, and was not democratic.

Нет, существовали другие модели. Совместная работа с эсерами была возможной в различные периоды времени в 1917 и 1918 гг. В сентябре 1917 г. существовала возможность формирования правительства во главе с Черновым. Летом 1918 года было возможным существование коалиционного правительства левых эсеров и большевиков, при доминировании первых. Оно могло заменить правительство большевиков и левых эсеров, в котором доминировали большевики.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.1. Развитие в рамках НЭПа («бухаринская модель»).

The Bukharin model could have worked, as mathematical modellers have shown. Development would have been slow at first, but would have accelerated by the mid 1930s reaching the same point as the Stalin model in 1941. Economic growth without the social trauma of collectivisation. The comparative success of Tito's Bukharinism bears this out.

Бухаринская модель могла сработать, как показывают результаты математического моделирования. Вначале развитие шло бы медленно, но постепенно ускорялось к середине 1930-х, достигнув в 1941 г. того же рубежа, что и сталинская модель. Так был бы обеспечен экономический рост без травмы коллективизации. Это подтверждает сравнительный успех бухаринской модели, осуществленный Тито в Югославии.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

The use of force to resolve issues. Policies which evolved during the civil war were transferred to peace time.

Использование силы для решения проблем. Политические методы, выработанные в годы гражданской войны, были перенесены в практику мирного времени.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

At times (especially during the war) there were elements of mass mobilisation, drawing on the Bolshevik tradition of working with the masses.

Временами (особенно в период войны) сталинская модель использовала элементы массовой мобилизации, опираясь на большевистскую традицию работы с массами.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

See my *Khrushchev* (Palgrave, 2016). Khrushchev was committed to reform, but realised only late in the day what Trotsky had recognised early on: the CPSU party apparatus was not “the civil service of the party”, not a neutral actor but an interest group ready to defend itself. The nomenklatura apparatus defined socialism in a Stalinist way and fought to retain that vision. Brezhnevism was neo-Stalinism. Khrushchev challenged Stalinism, but was defeated by it. Evtushenko’s *Heirs of Stalin* sums it up, they waited for Khrushchev to falter and then returned to power.

It is important to remember that in the 1960s people (myself included) were learning Russian because the Soviet Union was a success story and seemed to be out-performing the West.

Смотрите мою книгу «Хрущев» (Palgrave, 2016). Хрущев был сторонником реформ, но слишком поздно осознал то, что ранее осознал Троцкий: партийный аппарат КПСС не был просто обслуживающим партию аппаратом, был не нейтральным актором, а группой, готовой защищать свои интересы. Номенклатурный аппарат определял социализм по-сталински и боролся для того, чтобы сохранить свой взгляд. Брежневизм был неосталинизмом. Хрущев бросил вызов сталинизму, но был им разбит. Как подытожил Евтушенко в «Наследниках Сталина», они ждали, когда Хрущев споткнется, и затем вернулись к власти.

Важно помнить, что в 1960-е гг. люди (и я в том числе) учили русский язык потому, что СССР был историей успеха, и казалось, что он опережает Запад.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Entirely negatively. Brezhnev was about lingering death, both of the man and the society. Under him the Soviet economy became a basket case.

Полностью негативно. Брежнев представлял собой затянувшееся умирание его самого как человека, так и советского общества в целом. При нем советская экономика оказалась в плачевном состоянии.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Too late. In the 1960s young people were still interested in socialism. Brezhnev killed all that. Stagnation meant that youngsters wanted a higher standard of living and resented being told what to do.

Слишком поздно. В 1960-е молодые люди еще интересовались (верили) в социализм. Брежнев убил эти настроения. Застой вел к тому, что молодежь стремилась получить более высокий уровень жизни и не хотела слушать тех, кто предлагал ей старые рецепты.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Education, and then ignoring the educated.

Образование, а затем игнорирование образованного слоя.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Inevitable after: 1) the removal of Khrushchev in 1964, 2) the solidifying of neo-Stalinism after 1968 when Czechoslovakia was invaded.

Неизбежен после: 1) устранения Хрущева в 1964 г. 2) укрепления неосталинизма после вторжения в Чехословакию в 1968 г.

В. Ф. Солдатенко (ИПиЭИ им. И. Ф. Кураса НАН Украины)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советской период истории России (СССР)?

1.1. Иное.

Думается, однозначно, бесспорно определить социально-экономический и политический строй, существовавший в истории России (СССР), вряд ли возможно. Из множества несомненных причин тут можно упомянуть хотя бы три самоочевидных:

- 1) Невозможность договориться о научном тождестве применяемых критериев, или хотя бы определить согласованный компромиссный вариант.
- 2) Переходная природа, характер предмета анализа и оценки – применяя политологическую терминологию – «транзитного общества».
- 3) Незавершенность, прерванное состояние развития пусть и хронологически достаточно протяженных процессов, но все же таких, которые не достигли своего логического финала, абсолютного утверждения, доминирования факторов, бесповоротно подчинивших себе остальные (альтернативные) тенденции.

Сознавая относительность, условность используемых подходов, для приближения к истине, как представляется, важно иметь в виду два обстоятельства:

- 1) Реальную, весьма динамичную диалектику рассматриваемых страниц истории.
- 2) Соотнесение исторической реальности (в данном случае – реконструируемой картины) с теми представлениями о результатах преобразова-

тельной деятельности, которыми руководствовались инициаторы и организаторы, руководители создававшегося общества.

Выстраивая размышления с учетом вышеозначенных посылов, представляется первоочередным и основополагающим вспомнить о том, как процессы революции и первых лет советской власти трактовались их бессменным лидером – В. И. Лениным. Не лишним, наверное, будет упомянуть и о том, что теоретические умопостроения вождя большевиков – это непререкаемое, авторитетное статус-кво, которому в поисковых, или сомнительных случаях следует доверять больше, нежели чьему-либо иному.

Ленинские воззрения опирались на прочный фундамент марксизма. Последний же, как известно, предполагал, что между двумя формациями, капиталистической и социалистической, сменяющей друг друга с исторической закономерностью, лежит период революционного преобразования первой во вторую, и называться он будет социализмом.

Поступь человечества распорядилась так, что В. И. Ленин встал у руля общественных процессов, когда именно на такой путь весной 1917 г. вышла Россия.

При этом В. И. Ленин строго учитывал зрелость объективных и субъективных предпосылок социализма в России, глубоко и всесторонне анализировал сущность процессов быстро развивавшегося государственно-монополистического капитализма, его противоречий, особенно обострившихся в период империалистической войны, трезво оценивал состояние системы общественных отношений, боеспособность пролетариата, его союзников, партии большевиков. Позднее, уже после победы Великого Октября он писал: «В 1917 году, с *апреля* месяца, задолго до Октябрьской революции, до взятия власти нами, мы говорили открыто и разъясняли народу: остановиться на этом революция теперь не сможет, ибо ушла вперед страна, шагнул вперед капитализм, дошло до невиданных размеров *разорение*, которое *потребует* (хочет ли этого кто-нибудь или нет), потребует шагов вперед, к *социализму*. Ибо иначе идти вперед, иначе спасти страну, истерзанную войной, иначе *облегчать* муки трудящихся и эксплуатируемых *нельзя*»¹.

¹ Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. Т. 37. М.: Изд. Полит. лит., 1969. С. 311.

Характеризуя открывшуюся после свержения самодержавия перспективу и основное направление революционной стратегии партии большевиков, В. И. Ленин четко и определенно заявлял:

«Переход – ко 2-й революции
– к власти пролетариата
– к социализму».²

Далеко не все в тот момент верили в подобную перспективу. Даже беспредельно преданные марксизму, невероятно талантливые личности вроде Г. В. Плеханова и Г. Л. Пятакова считали страну, ее политические силы неготовыми для социализма.

Однако именно такая, социалистическая революция вскоре свершилась. В самый разгар вооруженного восстания 25 октября 1917 г. в докладе о задачах власти Советов вождь большевиков совершенно определенно заявил: «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического (подчеркнуто мною – В. С.) государства»³.

Как известно, мгновенно проявилось не только неверие в социалистическую перспективу России, отстаиваемую большевиками и левыми эсерами, а практически тотальное ее неприятие со стороны как внутренних политических сил самого широкого спектра, так и зарубежного политикума. Крайняя враждебность, желание любыми средствами сорвать социалистический эксперимент, воспрепятствовать определившейся социалистической траектории общественного развития вылились в жесточайшую, кровопролитную Гражданскую войну, поддержанную извне волнами вооруженных интервенций.

Возглавленная В. И. Лениным государственная система выстояла. В условиях многоукладной экономики, включавшей и государственно-капиталистический сегмент, в столкновении различных идеологических векторов были защищены в первую голову именно социалистический выбор, получившая массовое признание вера в социализм.

В мирное время НЭП стал вовсе не отменой стратегического ориентира на социализм, а лишь мудрой, прагматичной, своевременной реакцией на

² Ленин В. И. Материалы к выступлению на собрании большевиков во дворце Кшесинской, ночью, с 16(3) на 17(4) апр. 1917 г. // Ленинский сборник. XXI. М., 1941. С. 33.

³ Ленин В. И. Заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. Доклад о задачах власти Советов. Газетный отчет // Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Изд. Полит. лит., 1969. С. 3.

необходимость корректировки курса для достижения остающейся неизменной, желанной цели.

С этой точки зрения высказывание В. И. Ленина в его политическом завещании о необходимости «с ростом социализма» «признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»⁴ нет никаких оснований рассматривать как попытку отказаться от строительства социализма в России и СССР.

Заложенные же при жизни В. И. Ленина краеугольные камни возводимого общественного, государственного строения в определяющей мере очертили контуры всего развития советского общества на долгие десятилетия. Конечно, нельзя считать, что они все время оставались незыблемыми, не претерпевали (по разным причинам, под различными воздействиями) определенных деформаций, и даже частичных трансформаций. Но экономический базис, политическая система, общие идеологические ориентиры преимущественно сохраняли свою первоизданную заданность.

Изложенное в наиболее общем виде позволяет автору в предложенной системе координат прийти к выводу: создаваемый после победы Октября социально-экономический и политический строй в России (СССР) был социалистическим, точнее являлся воплощением на практике одной из социалистических моделей. Какой, чем обусловленной – отдельный специальный разговор, частично затрагиваемый в ответах на следующие вопросы.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоящих перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.1. Да, другого, более перспективного варианта не было, потому что...

Анализируя программы политических партий России (включая и национальные партии на периферии), трудно представить, что хотя бы одна из них имела преимущества, а в теоретически-прогностическом плане даже могла быть поставлена вровень с большевистской моделью общественного развития. И если в этом отношении еще возможны определенные сомнения, разнотолки, то, ведь, конкретно исторически сложилось так, что альтернативные государственно-правовые и социальные модели проверялись в горниле масштабнейших социальных и национальных сражений на протяжении целых

⁴ Ленин В. И. О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Изд. Полит. лит., 1970. С. 376.

четырёх лет (да, пожалуй, и позже (хотя уже в меньшем напряжении столкновений) – в 1920-е – 1930-е гг.).

Вряд ли кто возьмётся доказывать, что советский строй явился во всех отношениях идеальным, совершенным, безупречным. Допускались серьёзные ошибки, усугублявшиеся действием таких неоднозначных факторов как сталинизм, административно-командная система управления, перегибы силовых методов в стремлении любой ценой – и даже «штурмом» – достичь поставленную цель; допускались досадные упущения вроде абсолютизации планового начала в регулировании экономики при неиспользовании в должной мере потенциала механизмов товарно-денежных отношений, пренебрежении к материальным стимулам в хозяйствовании, игнорирования преимуществ демократических принципов и методов функционирования общества. Однако, по большому счёту, система «сработала», долгое время принося, в целом, преимущественно положительный эффект.

Объективно нелегко определить ту грань, когда возможности системы оказались в такой степени исчерпанными, или пережили такую деградацию, что оказалось невозможным противостоять зародившимся в рамках той же системы несвойственным её природе тенденциям и явлениям, приведших к необратимой эрозии и краху. Не стоит сбрасывать со счетов и целенаправленного воздействия разрушительных внешних относительно системы факторов.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.1. Развитие в рамках НЭПа («бухаринская» модель)

«Бухаринская» модель ретроспективно представляется несостоятельной. Её осуществление было чревато серьёзными угрозами почти неминуемых и непредсказуемых социальных последствий и катаклизмов.

3.2. Модель форсированной индустриализации без Сталина и эксцессов сталинизма.

Гораздо предпочтительнее выглядит модель форсированной индустриализации без Сталина и эксцессов сталинизма. Более того, подобный вариант мог иметь реальные шансы на осуществление. Достаточно обоснованные планы форсированного развития народного хозяйства страны разрабатывались в недрах Высшего совета народного хозяйства СССР уже в середине 1920-х гг. по инициативе и усилиями главным образом Е. А. Преображенского

и Г. Л. Пятакова. Первоначальные наброски годового планирования трансформировались в первый сводный план развития промышленности на 1925/26 – 1929/30 гг. Он, собственно, и явился предшественником, прообразом, своеобразной моделью для пятилетних планов, начавших реализовываться с 1928 г., когда подходы, принципы, методы были взяты на вооружение И. В. Сталиным, его окружением, да и практически всей партией. И как бы критически не относились сегодня к феномену пятилеток, к плановой советской экономике, следует признать, что организационное начало сводных, перспективных планов явилось цементирующей и направляющей системообразующей силой народного хозяйства страны.

Думается, что в сложившейся обстановке, с учетом ранее принятых партийных решений, коренная модернизация России могла быть осуществлена и без Сталина, без связанных с практикой сталинизма издержек силового характера и без нарушения социалистической законности.

Удалось ли бы избежать при этом масштабного голода (И. В. Сталин перенял во многом подходы «левых», согласно которым индустриализацию можно было осуществить в кратчайшие сроки только «за счет крестьян» – дешевого ресурса, да другого, впрочем, и не было) предположить непросто. Хочется верить, что реальная политика «без Сталина» могла быть и более осмотрительной, не привести к трагедии.

3.3. Сталинская модель была единственной реальной возможностью.

«Сталинская» модель (думается, что она была не столько сталинской, т. е., его личным изобретением, а неким «синтетическим» вариантом со множеством «заимствований») в этом случае не только не была единственной реальной возможностью, но и не во всех отношениях обязательным планом реализации назревших масштабных перемен.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

К «сталинской» модели строительства социализма в научной историографии и популярной публицистике высказано столько критических замечаний, сделано столько резко эмоциональных разоблачений, что при физической невозможности ознакомления с их полным наличным «арсеналом», существует риск в чем-то ненамеренно повторить известное. Желая все же, чтобы, с учетом высказанной оговорки, выраженное ниже было воспринято в качестве

личной, авторской позиции, хотя может совпасть и с точками зрения других авторов, представляется вынужденно оправданным предложить субъективные соображения касательно только двух моментов, которые есть основания отнести к числу определяющих, сыгравших системно негативную роль в судьбе Союза ССР и мирового социализма.

Во-первых, речь может идти о неестественной, противоречащей сущностной природе и прогнозируемому облику социализма утрате гуманистического начала в реализации планов созидания нового общественного строя, абсолютизации нажимных, силовых методов в организационно-массовой деятельности (например, практика форсированного колхозного строительства, жесточайшие необоснованные репрессии, нагнетание атмосферы страха, сужение условий защищенности личности, ограничение демократических основ функционирования общества). Причем, делалось это часто намеренно грубо, брутально и назидательно. Общество усилиями государственной машины попадало в какое-то «вздернутое, подвешенное», зато — «послушное» состояние. Вряд ли в данном случае его можно считать полностью здоровым, раскрепощенным, готовым раскрывать внутренние порывы, стремления.

Во-вторых, подмена в многонациональной стране принципов федеративного государственного строительства, декларированных в основополагающих документах Союза ССР, унитаристскими порядками, отход, вопреки конституционным гарантиям, от реального равноправия республик, асимметрии в отношении к проявлениям великодержавного шовинизма и местного национализма, неоправданное преувеличение угрозы, происходящей от последнего феномена, в частности — от национал-коммунизма, что порождало напряжение, нестабильность в развитии целостного государства, в конце концов, явилось одним из факторов эрозии добровольного союзного образования, одной из причин его распада.

Легче всего в данном, как и в других случаях, сослаться на личностные качества И. В. Сталина и его едва ли не врожденную склонность к авторитаризму, тиранизму, великодержавному шовинизму, отчасти — к прагматичному использованию центристских начал для концентрации усилий в достижении поставленной цели.

Однако следует давать себе отчет: в данном случае речь идет лишь о частичных слагаемых сложнейшей комплексной модели. В этом смысле логично поставить вопрос: можно ли было без отмеченных выше самих по себе

несомненно не позитивных, абстрактно, безусловно осуждаемых общественной моралью поведенческих элементов, добиться эффективной реализации в целом конструктивных, прогрессивных, судьбоносных замыслов? И попытаться непредвзято поразмышлять (вовсе не в поисках аргументов оправдания сталинизма, а для того, чтобы приблизиться к истине) над сложнейшими взаимосвязями, взаимодействиями внутрисистемных механизмов функционирования различных элементов. Похоже, что, оставаясь предельно честными, сохраняется больше всего шансов попасть в «глухой угол», то есть, не найти убедительного, неоспоримого ответа. Но именно такой результат, как это ни покажется, на первый взгляд, парадоксальным, и будет максимально возможным, на деле – объективно минимальным продвижением к истине. Раскладывая же целостную, взаимообуславливающуюся модель, весь набор ее слагаемых на позитивные и негативные (операция также бесполезная), неизбежно окажется: невозможно выбрать ту или иную сторону – ведь в обоих случаях ответ будет удаляющимся от искомого понимания исторической реальности.

Думается, причины пороков «сталинской» модели не следует искать в недостатках четких исходных теоретических представлений о параметрах, или хотя бы приблизительных контурах создаваемого общества. Даже принципиально общая (без нюансов, деталей) перспектива очерчивалась постепенно, а пути достижения цели нередко определялись методом «проб и ошибок», кажущейся, предполагаемой, на деле – больше угадываемой целесообразности. Нерешительность, излишняя осмотрительность, робость могли стоять всему обществу дороже, нежели внутренне осуждаемые «перегибы», привести к потере темпов, а может быть, и преждевременному провалу всего проекта (естественно априори имелась в виду прогрессивная цивилизационная перспектива).

И, наконец, о «сталинской» модели можно вести речь как о системе, интегрировавшей в себя массу привходящих слагаемых и оказавшейся в итоге в определенных отношениях внутренне противоречивой, с искусственно приспособленными, «притертыми» «рычагами и механизмами», «винтиками» взаимодействия.

5. Какие были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Сильной стороной «сталинской» модели социализма являлись огромная, предельная мобилизационная «заряженность», поражающая воображение

высокая эффективность, практически гарантированное обеспечение поставленных целей.

В одних случаях максимально задействованными оказывались сопутствующие естественные факторы, такие, например, как патриотическое стремление любой ценой защитить свою Родину, своих родных, близких, свой народ, свой исторический выбор, свои традиции и ценности в годы Великой Отечественной войны, включая не только массовые ратные подвиги, но и не менее значимое подвижничество тыла, невиданное сплочение, «спаянность», «сцементированность» всего общества (если точнее – его решающей, подавляющей части), жителей всех регионов, всех наций и народностей, умение реализовать настрой, заложенный в человеческой природе, обуславливающий стремление доказывать свои способности, в полной мере раскрывать свои возможности, воплотившиеся, к примеру, в стахановском движении, в искреннем рвении превзойти все предыдущие варианты организации и функционирования общества, неподражаемым образцом чему может служить сверхнапряжение сил в послевоенном возрождении экономики, инфраструктуры, науки, культуры. Настоящие боевые и трудовые подвиги совершались в далеко не благоприятствующей международной обстановке, чреватой угрозами усиления новых испытаний. Но к победам вела неистребимая, непоколебимая вера в правоту дела, к которому призывала, за которое боролась партия во главе с лидером – И. В. Сталиным.

Безусловно, чрезвычайно привлекательными, вызывавшими понятную поддержку оказались, по существу, всеохватывающие кампании, получившие высокоморальное, притягательное, перспективно многообещающее звучание и еще более глубинное сущностное содержание – ликвидация безработицы, ликвидация беспризорности, ликвидация безграмотности. Поистине поразительные позитивные последствия вызвала созданная в стране атмосфера всемерной поддержки самодеятельности, творчества, способствовавшая буквально взрыву вдохновения, нарастанию громадной волны тяготения к раскрытию талантов во всех без исключения отраслях жизни – науке, технике, искусстве, спорте: «твори, выдумывай, пробуй».

С неподдельным энтузиазмом, как императив индустриальной эпохи, а не локальная социальная или национальная потребность, воспринимались лозунги «Техника в период индустриализации решает все!», «Темпы в период индустриализации решают все!», «Кадры в период реконструкции народного

хозяйства решают все!», «Женщины – на трактор!», «Даешь рекорд!» и другие им подобные. А в концентрированном виде призывным кличем поколения строителей социализма стали слова популярной песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!».

Одним из приобретенных в сложнейших перипетиях политической жизни преимуществ И. В. Сталина и его окружения явилось привнесенное в массовое сознание доверие к тому, что Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) представлял в общественном восприятии как наиболее преданный, принципиальный последователь В. И. Ленина («Сталин – Ленин сегодня»), бескомпромиссно отстаивающий идеалы социализма, чаяния трудящихся (дополнительный аргумент – ненависть к нему всего «вчерашнего мира», его противников и оппонентов). Сомневающимся в истинности пропагандируемых (отчасти навязываемых) стереотипов оказалось явное меньшинство (латентные настроения либо скрывались, либо не учитывались).

Всех несогласных с «генеральной линией партии» оперативно и очень жестко обвиняли в любых «грехах» – оппортунизме, принадлежности к антиленинским, антипартийным течениям и группировкам, преступном вредительстве, шпионаже в пользу вражеских государств и многих других противоправных и аморальных деяниях, что вело к изоляции последних, превращало их в объекты презрения, ненависти, возрастающей непримиримости и оправдания ужесточавшихся репрессий.

И все же труднодостижимыми во многих других случаях представляются несомненно искусственно (или, во всяком случае, в значительной мере неестественно) вызывавшиеся «порывы энтузиазма» (на самом деле нередко прикрывавшие удивительное, почти безропотное послушание и близкую к раболепности покорность, или же обреченность) во время вовлечения крестьян-единоличников в движение по обобществлению средств производства, принадлежащих им материальных ценностей в создаваемых (по большому счету – навязываемых) коллективных хозяйствах. Еще труднее логично истолковать, по-человечески принять настоящие «эпидемии массового психоза», сопровождавшие инспирированные судебные процессы над «врагами народа», кампании борьбы с надуманными проявлениями местного «буржуазного» национализма, интернирования целых народов, шельмования служителей религиозных культов и верующих, разрушения храмов. Смиренно принималась практика массовых наказаний в многочисленных исправительных

лагерях. Общество приучили (принудили) беспрекословно подчиняться воле государственных институтов, терпимо относиться к неприкрытому произволу, нарушению элементарных норм в деятельности государственных силовых структур, контингент которых перманентно возрастал, увеличивая тем самым удельный вес проблемно морального сегмента общества. Советский человек был готов стойко переносить тяжкие лишения и невероятные испытания.

Конечно, с этой стороны «сталинская» модель воспринимается как изобретенный и неуклонно совершенствовавшийся (ужесточавшийся) способ насильно вовлекать («загонять») людей в социализм, «по ходу» селективно «отсеивая неготовых» к принятию предлагаемых, культивируемых способов и принципов общежития человеческий материал, как чуждый, антисоциальный, даже враждебный.

Ситуативное сочетание субъективных наклонностей И. В. Сталина с объективным состоянием общества, в котором в частности отсутствовали прочные демократические традиции, превалировало доверие к партийно-политической элите, провозглашавшей привлекательные цели даже при очевидных изъянах проводимой политики (насилие, террор, антидемократизм, пугающая подозрительность и пр.), обеспечивали небывалую управляемость, послушность советского общества, позволили совершить исторические достижения во всех областях жизни.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская модель»?

Со смертью И. В. Сталина в жизни страны закончилась целая эпоха. Похоже, она и так затянулась. Неотвратимым было наступление полосы изменений. Общественный организм уже долго функционировал, что называется, на пределе, расходуя, кажется, последние запасы прочности и, рискуя надорваться. Трудиться с такой самоотдачей, самоотверженностью, как в годы, предшествовавшие войне, в военную пору и послевоенный период, было просто физически невозможно. Постепенно отходили на второй план элементы чрезвычайности, экстремальности. Объективно напрашивалось, просто настоятельно требовалось послабление, смягчение режима.

Это понимали хотя бы в части руководящего эшелона ВКП(б). Смена ритма, снижение напряженности, градуса общественной атмосферы являлись

главными детерминантами момента. Думается, кто бы ни стал преемником И. В. Сталина на высшем руководящем посту, неизбежно должен был в той или иной степени осуществлять коррекции курса, подобно тому, как это в общем и стремился сделать Н. С. Хрущев.

Правда, более подготовленная к такой ответственной и масштабнейшей роли личность, постепенно сосредоточившая власть в своих руках, «освободившись» от конкурентов, с которыми начинались процессы десталинизации, может быть, могла сделать это более гибко, деликатно, с большей результативностью и с меньшими для страны, ее престижа издержками.

Восстановление законности, демократизация различных сфер жизни, начавшаяся реабилитация жертв политических репрессий, массовые амнистии, возвращение из тюрем невинных людей (хотя «под кампанию» первыми освободились уголовники), постепенное рассеивание атмосферы страха, состояния безысходности, коррекция партийных и организационно-структурных механизмов государственного и общественного управления, некоторое ослабление идеологического давления были восприняты преобладающей частью общества как объективная закономерность, адекватная реакция на запросы времени.

Однако параллельно проявилась и определенная настороженность. Принимая перемены как должное, определенная часть общества, как бы по инерции, тихо роптала, сожалея, что миновали «благословенные» сталинские времена; не во все начинания и новации власти такие люди верили, и с прежним упрямством сомневались в благоприятном исходе непривычных, казавшихся сомнительными и несостоятельными деяний. Многие заняли осторожную, выжидательную позицию. В таких обстоятельствах необходимо было обладать незаурядным мужеством, решительностью, чтобы пойти на публичное осуждение культа личности И. В. Сталина и его последствий, на такой неординарный шаг как освобождение Мавзолея В. И. Ленина от присутствия тела И. В. Сталина, придания его земле.

Безусловно, все вышеотмеченное, как и многое другое (сокращение рабочей недели, совершенствование пенсионной системы, социального обеспечения, пересмотр налогового законодательства, получение паспортов колхозниками, «жилищная революция» — из коммуналок — в «хрущевки», новые возможности для творческой интеллигенции) было созвучно народным чаяниям, и в комплексе получили яркое образное определение «хрущевской от-

тепели», а XX съезд воспринимался большинством жителей страны как символ обновления и гуманизма.

Одновременно параллельно с серьезными, содержательными подвижками в жизни общества были допущены обидные просчеты, досадные ошибки. Очевидно, в значительной мере это было связано с уровнем компетенции, теоретической подготовки и способом мышления нового лидера партии и страны. Так, вместо четкого научного определения причин замедления темпов общественного производства, снижения производительности труда, некоторого охлаждения к проблемам научно-технической революции (при исторически колоссальных достижениях, успех которых был заложен в предыдущий период — атомного и ядерного проектов, космической программы) начался поиск оправдания появившихся недостатков и просчетов при очевидном желании ввести в заблуждение общественное мнение, в том числе заменяя проваливающиеся проекты и планы другими, оказывавшимися на поверку необоснованными, нереальными. Не принесли ожидаемого эффекта и такие масштабные кампании в контексте экстенсивного варианта развития народного хозяйства как освоение целинных и залежных земель. Недостаток профессионализма, отчасти даже дилетантство, трансформировавшиеся со временем в субъективизм и волюнтаризм, наиболее зримо воплотились в Третьей Программе КПСС и Моральном кодексе строителя коммунизма, утопичных и безответственных заявлениях о том, что в ближайшие годы СССР опередит США по производству товаров на душу населения, и тогдашнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Не потому ли светлая вера в благороднейшие замыслы, многообещающие планы довольно быстро сменилась в столь же поразительное неверие, сопровождаемое иронией, насмешками и даже анекдотами относительно принципиально важных и серьезных вещей и моментов стратегического масштаба и характера.

Несмотря на немалые усилия, направленные на то, чтобы разбудить массовую активность, поднять престиж коллективов, каждого индивидуума передачей под контроль и в ведение общественности некоторых функций государственной власти (народные суды, народные, комсомольские дружины, комсомольский прожектор и пр.) наблюдалось размывание, понижение общественной морали.

В стране оформился сложный симбиоз из не преодоленных и не отмененных элементов «сталинской» модели (чувствуя определенный дефицит лич-

ного авторитета и влияния, Н. С. Хрущев даже пытался использовать хорошо известные ему, апробированные приемы и методы предшественника, что нашло отражение в распространенном тезисе «есть культ, но нет личности») с нововведениями, не все из которых оказались продуманными, конструктивными, перспективными (разделение парторганизаций и комитетов на городские и сельские, децентрализация управления экономическими процессами – региональные совнархозы вместо отраслевых министерств на местах, эксперименты с кукурузой, горохом), претензии на оригинальничание (добавление в ленинский лозунг о коммунизме компонента о химизации) и др.

Неровной и не во всем безупречной оказалась внешняя политика СССР хрущевского периода. Огромный позитивный резонанс в мире получили масштабные инициативы советской страны по осуществлению принципа мирного существования двух систем, разоружению в разных сферах и на разных уровнях. Это были деловые, рациональные предложения, настоящие альтернативы гонке вооружений, раскручиванию механизмов «холодной войны». Колоссальное значение имела поддержка Советским Союзом, всем социалистическим лагерем процесса разрушения колониальной системы.

Однако некоторые персональные демарши Н. С. Хрущева на международной арене, в международных организациях вредили имиджу СССР. Не вполне динамичной и результативной оказывалась двусторонняя переговорная практика, не всегда надежными выявились те силы, на которых рассчитывали, как на союзников и сторонников.

Все вместе негативные проявления и тенденции привели к ситуации, которую условно можно назвать кризисом высшего руководства, утрачивавшего общественное доверие. Страна стала более демократичной, но система – менее управляемой, поведение лидера – не всегда предсказуемым.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Представляется, что время со второй половины 60-х гг. до начала 80-х гг. прошлого века стали периодом устойчиво спокойного, неспешного движения общества в основном по заранее заданной траектории. Постепенно исключив увлечение сомнительными экспериментами хрущевского времени, поэтапно как бы уменьшая желание к поискам каких-то новых вариантов динамичного развития социалистического общества, пришли к возобладанию атмосферы

уверенности в защите от рецидивов неожиданности, «крутых поворотов», что воспринималось преимущественно положительно, хотя все явственнее давали себя знать такие негативы как затухание темпов развития общественного производства, дефицит товаров даже первой необходимости и продуктов питания. Однако объяснялось это как временные, преходящие явления, которые даже за счет саморегулирования в целом здоровой, жизнеспособной, стабильной социалистической системы (был изобретен тезис о вступлении в фазу «развитого социализма») обязательно обеспечат стране, обществу «нужную, надежную дорогу».

Советские люди очень высоко оценивали усилия руководства страны по укреплению мира на планете, разрядке международной напряженности, поддерживали внешнеполитический курс государства, рост престижа СССР за рубежом.

Уважение не только в среде политических союзников снискала принципиальная поддержка вьетнамского народа в войне с иностранными агрессорами, интернациональная помощь кубинской революции, деловое содействие арабскому миру. Однако параллельно отрицательно отразились на международном имидже Советского Союза реакция Москвы на «пражскую весну», ввод войск Варшавского договора в августе 1968 г. в Чехословакию. Не способствовали укреплению авторитета СССР и события вокруг реставрационных процессов в Польше. Серьезными неприятными, и даже трагическими последствиями обернулось опрометчивое, спорное решение о военном вмешательстве в дела Афганистана.

Вряд ли стоит солидаризироваться с теми, кто считает, что снижение темпов общественного развития доходило в то время до критических пределов. Мощный экономический базис, солидный, надежный кадровый потенциал прогностически позволяли не только замедлить развитие многих нежелательных тенденций, но и найти необходимые ресурсы для обновления социально-политического и экономического курса, прервать и преодолеть полосу возникших трудностей. Наверное, главной причиной того, что этого не случилось, явилась заскорузлость, закоренелость сложившихся методов управления, затруднивших приход на ответственные участки деятельности инициативных личностей с хорошими организаторскими способностями, развитым чувством ответственности за судьбу Родины.

В результате насущные вопросы не решались, откладывались на неопределенную «перспективу», в лучшем случае – осуществлялись компромиссные, робкие подходы к реформированию важных сторон жизнедеятельности государства. Очевидные симптомы нездоровья просто игнорировались, а прогрессирующая болезнь безответственно загонялась вглубь дряхлеющего организма. Руководству не хватило смелости хотя бы немного скорректировать сложившееся неблагоприятное для жителей страны соотношение между производством средств производства (группа «А») и предметов потребления (группа «Б»), сделать более гибким государственное планирование. Экономика во многом продолжала держаться за счет зарубежной торговли сырьем (к счастью, конъюнктура долго оставалась благоприятной), ориентированной на количественный, а не качественный рост производства.

Одним из наиболее «слабых мест» в политике брежневского этапа была неспособность реализовать огромный научно-технический потенциал страны, который не находил «выхода», не говоря уже о стимулировании, о поддержке его на мировом уровне, как того объективно требовал статус величайшей (второй) державы на планете и эпоха научно-технической революции. Наблюдалось массовое падение трудового энтузиазма. Распространялись настроения неверия в перспективу улучшения жизни (дефицит, незначительный, но перманентный рост цен) и даже упадничества, подпитываемые не вполне обоснованными представлениями, якобы Советский Союз все более проигрывает соревнование не только в борьбе за научно-технический прогресс, но даже в гонке вооружений, где приблизительная симметрия (паритет) поддерживалась длительное время успешным развитием военно-промышленного комплекса – едва ли не единственной отрасли, на которую уходила «львиная часть бюджета» государства (не менее 40 %) с «догоняющей экономикой». Симптоматичными факторами расценивались участвовавшие, превратившиеся в набирающие масштабы кампании выезда за рубеж (куда угодно, но подальше от СССР) граждан еврейской национальности. Однако, может быть, еще губительнее упаднических настроений были овладевавшие все большими пластами населения чувства социальной апатии, нежелание принципиально отстаивать национальные (в данном случае – советские, социалистические) приоритеты, «сражаться за них» в объективно не исчезнувшем соревновании двух систем.

В известном смысле, очевидно, можно вести речь об «эпохе Л. И. Брежнева» если не как о подготовке, предпосылке тяжелейшего, критического периода в истории СССР, то, во всяком случае, о том, что объективно она явилась его преддверием.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Если для оценки периода 1895–1991 гг. пользоваться системой координат, отправной сущностной точкой отсчета которой является социализм (естественно, в самом общем, хрестоматийном понимании), то вполне оправданным может быть определение – «время непреодоленного кризиса, заката социалистической системы».

По большому счету, за внешне привлекательными лозунгами «совершенствования социализма», «демократического социализма», «социализма с человеческим лицом», призывов к демократии, гласности скрывался стратегический расчет таких «прорабов перестройки» как ближайший сподвижник М. С. Горбачева А. Н. Яковлев – ликвидировать Коммунистическую партию Советского Союза, завести социал-демократические порядки, осуществить предательский демонтаж социализма.

Думается, что ретроспективные циничные признания «агентов влияния» в данном случае были не оправданием того печального финала, к которому скатилась страна в результате несостоятельной политики, а итогом осуществления коварного, тщательно скрываемого замысла (оставим за скобками уточнение авторства и места их происхождения).

Краткий период всплеска симпатий к новому руководству, динамичному стилю его публичного поведения постепенно начал сменяться осознанием неискренности устремлений М. С. Горбачева и его окружения, во всяком случае, появлением сомнений, которые со временем усиливались. «Новое мышление» на деле обернулось не просто «невинной» переоценкой социалистического пути, пройденного страной, легким ординарным «перелицовыванием» истории, а разрушением представлений о базовых ценностях, на которых зиждилось, возвышалось социалистическое общество, созданное колоссальными усилиями поколений дедов и отцов и бережно переданное в наследие их преемниками 1980-х гг.

В разрекламированные планы «ускорения», умножения за полтора десятилетия более чем вдвое производительности труда и промышленного потенциала, обеспечения каждой семьи отдельной квартирой или собственным домом в сельской местности с самого начала никто не верил, включая партийный актив. Но с демагогией, пустым прожектерством молча соглашались, мирились. То ли ждали неизбежного провала беспочвенных обещаний и массового прозрения. А может быть, превалировал инстинкт самосохранения и элементарный страх. «Огонь по Штабам», кардинальное обновление Центрального Комитета КПСС, поголовная смена партийного руководства во всех республиках, «постановочные картинки» на съездах народных депутатов, сопровождаемыми острыми, подчас кровавыми эксцессами практически во всех национальных регионах, фактическое поощрение (во всяком случае, непринятие адекватных мер пресечения) активизировавшихся откровенно антисоветских антисоциалистических сил в короткие сроки бросили партийные массы (более 18 миллионов) в крутой ступор. Страна переживала состояние растерянности, паралича воли, отсутствия элементарного желания проявить элементы здравого смысла, осмотрительности, самозащиты, самосохранения. Сигналы отдельных критически мыслящих личностей, некоторых коллективов о пагубности проводимого курса, выражения нараставшей тревоги за судьбу страны либо игнорировались, либо подвергались разносной критике как проявления лиц не желающих, либо не способных «перестроиться», в общем — «вчерашних людишек» — разных там «нытиков», «ретроградов», «консерваторов» и т. п.

Может быть, наиболее губительным для внутривнутриполитического положения, трагического развития событий стало молчаливое согласие на усилившиеся выступления националистических элементов и сил, все более активно заявлявших о желании похоронить федеративное государство, добиться выхода целых регионов и республик из его состава.

И вновь, вместо реалистичной реакции, конструктивных действий — показушная, шумная возня якобы вокруг поиска новых принципов и научных основ совершенствования строительства многонационального государства, подготовки нового союзного договора («Новоогаревский процесс»), непростительные, выходящие за разумно допустимые грани уступки нараставшим антисоциалистическим тенденциям, даже поощрение их разрушительных антигосударственных действий, официально ложно выдаваемых за триумф демократии.

Буквально в состояние шока общественное мнение повергала едва ли не каждая внешнеполитическая акция Нобелевского лауреата и Почетного гражданина ФРГ М. С. Горбачева, министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе. Это была позорная, унижительная череда «сдачи позиций», предательств государственных интересов и союзников в социалистических странах. Геростратовский результат хорошо известен – ликвидация Варшавского договора – основного сдерживающего фактора произвола антисоциалистического мира, преступное разрушение социалистической системы. А наибольшая, неисправимая катастрофа, трагедия поистине глобального масштаба – бесславное крушение Союза Советских Социалистических Республик, отбросившее осколки сверхдержавы на одной шестой части планеты со второй позиции в мире в пучину непредвиденных, объективно «не обязательных» испытаний.

Тридцать последних лет равны почти половине советского периода нашей истории, особенно если вычесть из общей хронологии годы опустошительных войн и послевоенных восстановлений народного хозяйства. Но и сегодня нет оснований (с естественной, напрашивающейся проекцией на исторически недавний успешный опыт) для твердой уверенности в том, что вскоре удастся достичь хотя бы части некогда завоеванных серьезных социальных, национальных, международных позиций. Слишком уж сокрушительным, тотально пагубным оказался «горбачевский удар. И потому исторически непростительным.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи в истории России?

Основные достижения и неудачи в истории России трудно оценивать, ограничиваясь одной плоскостью и узкой хронологией. Однако если лапидарно подытожить оценки произошедшего в XX веке, в советскую эпоху, наверное, далеко не исчерпывающе, однако достаточно убедительно и наглядно «крупным планом» проступают такие контуры-соображения.

Осуществив в 1917 г. социалистический выбор, народы России однозначно вступили на путь прогрессивного, ускоренного общественного развития. Может быть, одним из непререкаемых, поразительных свершений, удивительных, вдохновляющих символов «исторического взлета» является обращение к двум датам, отстоящим ровно на столетнем расстоянии. В 1861 г. Россия с большим опозданием (конечно, по сравнению с наиболее развитыми

странами), отменив крепостное право, вырвалась из средневековых пут. А затем, после 1917 года, непросто выработав модель «догоняющего общества», она не только оптимально самореализовала открывшиеся возможности, но, опередив всех, ошеломила мир, первой, в 1961 г. смело и уверенно (вовсе не случайно) шагнула в Космос. Так было доказано (естественно, не только данным фактом) неоспоримые преимущества социалистического варианта общественной поступи.

Впечатляющим примером решения национального вопроса, обеспечения реального равноправия и добровольного единения, олицетворения братского сотрудничества стал Союз Советских Социалистических Республик. Бесспорным достижением страны социализма стали глубокие цивилизационные преобразования во всех сплотившихся вокруг Российской Федерации национальных советских республиках.

Превратившись в беспрецедентно короткий исторический срок в сверхдержаву, Советский Союз внес решающий вклад в разгром германского нацизма, в спасение всего человечества от коричневой судьбы. И сегодня народы планеты вот уже 75 лет пользуются возможностями мирной жизни (без глобальных военных потрясений) благодаря исторической миссии Союза ССР и его приемника – Российской Федерации.

Главный же недостаток, а отсюда и основные неудачи, очевидно, заключаются в том, что не удалось развить преимуществ базисных достижений, накопленного потенциала, дополнив его мобилизующими политическими и идеологическими факторами, для того, чтобы сохранить, отстоять от эрозии и покушений намеченную в 1917 году траекторию движения, не свернуть с избранного стратегического курса. Пострадали не только народы Советского Союза. Пострадал весь мир. Был утрачен многообещающий ориентир социального, национального, духовного, подлинно цивилизационного прогресса.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

И утвердительный, и противоположный ему ответы на вопрос в известном смысле предполагают элементы гипотетичности, хотя, на первый взгляд, кажется: зачем гадать – что должно было свершиться, то уже произошло. А история, как известно сослагательного наклонения не терпит. Однако, «произошло», еще не значит, что было неизбежно, безальтернативно, абсолютно детерминировано.

Именно в таком ключе представляется наиболее оправданным подходить к рассмотрению версии (варианта) закономерности, неизбежности краха Союза ССР.

То, что страна находилась далеко не в лучшей ситуации, переживала полосу взаимосвязанных кризисных явлений, не вызывает сомнений. Но была ли пройдена точка невозврата? Думается, тут остается немало оснований для сомнений. В мировом опыте было много случаев, когда попадавшие в объективно гораздо более масштабные и глубинные кризисы социумы и государства не погибали, «выкарабкивались», преодолевали, казалось бы, несчетное количество трудностей и препятствий, находили скрытые до того резервы, способы для нормализации положения и последующего движения вперед.

На рубеже 80-х – 90-х гг. прошлого века судьба СССР в решающей степени зависела от субъективного фактора, точнее от настроения, поведения партийно-советского руководства. Судя по всему, оно оказалось не готово к сколько-нибудь серьезным испытаниям. Пасуя перед непростыми обстоятельствами, оно предпочло чуждые своему народу рецепты деятельности. А все более заводя ситуацию в тупик, оно проявило себя беспомощно, инертно, некомпетентно (об идеологическом влиянии внешних сил, бездумном восприятии вредных, разрушительных «сценариев» – отдельный, специальный разговор).

Свою немалую роль сыграли и общие неблагоприятные международные факторы, доведшие СССР в процессе военно-стратегического соревнования двух систем до значительного истощения ресурсов. Реакционные круги Запада, прежде всего США, умело воспользовались вялостью, ослабленностью, растерянностью деморализованных высших партийно-советских руководящих кругов.

Крайне негативно сказалось непростительно малое внимание, уделявшееся КПСС, интеллектуальной элитой страны вопросам теоретической деятельности, рациональным научным исследованиям в гуманитарной сфере. До недопустимо низкого уровня упала массовая воспитательная работа на основе собственных традиций и ценностей. Губительной деструкцией обернулась практика терпимого отношения и даже заигрывания с внутренними противниками социализма и единства союзного государства.

Согласно такой общей фабуле, финал, в общем-то, объясним, но все же вряд ли он был неотвратим.

Марк Д. Стейнберг (Университет Иллинойса в Урбана-Шампейн)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.1. Одна из моделей социализма.

В качестве предисловия ко всем своим ответам я хотел бы особо подчеркнуть тот факт, что «история» как наука сложна, изменчива, спорна и многогранна. Очевидными в истории Советской России и СССР являются значительные социально-экономические и политические различия между военным коммунизмом, нэпом, «великим переломом», 1930-ми годами, послевоенным периодом, правлением Н. С. Хрущева, периодом «застоя» и перестройкой (причём в каждый из этих периодов велись дискуссии о том, каким должен быть социалистический строй). Эти различия делают проблематичным обозначить существовавший социально-экономический и политический строй каким-либо определенным термином. Углубляясь в вопрос, мы должны также спросить, как эти периоды переживались различными социально-экономическими и политическими группами. Партийные элиты, руководители заводов, рабочие, колхозники, интеллигенты, художники, дети и т.д. «жили» в этом развивающемся социально-экономическом и политическом строе по-разному — в личном, интеллектуальном, идеологическом, эмоциональном планах. Такой «жизненный опыт» — это социально-экономическая и политическая категория, которой мы уделяем слишком мало аналитического внимания, в то время как она должна быть частью нашего определения любого социального порядка.

С точки зрения методологии *modus operandi* традиционной политической науки состоит в том, чтобы уменьшить переменные, сделать более «сильными» аргументы и сравнения, в то время как историки настаивают на множественности, нерегулярности, оспаривании и изменении. Тем не менее, я отвечу на вопрос более или менее прямо: советская система была социалистической. **Однако важно отметить, что в течение семидесяти с лишним лет в СССР существовали разные модели социализма, которые имели и разный потенциал развития.**

До 1918 г. не существовало никаких реальных социалистических обществ (за возможным исключением, как утверждали некоторые марксисты, недол-

говечной Парижской Коммуны 1871 г.), кроме облечённых в идеи на бумаге. Даже с учётом большого разнообразия теоретических представлений о том, как социализм должен выглядеть на практике, совершенно неудивительно, что советская социалистическая модель, принимая во внимание совершенно неподходящие материальные и демографические условия Российской империи для построения марксистского пролетарского социализма, была историей адаптации, экспериментов, споров и столкновений. Социализм как цель определял границы в дебатах российских коммунистов от «бухаринцев» до «троцкистов», а также установление новых политических практик от военного коммунизма и нэпа к сталинизму и далее. Это отнюдь не означает, что в эти годы большинство трудящихся или даже одни пролетарии обладали полной властью в определении своей судьбы или того, что экономическая политика была ориентирована на благо большинства – ключевого элемента любого социалистического общества. Многие недостатки и неудачи советского социализма можно объяснить множеством условий и обстоятельств – экономических, демографических, географических, глобальных, а также личными качествами политических деятелей. Таким образом, кто-то может сказать, что социализм никогда не был более чем целью советской власти. Но это стремление определяло границы как дебатов, так и политики в целом, и поэтому заслужило свое название.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.1. Да, другого, более перспективного варианта не было, потому что...

«Необходимость» – грубая категория для интерпретации исторических событий, которые не являются линейными и не регулируются законами. Мы не можем проводить научный эксперимент над прошлым, устанавливая «контрольные» события, для того чтобы сопоставить возможные альтернативы. Мы можем анализировать только выбранные пути и результаты. Но мы можем (или даже должны) признавать существование невыбранных путей, неизвестных результатов, неопределённостей, непредвиденных обстоятельств и возможностей.

Анализируя события 1917 г., современники видели много разумных альтернатив. Хотя сейчас мы не можем проверить практическую жизнеспособ-

ность этих альтернатив (разве что теоретически), были серьёзные люди, считавшие, что они предлагают более перспективный вариант, чем большевистская модель советской власти. Неужели мы действительно знаем об исторической возможности гораздо больше, чем современники, чтобы отвергать их убеждения как нереалистичные? Действительно, большинство людей в то время считало большевистскую модель нереалистичной и вполне обоснованно предсказывала катастрофу.

Кратко рассматривая один из вариантов, можем ли мы действительно заявить, что у эсеров, чья широкая социальная поддержка была очевидна на выборах в Учредительное собрание в конце ноября 1917 г., не было реальных шансов удержать власть и эффективно управлять или решить проблемы, с которыми столкнулась страна? Как и большевикам, им нужно было бы решать неотложные задачи: обеспечить запасы продовольствия, вывести Россию из европейской войны, восстановить экономику. И перед ними также бы стояли долгосрочные задачи, особенно связанные с преодолением неравенства, которое многие считали ужасной несправедливостью. Иными словами, среди ключевых аспектов «необходимости» в период после 1917 г., возможно, самым важным было откликнуться на стремление населения к миру, экономическому прогрессу на благо всех и большей социальной справедливости и равенству. Есть ли какие-то системные или идеологические основания для уверенности в том, что эсеры, возможно, в союзе с лояльными социал-демократами и левыми либералами, с их более широкой социальной базой и более широким демократическим подходом, были обречены на провал? Результаты исторических событий не являются свидетельством отсутствия исторических возможностей.

При этом, если смотреть более широко, не приравнивая советскую власть к большевистскому правлению и не позволяя результатам определять возможности, мы можем согласиться с тем, что другого, более перспективного варианта, чем «советская власть», не было. К осени 1917 г. и в последующие годы не было альтернативы советской власти, ни с точки зрения задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX в., ни в сознании большей части населения. Подавляющее большинство трудящихся не видело никакой альтернативы, кроме передачи государственной власти своим представителям в системе советов в масштабах всей империи. Социально-экономические трудности и разочарование, глубокое недоверие к буржуазии и вера в обеща-

ния «народной власти» сделали этот вариант единственно приемлемым. Но это всё ещё была расплывчатая и неопределённая модель. Даже сторонники большевиков были не уверены и разделились в вопросе о том, как должна выглядеть «советская власть» как социальная, экономическая и политическая система. В самом деле, немногие большевики могли предсказать, что она будет представлять собой даже в 1919 г., не говоря уже о 1921 г., 1930 г. или 1938 г. И различные применяемые на практике формы не исчерпывали иных возможностей ни в один из этих моментов.

Откровенно говоря, возникший в это время советский порядок не был катастрофичным. Даже в самых разных формах он эффективно решал многие ключевые проблемы, с которыми столкнулась Россия в первой половине XX в., но не без серьёзных оплошностей. Да, большевики положили конец участию России в разрушительной войне, проблему которой ни одна другая крупная партия не была готова решить столь определённо, но большевистская власть также привела к новой и столь же опустошительной Гражданской войне. Да, большевики нашли способ восстановить экономику до довоенного уровня к середине 1920-х гг., а затем создать экономический потенциал такого уровня, который мог бы выдержать новую мировую войну против высоко развитой и хорошо организованной европейской великой державы, но с огромными затратами, человеческими издержками, общей неэффективностью и расточительством. Да, советское коммунистическое правление улучшило материальный уровень жизни и общий культурный уровень населения, но также подавило творческий потенциал, плюрализм и политическую независимость (среди русских и тем более среди многих нерусских народов, которые были снова втянуты в империю). Не менее важно, чувствовали ли люди — в интеллектуальном, личном, эмоциональном плане — что это общество удовлетворяет их человеческие потребности? Могли ли другие сделать лучше? Мы знаем только, что были пути, которые не были опробованы.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.4. Иное.

Мой ответ является продолжением вышеизложенного, но сосредоточен на соперничестве внутри большевистской партии в 1920-х гг. Альтернативы предлагались отдельными лицами и группами, часто достаточно хорошо

осведомленными в ключевых вопросах экономики и общественного развития и не менее приверженными идеалам создания более процветающего и справедливого общества. В руководстве партии Н. И. Бухарин был одним из таких лидеров. Предложенный им умеренный путь экономического развития и социалистического строительства «через рыночные отношения», получивший широкую поддержку, подвергался всестороннему анализу. План индустриализации Л. Д. Троцкого посредством принудительного накопления может выглядеть как грядущий сталинский «Великий перелом», но с важными отличиями, выразившимися в критике растущего административного авторитаризма и бюрократизации, в том числе внутри правящей партии, а также твёрдом реализме, отвергавшем планы с абсурдными и иррациональными целями. Критический и более демократичный дух внутрипартийных групп, подобных «Рабочей оппозиции», которые считали, что именно они были истинным воплощением советской модели, все ещё сохранялся в партии и после 1921 г.

Несогласные утверждали, что наиболее реалистичным путем к социализму была большая децентрализация, сокращение бюрократии и ограничение авторитарных тенденций, а также опора на то, что «Рабочая оппозиция» называла «творческой инициативой и самостоятельностью» масс¹. В. И. Ленин, конечно же, определил это как часть советской модели, неоднократно утверждая, что партия должна пользоваться «могучим порывом подлинного народного творчества» и «внушить угнетённым и трудящимся доверие в свои силы»². Иногда он обращался непосредственно к советским людям, по крайней мере, к трудящимся, чтобы они не забывали: «что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмёте все дела государства в свои руки»³. Можно спорить о том, что имел в виду Ленин, и каковы были его истинные намерения, но нельзя игнорировать тот факт, что утверждение о том, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», восходящее к Манифесту Коммунистической партии, было принято как каноническое. Без него не было бы социализма – идеологического принципа, который позже пытались реализовать на практике Н. С. Хрущев и особенно М. С. Горбачев.

¹ Тезисы рабочей оппозиции // Правда. 1921. 25 января.

² Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Избранные произведения в четырех томах. Т. II. М., 1988. С. 399–406.

³ Ленин. К населению // Правда. 1917. 6 ноября.

Эти более демократические социалистические альтернативы – брошенные и забытые по множеству причин, хотя ни одна из них не делает их поражение исторически неизбежным – могут рассматриваться как попытки ответить анархистской критике социализма, которую марксисты воспринимали всерьёз, вспоминая положения самого К. Маркса и прежние дебаты с анархистами в XIX в. Марксисты и анархисты разделяли цель бесклассового и безгосударственного будущего. Но марксисты, например, как Ленин в своём труде «Государство и революция», настаивали на том, что для достижения этой цели условия социальной и политической жизни требуют периода насильственной «диктатуры». Но это принуждение было бы не только временным, частью переходного периода, но и иным в сравнении с принуждением всех других государств прошлого и настоящего, поскольку, по словам Ленина, оно будет основано на «демократии для гигантского большинства народа и подавлении силой, т. е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа»⁴.

Тем не менее, мы не можем легко отбросить критическую остроту анархистской критики и предупреждений, особенно учитывая опыт последующей истории. Критикуя К. Маркса, Михаил Бакунин был резок: «нет и не может быть хорошего, справедливого и добродетельного государства. Все государства плохи, в том смысле, что по своей природе, по своей сущности, всеми условиями и по высшей цели своего существования они противоположны человеческой свободе, нравственности и справедливости»⁵.

Он применил это к будущим социалистическим государствам: «Никакое государство, как бы демократичны ни были его формы, хотя бы самая красная политическая республика... не в силах дать народу того, что ему надо, т. е. вольной организации своих интересов снизу вверх». Даже социалистическое государство «в сущности своей не представляет ничего иного, как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и поэтому самого привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ»⁶. Таков был взгляд из 1873 г.

⁴ Ленин. Государство и революция // Избранные произведения в четырех томах. Т. II. С. 321–410.

⁵ Бакунин М. Четвертая речь (1868) // Речи и воззвания. СПб., 1906. С. 206–207.

⁶ Бакунин. «Государственность и анархия» (1873) // Избранные труды / ред. П.И. Талеров и А.А. Ширинянц. М., 2010. С. 486.

Размышляя об этих множественных возможностях и известных исторических результатах, о социальных структурах и жизненном опыте, можно было бы ответить на этот вопрос более мрачно: ни одна из альтернатив, от либерализма до сталинизма, вероятно, не была способной реализовать свои заявленные проекты построения демократического, открытого, справедливого, свободного и процветающего общества – учитывая социальные и экономические трудности в России и на границах бывшей Российской империи, и учитывая неизбежные тенденции государственной власти.

Конечно, по мере утраты советской системой своей жизнеспособности мало кто верил, что хоть какой-то вариант социализма сможет реализовать эти цели. Но люди прошлого тоже оценивали возможность по результатам. Нам, как исследователям прошлого, но также и гражданам настоящего и будущего, полезно не забывать, что история – это также история невыбранных путей.

Ц. Хасегава (Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, США)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.3. Иное.

Когда я был молод, на меня оказали глубокое влияние тексты Маркса. Марксизм содержит великие идеи, которые делают явными фундаментальные слабости капиталистической системы. Как критика существующей системы, будь это капитализм, колониализм, расизм, сексизм, марксизм является мощным оружием, и, таким образом, становится философским и идеологическим основанием для любых движений, оспаривающих существующий порядок вещей. Вскоре, однако, я перестал быть марксистом по двум причинам. Во-первых, и это важно, я осознал, что когда марксизм стал господствующей идеологией, исключаящей другие идеи, он создал ужасную систему. Марксизм, в целом, представляет собой редукционистскую идеологию, грубо упрощающую сложные механизмы и организмы государства и общества. Он отрицает и игнорирует важность роли государственного управления в государстве, сводя его к функции эксплуатации классов. Он отрицает верховенство закона как фиговый листок, скрывающий эксплуатацию классов. Во-вторых, вскоре я осознал, что марксизм не давал ответов на вопросы, которые заботили меня в молодости, например, о природе эмоций и любви.

Я бы хотел рассмотреть вопрос об экономической системе: капитализм против социализма. Решающий выбор в альтернативе между социализмом и капитализмом – это выбор между командной экономикой, в которой государство монополизировало все аспекты экономической деятельности и управляет ими, и рыночной экономикой, в которой экономическая деятельность направляется рынком. Очень часто любое вмешательство государства в рыночную экономику воспринимается как социализм. В определенном смысле, я рассматриваю различные модификации капитализма с различными видами государственного вмешательства как результат марксистской критики капитализма. У нас больше нет чистой экономики свободного рынка. Социал-демократия, практикуемая в скандинавских странах, и различные формы социального вмешательства, такие как здравоохранение, налоговая политика, функционируют на основе рыночной экономики. И, таким образом, несмотря на распространенную в Америке критику справа, я не считаю, что социал-демократия – это социализм в чистой форме.

Командная экономика – система, которая сменяет рыночную экономику. В этой системе государство может управлять экономикой, распределяя ресурсы более рационально, не завися от невидимых рук, которые управляют отношениями между спросом и предложением в рамках рынка. Экономика – сложный организм, в котором миллиарды факторов запутанным образом влияют на его функционирование. Когда я проходил курс по советской экономике в магистратуре, мы рассматривали, как работает упрощенная модель таблиц «затраты-выпуск». У нас было только дюжина отраслей. Например, если мы хотели увеличить выпуск тяжелой промышленности на 10 %, то соотношения «затраты-выпуск» должно было подстраиваться в других секторах, таких как электричество, легкая промышленность, сталь, уголь, строительство, транспорт и так далее? Мы поняли, что это было нерешаемой задачей даже с ограниченным количеством отраслей промышленности, а ведь его нужно умножать в сотни раз. Было невозможно рассчитать все детали, даже с помощью вычислительных устройств или даже компьютеров.

Это упражнение показало, что государство не может определять все аспекты экономической деятельности, а если попытается, то ряд последствий становятся неизбежными. Во-первых, по всем недочетам и проблемам, возникающим в результате планирования, необходимо принимать волевые ре-

шения. Цены на все товары (как и зарплаты) больше не управляются рыночным соотношением между предложением и спросом, но устанавливаются государством без всякого отношения к рыночной ситуации. Во-вторых, расчеты для планирования становятся такими сложными, разрастание планирующих органов становится необходимым. Результат – бюрократизация государства. В-третьих, прибыль перестает быть мотивацией для предприятий, они все теперь подчиняются министерствам, и выполнение показателей, диктуемых планирующими органами, в рамках ограниченных ресурсов, материальных и человеческих, становится самым главным фактором, определяющим деятельность предприятий. Так как ни один показатель, выраженный в каких-либо реальных величинах, установленных планирующими органами, не может учесть всю специфику продуктов, выпускаемых предприятием, такая система порождает множество абсурдных моментов. Например, если показатель производства рассчитывается по весу, то стекольное предприятие производит тяжелое стекло, но если показатель выражен в размере, то оно будет производить только тонкое стекло. Мотивация всех от министерства наверху до предприятия внизу, его директора и рабочих – выполнение показателя, а не получение прибыли как в рыночной экономике. Так что несуразность советских продуктов, таких как взрывающиеся телевизоры, уродливые галстуки, которые никто не хочет носить, туфли слишком большого размера, которые никто не может носить, является неизбежным последствием системы. Если рынок вынуждает предприятия активно включаться в производство, и ресурсы распределяются эффективно, то командная экономика распределяет ресурсы, исходя из интересов государства, и, так как выполнение показателя – главная и первостепенная задача, предприятие не волнует, как это достигается, и его не заботит эффективность. В-четвертых, так как командная экономика отменяет частную собственность, никого не волнует защита и обеспечение сохранности собственности. Всем владеет государство, следовательно, никто ничем не владеет. Проявления коррупции не случайный, но необходимый спутник этой системы. Толкачи – необходимый элемент для преодоления неизбежных препятствий. Более того, террор и принуждение также являются неизбежным последствием этой системы. Если производственный показатель не выполнен, государство не рассматривает это как сбой плана, но скорее как саботаж со стороны вредителей и врагов народа.

Таким образом, чтобы ответить на Ваш вопрос № 1, я бы заявил, что это была не модель социализма, если социал-демократия может рассматриваться как форма социализма, но скорее модель командной экономики.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.2. Нет, был более перспективный вариант. Он состоит в следующем...

Да, существовало некоторое количество альтернатив, которые привели бы Россию к либеральной демократии. Для этого было необходимо выполнить два условия: первое, устранить фундаментальный разрыв между верхами и низами, второе, устранить другой разрыв между государством и обществом. Первым упущенным шансом была революция 1905 года. Государство и общество могли примириться, если бы Николай II в 1906 году даровал реальную конституционную систему, основанную на Манифесте 17 октября. Сергей Витте и Петр Столыпин могли бы привести Россию к правовому государству и конституционной монархии, в которой единое правительство под руководством председателя совета министров координировало бы направления правительственной политики и с уважением относилось бы к законодательной ветви, Думе. Николай II был препятствием для примирения государства и общества. Последний шанс для примирения наступил в 1915 году, когда государство и общество могли бы быть мобилизованы ради национальной обороны, но как только Николай II занял должность главнокомандующего, несмотря на возражения не только либералов, но и большей части просвещенных бюрократов, Февральская революция стала неизбежной. Третий шанс представлял собой Временное правительство после Февральской революции. Для него было сложно выжить среди волн социального и политического брожения после Февральской революции, но *я не верю, что большевистская революция была неизбежной, закономерной, как говорили советские историки.* Существовало некоторое количество альтернативных путей, особенно возможность коалиционного правительства либералов и умеренных социалистов. Что если бы Керенский выступал только за оборонительную позицию, а не за Июньское наступление? Что если бы кадеты и либералы решили заключить мир с Германией? Даже накануне Октябрьской революции существовал шанс создать коалиционное правительство, как утверждает Даниель Орловский. Когда я раз-

мышляю о различных альтернативах, упущенных Россией, я возвращаюсь к взглядам и карьере Василия Маклакова и переосмысляю их. Жаль, что линия, которую отстаивал Маклаков и его друзья, была отвергнута.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.4. Иное.

На протяжении советского периода было два табу, которые не могли подвергаться сомнению со стороны большевистского режима. Первым была легитимность Октябрьской революции, вторым была однопартийная диктатура. Во-первых, нужно помнить, что курс Ленина на захват власти не был предметом безоговорочного консенсуса среди большевиков. Зиновьев и Каменев возражали, утверждая, что захват власти в тот момент приведет к ситуации, в которой большевики подчинят народ своей воле. Их аргументация оказалась верной, но к ним не прислушались. Но как только большевики взяли власть, легитимность Октябрьской революции стала догматом, который нельзя было ставить под сомнение. Во-вторых, сразу после захвата власти большевиками были большевистские лидеры, которые подвергали сомнению установление однопартийной диктатуры, и они даже уходили в отставку из Совета народных комиссаров. И опять же, над ними взяли верх, и в течение Гражданской войны была установлена однопартийная диктатура, и этот принцип стал еще одним догматом, который нельзя было подвергать сомнению. Я бы также добавил, что вместе с этими догматами зародился культ Ленина. Таким образом, к концу Гражданской войны Святая Троица коммунистического режима сложилась как идеологическое (я бы даже сказал, религиозное – потому что это был вопрос веры) основание. Я бы хотел добавить, что уникальность однопартийной диктатуры состояла не просто в том, что одна партия контролирует политический процесс, но, скорее, в том, что все государство и общество были подменены партией. Партия стала всезнающей и вездесущей. Следовательно, важно указать, что наряду с этими догматами как идеологической основой системы были разработаны институциональные гарантии, обеспечивавшие добросовестное соблюдение этих верований. Первой такой гарантией стала бюрократия коммунистической партии, и генеральный секретарь стоял на вершине этой бюрократической системы. Второй такой институциональной гарантией стала система политической полиции принуждения (ЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, КГБ).

Я не вижу, как кто-либо мог бы бросить вызов системе сталинизма, не подвергая эти догматы сомнению. Было невозможно создать альтернативную фракцию внутри партии, чтобы бороться с мощной коммунистической иерархией, контролировавшийся Сталиным и его сторонниками, и было абсолютно невозможно, что кто-либо мог отколоться от партии и основать альтернативную партию, чтобы конкурировать с коммунистической партией.

Я бы также добавил, что опыт Гражданской войны сыграл важную роль в формировании идеологических и институциональных основ коммунистической системы. Гражданская война также оказала решающее влияние на прививание психологических настроек коммунистическим кадрам. Ленинские лозунги, такие как «Кто кого?» и «Кто не с нами, тот против нас», подготовили путь к сталинским репрессиям 1930-х годов.

Представший перед контрольной комиссией партии Троцкий сказал: «Права она или нет, это наша партия. Нельзя быть правым вне партии. История не нашла другого пути установить диктатуру пролетариата». Бухарин высказывался в схожем духе. Поражение Троцкого и Бухарина было неизбежным, пока они не могли подвергать сомнению эти табу. В этом смысле, Ленина и Сталина связывала прямая линия.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

См. ответ далее

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Сталинский террор был обусловлен тремя факторами. Во-первых, необходимость форсированной индустриализации предполагала массовую эксплуатацию крестьян. Троцкий и левая оппозиция не предусматривали насилия против крестьян, однако идея Преображенского о «социалистическом первоначальном накоплении» предполагало насилие. Рано или поздно «социалистическое первоначальное накопление» пришлось бы к такому же заключению, что и сталинская коллективизация. И Преображенский, и Сталин объявили войну крестьянству. Во-вторых, командная экономика, навязанная Сталиным, не смогла бы функционировать без террора. Командная экономика была, по сути, неработающей системой, как я упоминал в ответе на первый вопрос, и все трудности, проблемы, промедления приходилось объяснять саботажем вреди-

телей и врагов народа, пока сама суть этой системы не подвергалась сомнению. Третье и самое главное — это роль идеологии. В любой переломный момент, с которым они сталкивались, они использовали марксистско-ленинскую идеологию как план действий, чтобы направлять свой выбор. Стремление навязать форсированную индустриализацию, война против крестьянства, использование террора против врагов народа — все это имело корни в марксистско-ленинской идеологии. Эта идеология отвергала нормы, лежащие в основе либеральной демократии, такие как верховенство закона, равенство и справедливость для всех (независимо от классовых различий), человеческое достоинство, уважение к человеческой жизни, честность и истина.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

В послесталинский период Советский Союз не мог продолжать сталинское экономическое развитие. Период «взлета» уже прошел, и для дальнейшего развития экономики Советский Союз больше не мог полагаться на сталинские методы террора. Отсюда вытекала необходимость десталинизации, и Хрущеву следует отдать должное за это. Тем не менее, он не пошел и не мог пойти дальше критики культа личности Сталина. Выход за рамки этого коснулся бы священности однопартийной диктатуры. Он не мог даже критиковать сталинскую коллективизацию, сталинскую чистку партии от «антипартийных» коммунистов, таких как Троцкий и Бухарин, внешнюю политику Сталина (например, аннексию стран Балтии и нацистско-советский пакт о ненападении). Он критиковал культ личности Сталина и настаивал на восстановлении ленинской традиции. Хрущев, возможно, был последним советским руководителем, который верил в марксизм-ленинизм как в идейную основу советской системы. Он не ставил под сомнение три пункта веры, о которых я говорил. Таким образом, хрущевские реформы продемонстрировали невозможность системного реформирования советского строя.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Следующий вопрос был важнейшим для Брежнева и Горбачева: возможно ли реформировать командную экономику, не осуществляя демонтаж коммунистической диктатуры? Мой ответ — нет. Самый большой успех Брежнева

заклучался в достижении паритета с Соединенными Штатами в гонке ядерных вооружений и приобретении статуса сверхдержавы в мировой политике. Но какой ценой? В армию были вложены национальные ресурсы за счет потребительского сектора и инвестиций в модернизацию экономики. Экономический рост этой сверхдержавы в 1970-е годы превзошли не только ее бывшие враги, Германия и Япония, но и четыре азиатских тигра (Сингапур, Гонконг, Тайвань и Южная Корея). Марксистско-ленинская идеология, поддерживаемая Советским Союзом, предписывала, что Советскому государству недостаточно только удовлетворять потребности своих граждан в пище, жилье и здоровье, что становилось сомнительным, но Советское государство также должно было продемонстрировать, что социализм был лучше капитализма. Отставание от четырех азиатских тигров наглядно демонстрировало даже советским гражданам, что их система ничем не лучше. Именно капиталистические государства обеспечили советских граждан синими джинсами, транзисторными радиоприемниками, нейлоновыми чулками и тампонами. Холодная война заключалась не только в гонке вооружений и геополитической конфронтации, но и в соревновании «модерности»: какая система подходила для модернизации промышленно отсталых стран? Те страны, которые придерживались советской модели, отставали, а страны, принявшие капитализм, взлетели. Экономическая конкуренция велась уже не в количественных показателях промышленного производства, а в передовых технологиях, таких как компьютеры, лазер, биохимия, где Советский Союз оказался далеко позади. Предыдущий эксперимент с реформой Косыгина закончился неудачей, поскольку стало ясно, что привить принципы рыночной экономики, такие как «прибыль», к командной экономике невозможно. После этого советская экономика, а если уж на то пошло, советское государство вступило в период застоя, характеризовавшийся распространением алкоголизма, ростом детской смертности и широко распространившейся коррупцией.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Стремления Горбачева преобразовать Советский Союз являлись смелыми попытками. Его попытка изменить командную экономику путем введения рыночной экономики потерпела неудачу по ряду причин, хотя она пошла дальше любых других предшествующих реформ. Он встретил сопротивление со стороны коммунистов-аппаратчиков, глубоко укоренившихся в структуре

командной экономики. Процесс реформ должен был быть осуществлен таким образом, чтобы эти аппаратчики смогли найти свой личный интерес в реформах. Горбачев и его соратники, к сожалению, этого не сделали. Я не верю, что какие-либо реформаторские меры такие как «шоковая терапия», предложенные западными экономистами, были бы работоспособными, и лучший сценарий был представлен Программой 500 дней, подготовленной Шаталиным, но Горбачев не реализовал эту программу.

Следует отдать должное Горбачеву, инициировавшему гласность. Это привело к более активному обсуждению прежде запрещенных вопросов. Но он не мог пойти настолько далеко, чтобы поставить под сомнение некоторые фундаментальные вопросы, не ставя под угрозу три существенных табу, о которых я упоминал ранее: легитимность Октябрьской революции, однопартийную диктатуру и культ Ленина.

Одной из угроз кампании гласности было стимулирование дебатов о национальностях. Национальный вопрос был одной из ахиллесовых пят Советского Союза. Эта угроза переросла в Нагорно-Карабахский вопрос между Арменией и Азербайджаном. Горбачев совершенно неверно оценил и решил эту проблему. Точно так же он неправильно подошел к проблеме грузинского национализма. Прежде всего, он сопротивлялся тому, чтобы пойти на уступки в связи с требованием автономии и, в конечном итоге, независимости стран Балтии. Он мог бы сократить расходы и принять независимость стран Балтии как оправдание для исправления сталинской внешней политики. Он застрял в балтийском вопросе и использовал Президентский совет не для необходимой экономической реформы, а для того, чтобы настаивать на советском присоединении прибалтийских республик.

Самый блестящий успех Горбачева был во внешней политике. Под знаменем «нового политического мышления» во внешней политике ему удалось изменить парадигму Холодной войны, заключив с США соглашение о РСМД, Договор СНВ, и тем самым уменьшить опасность ядерной войны. Особенно важным было то, что отказался от фундаментальных основ марксистско-ленинской доктрины, сделав акцент на «общечеловеческие ценности» вместо классового подхода к международной политике и отверг формулу Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики». И все же он потерпел неудачу в двух важных областях. Во-первых, он был слишком нетерпелив, продвигая свою новую политику «политического мышления» в

ущерб советским национальным интересам. В особенности это верно в отношении германского вопроса и его дел со странами Восточной Европы. Будучи слишком нетерпеливым в стремлении получить экономическую помощь Германии, он не стал торговаться с Западной Германией и США по вопросу о недопустимости расширения НАТО за пределы западногерманской границы. Что касается коммунистических режимов Восточной Европы, он мог бы вести переговоры о «финляндизации» коммунистических стран Восточной Европы. Еще один провал Горбачева произошел в Азии. Ему удалось наладить отношения с Китаем, и он правильно делал, держась подальше от внутренних дел Китая после инцидента на площади Тяньаньмэнь, но он сильно просчитался в советско-японских отношениях. Он мог бы пойти на существенные уступки по вопросу о северных территориях, когда еще пользовался авторитетом, но решить его стало невозможно, когда национальный вопрос стал серьезной проблемой, а его престиж резко упал¹.

В конце концов, отважные попытки Горбачева по преобразованию Советского Союза закончились неудачей. Горбачеву следует отдать должное за эти реформы. Но как утверждает Алексис де Токвиль: самый опасный момент для плохого правительства — это когда оно начинает проводить реформы. Переход от авторитарного государства к демократии — это опасный процесс. Я обсуждал этот вопрос в главе «Связь между политической реформой и экономической реформой при коммунистических режимах» в книге «Разбирая коммунизм»². Здесь я не могу вдаваться в детали своих аргументов. Достаточно будет сказать, что Горбачев допустил кардинальные ошибки в ходе проведения политической и экономической реформ. Я считаю, что в интересах людей бывшего Советского Союза, а также ради стабильности международной системы, границы Советского Союза (за исключением стран Балтии) должны были быть сохранены, поскольку это было поддержано на референдуме. Но вина за распад Советского Союза должна лежать на Ельцине, а не на Горбачева. Фактически, его отказ от должности главы исчезающего Советского Союза без попытки удержать его военной силой, был одним из звёздных моментов Горбачева.

¹ По этому поводу см. мою книгу: *The Northern Territories Question and Russo-Japanese Relations*, 2 vols, Barkley, 1998.

² *Dismantling Communism* / ed. Gilbert Rozman. Baltimore and London: Johns Hopkins Press, 1992): 59–117.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Часто утверждают, что индустриализация и модернизация, чего бы они не стоили, были одним из достижений Советского Союза. Я не согласен. Если бы либеральная демократия была установлена раньше, индустриализация прошла бы без огромных затрат. И все же то, что я больше всего ценю в истории России – ее культурное наследие, литературу, поэзию, фильмы, музыку, театр, балет – пережило эту ужасную историю 75 лет советского периода. И это благодаря тем, кто пытался оберегать наследие своих сокровищ, и это наследие, которое сохранилось в советский период, было гораздо более ценным и благородным по сравнению с дешевой пошлостью, которая последовала после распада Советского Союза. Поэтому я хотел бы отдать должное той героической и стойкой советской интеллигенции, которая несла этот светоч с дореволюционного периода и сохранила его в эти тяжелые годы.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Распад Советского Союза был неизбежен. Командная экономика и однопартийная диктатура устарели и не могли более поддерживать прогресс. И любые попытки трансформировать систему привели бы к распаду Советского Союза.

В. Ж. Цветков (МПГУ, Москва)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.3. Иное.

Прежде всего, следует помнить, что строительство социализма в Советском Союзе – уникальный пример. Никаких аналогов в социально-экономическом или социально-политическом контексте в мире не было до событий 1917 года. В. И. Ленин отмечал важность примера Парижской коммуны, но, при этом, считал его кратким и далеко не бесспорным опытом создания новой системы общественных отношений. В главном же – в создании экономического фундамента, системы политических отношений, идеологии – все приходилось делать без «оглядки» на кого-либо. Известен ленинский тезис о

том, что между государственно-монополистическим капитализмом (ГМК) и социализмом «промежуточных ступеней нет». Но здесь важно ленинское понимание возможности использования аппарата ГМК, постепенно заменяемого аппаратом рабоче-крестьянской власти. Принципиальное отличие – отсутствие частной собственности на средства производства.

История СССР – это история строительства социализма, единственного в своем роде. Со своими национальными, историческими особенностями, со своими просчетами и ошибками, со своими победами и достижениями.

2. Была ли «советская модель» (советский строй), необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.3. Иное.

Те проблемы, перед которыми оказалась Российская Империя в начале XX столетия, безусловно, требовали решения. Это и аграрный, и рабочий, и национальный «вопросы». Это и очевидное для многих несовершенство системы представительной «власти», слабость местного самоуправления. И, конечно же, проблема многоукладности, неравномерности развития регионов, недостаточный уровень образования. Но эти проблемы должна была бы решать любая власть, не только советская. Как известно, история не знает сослагательного наклонения, но отрицать наличие альтернатив «советской модели» нельзя. Была альтернатива П. А. Столыпина, была т. н. «белогвардейская альтернатива», была и «социал-демократическая альтернатива». Г. З. Иоффе очень точно персонифицировал эти альтернативы в названии своей монографии «Ленин, Керенский, Корнилов».

Но реализовываться стала именно «советская модель». И ее осуществление призвано было решить насущные проблемы отнюдь не «сверху», а благодаря активному «соучастию» самого общества. В целом, вектор развития нашей страны был связан с дальнейшим расширением общественной активности. И система самоуправления через посредство советов обладала значительным потенциалом. Иное дело, что эта система подчас подменялась административно-бюрократическим, аппаратным методом решения вопросов. Однако это не выражало изначальной сути «советской модели».

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.4. Иное.

Социально-экономическое развитие СССР, равно как и Российской Империи начала XX столетия, шло по пути индустриализации. Это было неизбежно, и оставаться в статусе аграрной страны означало оказаться «в хвосте» мировых тенденций. Поэтому я бы не противопоставлял НЭП индустриализации, а Бухарина Сталину. Бухарин отнюдь не отрицал необходимости развития промышленности. Разногласия заключались по двум, основным моментам: темпы индустриализации и источники финансирования. Принято считать, что Сталин не был искренним, когда в середине 1920-х гг. выступал против троцкистских установок на «свертывание НЭПа». Но следует помнить, что в этот период новая экономическая политика еще не реализовала свой потенциал роста. К тому же в конце 1920-х (после резкого обострения отношений с Англией, советско-китайского конфликта) на «повестку дня» встала проблема перевооружения армии, готовности СССР к потенциально возможной войне в Европе или в Азии. Учитывались и внутренние причины – «кризис хлебозаготовок», недостаток товарного зерна для экспорта, социальные проблемы в крупных городах и др. Поэтому курс на оперативное и максимально жесткое решение назревших вопросов стал представляться наиболее приемлемым в сложившейся обстановке.

Но можно ли было избежать издержек форсированного роста? По прошествии десятилетий легко судить, но очевидно, что многие из них оказались следствием объективных обстоятельств, в частности отсутствия необходимых технологий, низкой производственной культуры, неподготовленности кадров. Но и субъективные факторы надо учитывать. Например, упоминавшиеся неоднократно в работах руководящих партийных и хозяйственных деятелей «бюрократизм», «головотяпство», «приспособленчество», «штурмовщина». Эти забытые сейчас слова в те годы имели конкретное негативное содержание, относившееся к конкретным «партийным и советским работникам». Представлять 1920-е – 1930-е гг. в экономическом отношении как непрерывный и бурный рост – неправомерно.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Пороки были, как и любой системы, это нельзя забывать. Я бы остановился на одном, широко известном – репрессивной политике. Здесь речь должна идти не об отдельных репрессиях в отношении тех или иных лиц, а именно о репрессивной модели, как таковой. И в этом отношении весьма показательна так называемая «ежовщина». То есть система подавления, система борьбы с «врагами народа», с соответствующей идеологической поддержкой. Самое страшное в ней – стремление сотрудников низового аппарата к активизации поиска данных «врагов», как говорится «везде и всюду». При этом пренебрежение процессуальными вопросами, использование любых методов для «получения показаний», отсутствие понятия «защиты» у обвиняемых и т. д. И все это накладывалось на состояние постоянного страха и беспокойства, причем не только за себя, но и за своих близких, за всех с кем живешь и работаешь. Страх, на подсознательном уровне: что-то не так сказать, не так сделать, не о том, даже, подумать. Это психологически очень важно. Это сильно подавляет личность, личную, индивидуальную свободу, инициативу.

Но нельзя забывать, что сам Сталин осудил Ежова, хотя и запоздало. Предвоенный период политических репрессий сейчас иногда просто игнорируется. Тем не менее, принимая точку зрения об эффективном «уничтожении заговоров» в армии, нельзя объяснить, например, примеры генерала Власова и РОА.

Нельзя игнорировать и истоки подобного явления. На мой взгляд, «ежовщина» – прямое следствие раскола общества, противостояния периода Гражданской войны. И, с другой стороны, – низкой правовой культуры в обществе, чрезвычайно высокой, подчас, веры в «начальство», страха перед любым «вышестоящим».

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Безусловно, самая сильная сторона сталинской модели – ее мобилизационный потенциал. Ее способность к максимальной концентрации ресурсов и финансов на определенных направлениях. Это особенно ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны. Но это сформировалось и в годы Гражданской. Например, реализация идеи о создании структуры, способной объединить, скоординировать все ведущие направления работы в тылу – Совет

труда и обороны и аналогичный Государственный Комитет обороны. То есть готовность к конфликтам, готовность к тому, чтобы в любой момент противостоять врагу, с какой бы стороны он не появился. Сильный мобилизационный потенциал вполне оправдан в условиях войны, но он оказался востребованным и в предвоенный, и в послевоенный периоды.

Однако не следует думать, что он оправдан при любой экономической ситуации. Что только тотальное государственное планирование и распределение и жесткая административная модель всегда приводят к эффективным результатам. Нужно помнить, что и в годы первых пятилеток поощрялось движение рационализаторов и изобретателей, нельзя забывать и о принципах хозрасчета на предприятиях.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Положительно, в целом. Хотя были допущены серьезные ошибки, связанные с широко употреблявшимся в те годы словом «волюнтаризм» (прозвучавшем даже в комедии «Кавказская пленница»), были различные «аппаратные интриги», о чем сейчас хорошо известно. Нельзя не отметить негативного влияния проводимой политики в отношении Русской Православной Церкви. Нельзя забывать Новочеркасский расстрел. Но главное, очевидно, в другом.

О непосредственном развитии «сталинской модели» говорить, конечно, не приходится. Тем не менее, страна уже обладала индустриальной базой, мощным экономическим, научно-техническим потенциалом, который позволял развиваться дальше. По объему промышленного производства, по количеству модернизированных и построенных предприятий СССР опережал многие страны, и эти показатели были выше собственных показателей 1930-х годов. Конечно, немаловажный фактор политической жизни, – осуждение репрессий и реформирование системы партийно-хозяйственного управления. Здесь тоже были и очевидные издержки, и «перегибы». Однако, в целом, это показательно как стремление изменить порядок работы, соотношение «центра» и «регионов», что для нашей обширной страны всегда актуально.

Важно учесть не столько степень критики «культ личности» или масштабы реабилитаций. Важно, что на уровне высшего партийного руководства был создан прецедент критики, показан пример того, как можно переоценить,

переосмыслить собственные ошибки. При этом ни в коем случае не отказываться от «генеральной линии» – «построения коммунистического общества».

Гораздо заметнее стало ощущение свободы. Это не означало, что каждый второй стал «стилягой» или «диссидентом». Был именно «социальный оптимизм», была искренняя, неподдельная вера в то, что «на Марсе будут яблони цвести», и технический прогресс обеспечит прогресс социальный. Особенно это проявлялось среди молодежи, и социальная романтика тоже имела место. Обратите внимание на такой интересный факт: повесть Н. Носова «Незнайка в солнечном городе» была опубликована впервые не в журнале «Пионер» или «Мурзилка», а в «Юности» – молодежном журнале.

Нельзя не отметить и позитивных тенденций в улучшении демографических показателей, в решении жилищной проблемы. Но, пожалуй, еще один немаловажный результат политики Хрущева – провозглашение необходимости и возможности «мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем». Это, конечно, не исключило «Карибского кризиса» и испытаний ядерных «супербомб». Но само по себе ощущение того, что третья мировая война не является неизбежной и близкой – многое дало для повседневной жизни людей.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Главный плюс, на мой взгляд, – ощущение стабильности и уверенность в завтрашнем дне. Осознание того, что ты живешь в великой державе, осознание непрерывности советского периода истории. Развитие идеи патриотизма – «малой Родины», о чем так проникновенно пел М. Бернес. Еще один положительный момент – относительно пропорциональное развитие центра и регионов. Во всяком случае, к этому стремились и развитие экономики в форме территориально-производственных комплексов (ТПК) было вполне оправдано.

Что касается негативных моментов – недостаточная гибкость сложившейся системы и отсутствие перемен. Неверно суждение, что не было критики или критика велась исключительно диссидентами и «вражескими радиоголосами». Помимо поощрения критики, зафиксированного даже в Конституции, практически каждое официальное партийное постановление на $\frac{1}{4}$ примерно состояло из констатации успехов, а $\frac{3}{4}$ относилось к тому, что «недоработано», «не выполнено», «следует исправить» и т. д.

Проблема была в другом. По сути, уже существовал двойной стандарт: критика выслушивается, решение принимается, а «воз и ныне там». Особенно это было заметно в ряде союзных республик, в поведении местных элит. Большим недостатком было намеренное приукрашивание ситуации, недооценка трудностей. Об этом часто говорил, уже став Генеральным секретарем, Ю. В. Андропов. Недостаточно высока была производительность труда, низким было качество продукции, особенно в легкой промышленности. Недооценивались экономические факторы роста и переоценивались административные. Безусловно, нужно было поднимать дисциплину труда, но только ли путем «проработки» на собраниях рабочих коллективов? Подчас лишение премии или 13-й зарплаты становилось более эффективным.

Вообще, у нас еще мало исследований и работ (даже на уровне исторической публицистики) посвященных 1960-м – 1980-м гг. О Великой Отечественной войне, о 1920-х – 1930-х годах много написано. А вот ближайший к нам период советской истории исследуется недостаточно.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Позитивно, хотя мне трудно здесь быть объективным. Ведь это моя молодость. 1985–1987 годы – лучшие годы моей жизни в СССР. Это вера в новый этап социализма, в то, что нам, молодым предстоит строить, созидать, а не готовиться к возможной войне. Вдохновляли решения и XXVII и даже XXVIII съездов партии. Поэтому я подал заявление о вступлении в КПСС в 1990 г. Горькое разочарование наступило после августа 1991 г. и особенно после октября 1993 г., когда стало ясно, что уже ничего изменить невозможно и СССР не вернешь.

Плюсы «перестройки» – в осознании важности и нужности перемен. «Ветер перемен», который «будет добрым, ласковым», «Wind of changes» об этом пели и у нас, и на Западе. «Уставший палец сняли с курка», к чему призывала Алла Пугачева.

«Перестройка» была объективно необходима. Очень важным представлялось обращение к ленинскому опыту, к диалектическому осмыслению событий. Нас, студентов историков, интересовала реабилитация репрессированных, радовала возможность новых исследований. Как только открыли доступ в ЦГАОР СССР к эмигрантским фондам, я стал изучать Белое движение, хотя до этого думал, что стану изучать Владимиро-Суздальскую Русь.

Минусов – много. Любой переходный период сложен по своей сути, и тут без ошибок не обойтись. Но можно ли их считать намеренными? Можно ли, как это делают сейчас многие публицисты и политологи, обвинять Горбачева в намеренном искажении социализма, представлять его «агентом влияния»? Нет, наоборот. Его приход на пост Генерального секретаря на Западе вызвал серьезное беспокойство, поскольку появился «молодой коммунистический лидер».

К числу принципиально важных «минусов» я бы отнес переоценку степени политической культуры и степени готовности к конструктивному самоуправлению в советском обществе. Назревшие процессы «демократизации» оказались неуправляемыми. Трудно стало найти и обозначить грань, отделяющую конструктивную критику от намеренного противодействия власти, по принципу «чем хуже – тем лучше», от стремления сделать на этом быструю политическую или экономическую карьеру.

Существенной ошибкой стало поощрение экономической самостоятельности при отсутствии должного надзора. Запомнилось, например, недоумение, когда на 1-м съезде народных депутатов РСФСР объявили о ликвидации «народного контроля». В результате многие кооперативы, совместные предприятия вместо выполнения правильно сформулированной идеи насыщения рынка дешевыми и качественными товарами и услугами стали структурами, обслуживающими криминал.

И, конечно же, ошибки в отношении национальных элит, недооценка опасности национализма, сепаратизма. Стали привлекательны лозунги (глубоко порочные, по сути) о некоей ущербности развития той или иной собственной республики из-за «засилья центра». После этого результат был ожидаемый...

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Три наиболее важных успеха. Во-первых, сохранение единства страны, в условиях последующих за революцией и Гражданской войной. Во-вторых – значительный рост индустриальной составляющей экономики и значительный технологический рывок, развитие наук, в том числе и гуманитарных. Третье – решение насущных социальных проблем. Например, радикальное снижение младенческой смертности, всеобщая грамотность и другие.

Но можно выделить и три неудачи, ставшие как бы обратной стороной успехов. Во-первых, не удалось добиться сознания подлинного единства для

всех республик и для республиканских элит. Во-вторых, значительный приоритет, который получало развитие оборонной и топливно-энергетической, добывающей промышленности. В ущерб другим отраслям машиностроения и наукоемких технологий. Третий изъян – неспособность добиться прочного общественного согласия в отношении тех социальных приоритетов, о которых шла речь выше. То есть заметная разница в статусе социальных благ при провозглашаемом условном «равенстве». И я бы еще добавил слабость не столько идеологической, сколько воспитательной работы. Не пропаганды и агитации (здесь недостатка не было), а именно продуманной, ориентированной на разные возрастные группы, разные социальные страты идейно-воспитательной работы.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Ни в коем случае крах СССР не был закономерен. Существование союза республик, союза государств не на унитарной основе, а на основе общих интересов и ценностей, было объективно необходимо и оправданно. Отмечу, кстати, что представители русских эмигрантских организаций, таких, например, как РОВС или НТС, выступали против распада Союза. Считалось, что смена власти или смена правящей элиты не должна означать распада единого геополитического пространства.

Нужно понять, что в виде СССР (и даже шире, в формате «социалистического содружества») мы имели объединение, в развитие которого каждая республика и каждая страна вносила свой вклад. «Социалистическое содружество», СССР – это и Эстония, и Польша, и Грузия, и Чехословакия, и Украина, и Литва, и Вьетнам, и Куба. Это все вместе союзные республики и все вместе страны члены СЭВ и Варшавского договора. У каждой из них был свой вклад в общесоюзное дело. У кого-то больший, у кого-то меньший. Но это не повод для того, чтобы считать свою республику или страну «донором» или наоборот «потребителем».

Сейчас, к сожалению, нередко воспоминания о «советском прошлом» представляются в форме некоей, простите за выражение, «ностальгии по молочным сыркам». Но СССР и страны «социалистического содружества», это не пионерские галстуки или автомобили ГАЗ-21, не мультфильм «Ну, погоди» или песни Муслима Магомаева, не Олимпиада-80 или плакаты «Слава

КПСС». Это экономическое, политическое и идеологическое единство. Недостаточно прочное, как показали события, но потенциально готовое к развитию. Это аналог многим современным геополитическим союзам и даже больше.

Но я верю, что разделение предшествует объединению. Рано или поздно новое объединение неизбежно состоится...

В. В. Шелохаев (ИРИ РАН, Москва)

1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.3. Иное.

Чтобы дать правильный ответ на этот вопрос, следует исходить из понимания основного замысла, который вкладывали в него идеологи и политики, принимавшие решение, после свержения Временного правительства, о создании нового общества. Дело в том, что после победы Февральской революции 1917 г. в России началось формирование нового демократического режима, контуры которого были прорисованы либеральными теоретиками и поддержаны всеми составами Временного правительства, включая коалиционные, в которые входили и представители неонароднических политических партий, и умеренного крыла российской социал-демократии. Суть планируемой и частично, буквально с колес, реализуемой модели сводилась к формированию в России гражданского общества и правового государства, созданию демократических институтов и структур, принятию комплекса мер, направленных на демократизацию отношений между трудом и капиталом, на постепенное «разматывание клубка» аграрных, межнациональных и межконфессиональных противоречий. Фактически это был прообраз демократического капитализма с элементами «государственного социализма», появление которых было обусловлено продолжающейся Первой мировой войной.

Разработчиком альтернативной модели перехода России из одного качества в другое был В. И. Ленин. Начиная с апрельских тезисов и цикла его последующих работ, написанных до Октября 1917 г., им был смоделирован проект, органически соединяющий в себе элементы демократического капитализма и «государственного социализма» (национализация банков, синдикатов, рабочий контроль за производством и распределением продуктов, все-

общая трудовая повинность), которые в своей совокупности должны были способствовать подведению России к радикальной социальной революции, рассматриваемой в контексте мировой пролетарской революции. Разрабатывая план такого перехода от одного состояния общества к другому, более качественному состоянию, В. И. Ленин отдавал себе отчет в том, что в России еще не сложилась совокупность материально-технических предпосылок для перехода к социализму. Их он рассчитывал компенсировать посредством интернациональной поддержки мировой пролетарской революции, которая, как предполагалось, должна одновременно, или с небольшим интервалом, начаться в развитых западноевропейских странах. Вместе с тем, учитывая предельно обостренную политическую обстановку в России, он считал возможным все же пойти на определенный риск, начав пролетарскую социальную революцию в отсталой, по сравнению другими передовыми государствами, стране, где в связи с невзгодами Первой мировой войны и нарастающей неудовлетворенностью широких масс политикой Временного правительства, скопилась, образно говоря, «критическая масса» горючего материала для глобального социального взрыва. По аналогии с К. Марксом и Ф. Энгельсом, допускавшими возможность начала социальной революции в отсталой крестьянской стране, где, однако, имелась в наличии небольшая, но организованная и бесстрашная группа народовольцев, которая могла бы стать «искрой», способной зажечь пламя мировой социальной революции. К октябрю 1917 г. в распоряжении большевиков уже имелась партия, численность которой за короткий срок увеличилась в 10 раз, партия, которая имела прочные связи в армии и на флоте, Советах рабочих и солдатских депутатов, в профсоюзах и других производственных и общественных организациях, партия, к лозунгам которой стали прислушиваться и выражать готовность их поддерживать не только путем избирательного бюллетеня, но и силой оружия. Учитывая все эти обстоятельства, Ленин, как опытный политик, решил пойти на риск радикального социального переворота и, в случае его удачи, во-первых, предложить начать немедленно переговоры о мире, подтолкнуть мировой пролетариат к началу социальной революции в собственных странах. В случае же победы революции в России Ленин готов был пойти, не дожидаясь мировой пролетарской революции, на глобальный эксперимент приступа к построению социализма в России. В этой логике Россия и должна была стать своеобразным маяком для мирового пролетарского движения и той части мировой социал-демократии,

которая во время Первой мировой войны не изменила принципам интернационализма и выражала готовность создать новый, коммунистический интернационал. Следует также учитывать, что головокружительный и почти бескровный захват политической власти в Петрограде и стремительный процесс ее перехода в руки большевиков, прежде всего, в центрально-промышленных регионах России в значительной степени подтолкнули Ленина к тому, чтобы пойти на разгон Учредительного собрания. То, что большевикам с такой неожиданной легкостью удалось взять в свои руки политическую власть, по всей видимости, подтолкнуло Ленина к мысли, что, имея властные рычаги, большевикам будет по плечу и решение социально-экономических проблем.

В прежнюю продуманную им модель общественного устройства он внес определенные коррективы, урезавшие сферу применения госкапиталистических элементов в пользу собственно социалистических, что до предела сузило поле частнособственнических отношений. По сути, это уже была собственно социалистическая модель, что позволяет утверждать, что В. И. Ленин имел намерение приступить к построению в России нового социалистического общества. Более того, ситуация, сложившаяся в стране в условиях начавшейся Гражданской войны, когда власть большевиков оказалась под угрозой, Ленин внес в свою модель, реализация которой была рассчитана на относительно мирный период развития событий и на начало мировой пролетарской социалистической революции, очередные изменения в виде чрезвычайных мер, названных политикой «военного коммунизма». А это фактически означало попытку сочетания элементов социализма и коммунизма. Конечно, если встать на позицию «здравого смысла» и начать оценивать события того периода с вышки сегодняшних дней, то ленинская модель выглядит утопической. Однако примем во внимание экспериментальный тип мышления Ленина, его готовность идти на риск, руководствуясь формулой Наполеона: «Сначала нужно ввязаться в серьезный бой, а там будет видно». Предложенная им политика «военного коммунизма» вполне укладывается в эту логику и соответствует взрывному темпераменту вождя мирового пролетариата начала XX в.

2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.3. Иное.

Если следовать логике исторического развития в европейских странах, то ответ может быть однозначным: начатый в России социалистический эксперимент был весьма рискованным, ибо она еще не успела пройти цикла буржуазно-демократических преобразований. Однако российская интеллигентная элита, как в прошлом, так и сейчас, уже не раз демонстрировала желание совершить «скачок» в неведомое будущее. Несмотря на предупреждение опытного российского политика Г. В. Плеханова, заявившего в 1917 г. о неготовности России к социалистической революции, ибо в ней еще не созрели необходимые для нее материальные предпосылки, Ленин решил рискнуть и призвал к социалистической революции. При этом он отдавал себе отчет, что Россия еще не прошла цикл своей демократической революции. По его собственной оценке, Февральская революция была революцией буржуазной, хотя и зашедшей несколько дальше западноевропейских аналогов. Однако он полагал, что в России, в отличие от ранних буржуазных западноевропейских революций, имеется огромной силы субъективный фактор в лице большевистской партии, мощный потенциал стихийного массового движения, стремление большинства народа изменить свое положение и поэтому следует воспользоваться уникально сложившейся ситуацией и совершить социальный переворот. Установление диктатуры пролетариата позволило бы, по его мнению, одним махом «вытащить» страну из вековой отсталости. При этом, разумеется, Ленин делал ставку не только на революционную диктатуру пролетариата и его авангард — в лице партии большевиков, но и на страстное желание большинства народа коренным образом изменить свою судьбу. Ленин, как, впрочем, и Л. Д. Троцкий, взявший в свои руки организацию сил революции, считал, что было бы непростительно не воспользоваться «стечением» обстоятельств и не попытаться захватить власть, учитывая неэффективность Временного правительства и его неспособность радикально решить назревшие проблемы. Глава этого правительства А. Ф. Керенский, как и лидеры Совета рабочих и солдатских депутатов, умели красиво говорить, но не имели достаточного мужества жестко действовать. Яркий пример тому «игры» Керенского и генерала Корнилова, а также весьма недостойное поведение главы Временного правительства в период формирования третьей правительственной коалиции. Непродуктивными были и действия (причем, во всех сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения) Совета рабочих и солдатских депутатов, возглавляемого представителями умеренного крыла неона-

роднических и социал-демократических партий. Не случайно требование большевиков установить, по примеру якобинцев, жесткую революционную диктатуру в стране и использовать ее методы для наведения «законности и порядка» положительно воспринимались большинством народа.

Взяв в свои руки власть, которая, образно говоря, «без присмотра» «валялась» на улице, большевики уже не собирались ее отдавать, введя в стране революционную диктатуру. Сразу же после заключения «похабного», по словам Ленина, сепаратного мира с Германией, большевики, разорвав со своими «друзьями слева» (эсерами и меньшевиками-интернационалистами и анархистами), стали управлять страной, используя опыт французских якобинцев. В условиях братоубийственной и кровавой Гражданской войны большевикам ничего не оставалось, как двойной тягой доделывать то, что в свое время, за длительный исторический период проделали западноевропейские демократические революции, и одновременно приступить к практической реализации провозглашенной ими программы социалистических преобразований.

В условиях Гражданской войны большевистский режим мог опираться лишь на чрезвычайные меры, иного варианта в их распоряжении просто не было. Поэтому речь должна идти не о своевременности или несвоевременности большевистской модели, а о способности новой власти к выживанию в экстремальных условиях братоубийственной кровавой бани. Большевики не были бы большевиками, если бы стали ждать, когда в России сформируются объективные предпосылки для социализма, что уже само по себе значило «прошляпить» редчайший исторический момент, когда субъективный фактор (нетерпеливое ожидание большинством радикальных перемен) «созрел» гораздо раньше, чем материальные предпосылки. Ожидание созревания совокупности материальных факторов для социальной пролетарской революции было уделом западноевропейских социал-реформистов, мечтавших о мирном «врастании» капитализма в социализм. Как известно, Ленин не только критически, но и с презрением относился к проповедникам такого рода концепций, считая их прислужниками буржуазии. Недаром он призывал к разрыву со II Интернационалом и немедленному приступу к созданию нового Коммунистического Интернационала. У Ленина не было сомнений в том, что большевики должны немедленно воспользоваться благоприятной ситуацией и, свергнув Временное правительство, установить диктатуру пролетариата и так же немедленно приступить к построению в России нового общественно-

политического строя. Обсуждать постфактум вопрос – нужно или не нужно было это делать – затея совершенно бесперспективная. Задача исследователя состоит в том, чтобы оценить случившийся факт, раскрыть причины, к нему приведшие, а не строить те или иные догадки о его необходимости или случайности. Как известно, в эмигрантской, советской, зарубежной, современной историографии существовало, существует и еще будет выдвинуто немало новых интерпретаций событий октября 1917 г. и последующих за ним периодов советской истории. Но проясняют ли эти интерпретации вопрос о необходимости или случайности октября 1917 г., о соответствии или несоответствии ленинской, бухаринской, сталинской моделей социализма коренным интересам России? Однозначного вопроса на этот вопрос так и не будет дано. Все зависит от субъективной позиции того или иного автора. История – дама непредсказуемая. Еще никому не удалось понять ее замысла. Поэтому, отвечая на поставленный вопрос, я попытался объяснить причины принятых Лениным и его единомышленниками решений осуществить социальный переворот и установить революционную диктатуру в октябре 1917 г., а также приступить, используя якобинские методы, к реализации модели построения нового общественно-политического строя.

3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.4. Иное.

Выше я уже упоминал, что Ленин был опытным политиком, способным поменять, если потребуется, тактику в двадцать четыре часа. Победа большевиков в Гражданской войне, казалось, должна была убедить их в том, что революционная диктатура способна выполнить невозможное. Однако Ленин, особенно после подавления Кронштадтского мятежа и Тамбовского крестьянского восстания, образно говоря, кожей почувствовал, что продолжение чрезвычайной политики «военного коммунизма» чревато для большевиков смертельной опасностью. Одно дело было воевать с «белой костью», а совсем другое дело иметь дело с массовым протестом в крестьянской среде. Поэтому смена политического курса большевистской партии была predetermined, несмотря на критику в адрес Ленина со стороны «левых коммунистов» типа Н. И. Бухарина.

Еще в период Первой мировой войны в ряде статей в журнале «Коммунист», издававшемся в США, Бухарин, тогда еще сравнительно молодой большевик, призывал к тому, чтобы после социалистической революции всей пролетарской мощью навалиться на крестьянство и раздавить его. Ленин тогда выступил с критикой в адрес членов редакции журнала «Коммунист», включая и Бухарина. Его раздражали их ультрареволюционные суждения по целому спектру вопросов марксистской теории, их оценки общественных и классовых сил на демократическом и социалистическом этапах революции. Таким образом, инициатором смены политики «военного коммунизма» на новую экономическую политику (НЭП), был не Бухарин, а сам Ленин.

В НЭПе было заложено определенное рациональное зерно. Отказ от чрезвычайных мер, замена насильственного продуктообмена товарно-денежными отношениями, которые предполагалось развивать под строгим контролем той же революционной пролетарской диктатуры. Предложенная Лениным альтернатива была столь неожиданна для большинства коммунистов, что сразу же вызвала бурную и довольно жесткую дискуссию, которая нередко оканчивалась потасовкой и рукоприкладством. С одной стороны, продолжение политики «военного коммунизма» после Гражданской войны создавало вполне реальную угрозу экономического коллапса. С другой стороны, новая экономическая политика, способствуя восстановлению товарно-денежных отношений, грозила в перспективе не меньшей бедой – подтачиванием устойчивости диктатуры пролетариата и размыванием монолитности большевистской партии. Если внимательно вчитаться в ленинское наследие данного периода, то становится очевидным, насколько непросто давалось самому Ленину принятие решения о смене политического курса. Анализируя сложившуюся в стране ситуацию, учитывая наличие в партии различных точек зрения и суждений, размышляя о возможности своего скорого ухода из жизни и перебирая, в связи с этим возможные кандидатуры на пост партийного лидера, Ленин все же решился пойти на замену политики «военного коммунизма» НЭПом. При этом он не раз подчеркивал, что смена экономического курса ни в коей мере не означает смены политического курса, что сама природа пролетарской власти – диктатуры пролетариата, останется неизменной. По мнению Ленина, только наличие пролетарской диктатуры и сохранение власти большевистской партии позволит блокировать попытки реставрации капитализма.

Как известно, новая экономическая политика была позитивно воспринята представителями демократических кругов русской эмиграции, членами меньшевистской и эсеровской партий, оставшимися в самой России, а также политическими кругами западноевропейских стран.

Принимая это непростое решение, Ленин рассчитывал, что при сохранении диктатуры пролетариата удастся блокировать неизбежное разрастание мелкобуржуазной стихии, которая, как известно, была питательной средой для реставрационных тенденций. На идеологическом уровне эти тенденции сразу же проявились не только в эмиграции (милюковский «новый курс», «сменовеховство»), среди меньшевиков и эсеров, но даже и среди большевиков. Подобные нежелательные последствия в сфере политики и идеологии Ленин предвидел и опасался. Амбивалентность ситуации предполагала и разные возможности ее разрешения: если партия оказалась бы способной, сохранив единство своих рядов, осуществлять контроль над мелкобуржуазной стихией, то НЭП мог быть продолжен; если бы партия ощутила реальную опасность от разрастающейся мелкобуржуазной стихии, то НЭП следовало немедленно свернуть. Поэтому считать, что Ленин решил ввести НЭП всерьез и надолго весьма проблематично. Смерть помешала Ленину сделать окончательный выбор. Эта роль выпала на долю Сталина.

Если авторитет Ленина был непререкаем, то Сталину пришлось столкнуться с мощным противодействием внутри партии со стороны представителей правого и левого уклона, так же считавшими себя верными продолжателями дела Ленина. При этом явно обозначились реставрационные тенденции в сфере экономики, набирала силу мелкобуржуазная стихия, что, так или иначе, провоцировало борьбу в центральном партийном руководстве, а это уже грозило утратой политической власти. Сталин пришел к выводу, что дискуссии в партии, рано или поздно, приведут к ослаблению ее единства, и, в конечном счете, к утрате ею политической власти. Уже при жизни Ленина, стало очевидно, что продолжение политики НЭПа ведет к перерождению большевистской партии, а как следствие — ставит под угрозу и пролетарскую диктатуру. Именно поэтому Сталин принял решение свернуть нэп и начать реализовывать иную - мобилизационную модель преобразования страны.

4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Возвращение к мерам мобилизационного характера позволило, худобно, сконцентрировать материальные ресурсы страны для создания относительно мощного военно-оборонительного комплекса, что было предельно важно в условиях обострения международной обстановки. Плановый мобилизационный тип организации и ведения экономики мыслился как более рациональный и эффективный, способный в кратчайшие исторические сроки преодолеть отсталость страны, сосредоточить силы и ресурсы на решении не только текущих, но и стратегически важных задач. При этом нельзя сбрасывать со счетов и тот непреложный факт, что построение социализма в одной стране в сжатые временные рамки должно было продемонстрировать всему миру преимущества социалистического метода организации и введения хозяйства, а, следовательно, сделать его привлекательным для мирового пролетариата, международного коммунистического движения, для трудящихся капиталистических стран. И надо сказать, что СССР в краткий срок добился существенных успехов.

Плановая экономика находилась под прямым и непосредственным контролем не только партийных, но и карательных органов диктатуры пролетариата. При быстрых темпах развития мобилизационный тип организации и ведения народного хозяйства не был свободен от определенных издержек и просчетов. С одной стороны, они были неизбежны для первопроходцев, решившихся в одиночку прокладывать путь для всего прогрессивного человечества в неведомое общественно-политическое и социокультурное пространство — социализм. С другой стороны, они объяснялись отсутствием профессионального опыта у рабочих, и управленческих кадров, что приводило к срывам на производстве. Однако нередко были случаи, когда кадровые и технические просчеты расценивались карательными органами как вредительство, а обвиненные в нем отправлялись в места не столь отдаленные и даже подлежали расстрелу. Точно так же неполадки в новой колхозной жизни и практике расценивались как вредительские, и виновные так же подлежали расправе. Жесткая идейная борьба шла и в идеологической и культурной сферах, где карательные органы обнаруживали вредителей. Достаточно вспомнить о некоторых терминах сталинского периода — «фронт» (производственный, колхозный, идеологический и проч.), «враги народа». Второй тер-

мин большевики переняли у французских жирондистов, а первый – автоматически перекочевал в мирную жизнь с фронтов Гражданской войны.

5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

При ответе на данный непростой вопрос следует учитывать совокупность причин объективного и субъективного порядка, переплетающихся друг с другом, а также ту «точку отсчета», которая должна была стать отправной, или методологической. Придя после смерти Ленина к власти, Сталин, вспоминая предсмертную фразу Николая I, сказанную своему наследнику Александру II, принял страну «не в порядке», истерзанную и разоренную Гражданской войной, оказавшуюся в кольце весьма недружелюбного мирового сообщества. Для перевода страны из «непорядка» в «порядок» требовались чрезвычайные мобилизационные меры, которые всегда амбивалентны. С одной стороны, они позволяют достичь в короткие исторические сроки огромных результатов, а с другой – чреваты большими издержками. Сталинская экспериментальная модель построения социализма в одной стране носила именно мобилизационный характер, ибо пытаться начать реализовывать иную модель означало для Сталина отказаться от марксистско-ленинского миропонимания, мировоззрения и мироощущения и, следовательно, перестать быть ортодоксальным приверженцем теории и практики марксизма-ленинизма, что было для него немыслимо.

Исследователь или простой обыватель, решая произвести «инвентаризацию» сталинского наследия, оценить его роль в истории должен, прежде всего, решить для себя, какую «точку отсчета» он собирается избрать. Если отталкиваться от того состояния, в котором Сталин принял страну, и сравнить его с тем состоянием, в котором он ее оставил потомкам, то результаты, как говорится, видны невооруженным глазом. Если смотреть через призму сталинского Гулага и статистических подсчетов сталинских репрессий, то картина, разумеется, будет иной. Исследователь, стремящийся дать объективную оценку историческим процессам и историческим личностям, должен сделать собственный выбор, который определяется, среди прочего, и его личностными характеристиками, приверженностью тем или иным национальным традициям, а также свойственными ему поведенческими нормами.

Было бы весьма наивно считать, что сталинская модель порождена исключительно его мировоззренческими пристрастиями и личностными чертами характера. Для достижения позитивных экономических результатов требовалось осуществление системы мер мобилизационного характера. Для достижения партийного единства потребовалось ликвидировать правый и левый уклоны в партии, применяя при этом репрессивные методы. И ту и другую задачу Сталину решить удалось, хотя при этом имели место весьма и весьма значительные материальные и человеческие потери. Единственным верным и непреложным критерием при определении плюсов и минусов сталинской модели социализма стала победа советского народа в Великой Отечественной войне, хотя, как известно, советскому многонациональному народу пришлось заплатить огромную цену.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

Эта эпоха мне хорошо памятна, о чем я поведал в своих воспоминаниях.

Разоблачив на XX съезде партии культ личности Сталина, своего бывшего кумира, которому был обязан своей карьерой, политику которого он всемерно поддерживал, принимая, в частности, личное участие в проведении массовых репрессий, Хрущев, придя к власти, шаг за шагом вылепливал свой собственный культ. Правда, если Сталин был, бесспорно, незаурядной личностью, то Хрущев выдающимися способностями не обладал. Что же касается ответа на вопрос: была ли у Хрущева собственная модель социализма, то следует учитывать ряд обстоятельств.

Неизменно подчеркивая приверженность идеям марксизма-ленинизма, намечая в новой программе, принятой на XXII съезде КПСС, маршрут дальнейшей трансформации социалистического общества в коммунистическое, Хрущев постоянно подчеркивал, что, несмотря на культ личности Сталина, природа социализма в СССР осталась прежней, что достаточно ее «очистить» от сталинских перегибов, и она сыграет свою позитивную роль на пути перехода от социализма к коммунизму. «Новое слово» Хрущева состояло в выдвижении некоей утопической модели построения коммунизма, правда, на сей раз на базе созданного Сталиным социалистического лагеря и его резерва — национально-освободительного движения в колониальных и зависимых

странах. Если попытаться осмыслить всю цепочку теоретических постулатов, являвшихся идеологическим каркасом новой партийной программы построения коммунистического общества, то она в принципе основана на той же марксистско-ленинско-сталинской концепции общественного развития. Хрущев, по сути, предлагал совершить очередной «скачок» в неведомую историческую перспективу. Отсюда проистекали все его последующие «зигзаги» и «шараханья» из стороны в сторону в самых различных сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения: перестройка и перекройка системы управления промышленностью и сельским хозяйством, наукой и техникой, средней и высшей школой, культурой и искусством.

Однако все хрущевские мероприятия ни на йоту не изменили главного — мобилизационного принципа и характера общественно-политического развития в СССР и других странах социалистического лагеря. Кроме того, бесконечные перестановки («снизу доверху») партийного аппарата, преждевременные попытки «обобществления» и «слияния» города с деревней, явное недоверие к проявлениям личной инициативы (все виды кустарных промыслов, личного подсобного хозяйства подвергались непродуманному налогообложению), преследование инакомыслящих, волюнтаризм в области международных отношений и т. д. раздражающее действовали на все страты советского общества. По сути, Хрущеву так не удалось ни изменить тип мобилизационного развития страны, ни завоевать авторитет в широких общественных кругах.

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Следует понять, что все политические деятели советской эпохи клялись быть верными учению Ленина, как, впрочем, и Ленин клялся в верности ортодоксальным марксистским принципам. Поэтому корень всех причин и следствий следует искать в исходных мировидческих, мировоззренческих, и мироощущенческих принципах учения марксизма-ленинизма, которое было объявлено вечно живущим, расцветающим и развивающимся. Следует раз и навсегда признать, что все учения являются отражением конкретной исторической эпохи и действовать они могут в пределах данной эпохи. Ленин, руководствуясь тактическими соображениями, имел политическую волю и смелость вносить необходимые коррективы в политический курс партии. В определенной степени это умел делать и Сталин. Однако их преемники, не обладавшие интеллектуальным потенциалом такого уровня, ограничивались

клятвенными заверениями относительно верности марксистско-ленинскому учению. К моменту прихода к политической власти Л. И. Брежнева интеллектуальный ресурс партии был исчерпан, а спичрайтеры, готовившие к партийным съездам доклады для политических лидеров, лихорадочно подыскивали «свежие» цитатки из все тех же трудов классиков марксизма-ленинизма, хотя сами труды уже не соответствовали новым историческим реалиям. Главный герой книги М. А. Булгакова профессор Преображенский верно подметил, что разруха начинается с головы. Несоответствие теории марксизма-ленинизма новому состоянию исторической эпохи, особенно после Второй мировой войны, объясняет трагедийность положения всех тех политиков, которые так и не решились «отряхнуть прах со своих ног» и, цепляясь за «обветшалые» идеологические одежды, медленно затягивали в «трясину» собственные народы и страны. Ситуация, переживаемая в брежневскую эпоху, оказалась тем последним рубежом, который свидетельствовал об исторической неэффективности любых попыток «воскресить» отошедшие в далекое историческое прошлое марксистско-ленинские идеи, а также непродуктивности любых мер, направленных на исправление мобилизационного типа исторического развития, избранного в 1917 году. Тупик в области теории с логической неизбежностью привел к тупиковым ситуациям как в социально-экономической, так и в общественно-политической сфере. Для осмысления тенденций современного этапа общемирового исторического развития требовалась творческая(ие) личность(ти) особого интеллектуального масштаба. К сожалению, такой личностью Брежнев не был. Он это и сам признавал. И это было определяющим. Поэтому взвешивать на весах плюсы и минусы осуществляемого им политического курса – задача бесперспективная.

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

М. С. Горбачев, оказавшись по воле случая во главе СССР, бесславно завершил цикл попыток своих предшественников («верных ленинцев») реанимировать ленинские и бухаринские идеи периода НЭПа. Им был провозглашен странный для «марксиста-ленинца» лозунг – «назад к Ленину». Обычно классики марксизма-ленинизма предпочитали смотреть вперед, учитывая общемировые тенденции исторического развития стран и народов. Видимо и в этом вопросе, претендуя на оригинальность, Горбачев решил руководствоваться обратной марксистско-ленинскому учению логикой, что вполне зако-

номерно привело и к соответствующему негативному результату. В этом состояла коренная ошибка и самого Горбачева, и КПСС. Проводимый им политический курс, день ото дня, все яснее демонстрировал полную истощенность мобилизационного типа общественно-политического развития. Предлагая реанимировать ленинские и бухаринские идеи периода НЭПа (хозрасчет, демократизация, мирное сотрудничество), Горбачев пытался при этом реализовывать эти идеи при сохранении руководящей и направляющей роли КПСС. Едва ли он в полной мере осознавал, что изменение принципов функционирования социально-экономической основы советской системы (постепенное «внедрение» в нее частнособственнических и гражданско-правовых отношений, хотя и под контролем государства и партии) с логической неизбежностью приведет к демократизации и в сферах общественно-политической жизни, а также потребует реформирования КПСС. Известно, что КПСС была и оставалась стержнем и каркасом социалистической системы на протяжении всего существования советской власти. Стоило из данной системы вынуть этот стержень, как она сразу же стала рассыпаться, как картонный домик. Высшее и республиканское партийное руководство, с которым Горбачев расправлялся, как говорится, невзирая на лица, решило, что не стоит дожидаться развала КПСС и начало либо «разбегаться» по своим «национальным квартирам», сохранив при этом за собой властные рычаги, либо приспособливаться к новым частнособственническим отношениям, приступив к приватизации «кусков» государственной собственности. В конечном счете, горбачевская перестройка, начавшись с провозглашения лозунгов демократии и гласности, вылилась в вооруженные конфликты в ряде регионов страны, а завершилась в августе 1991 г. развалом СССР.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

Выше я уже обратил внимание на то, что ответ на этот вопрос зависит от выбора принципов и критериев оценок достижений и неудач советского периода истории России-СССР.

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Из выше сказанного, вытекает ответ и на этот вопрос. Если бы советские руководители оказались способными разработать новую модель развития

страны и предложить ее обществу, то, обладая мощными материальными и природными ресурсами, разветвленным аппаратом управления и контроля, а также умело используя лояльность режиму подавляющего большинства населения, приученного за столетия к государственному патернализму, к ожиданию благодеяний со стороны государства, вполне могла бы сложиться иная ситуация. Исторический процесс альтернативен и многомерен, поэтому говорить о какой-то закономерности и тем более неизбежности реализации лишь одного варианта бесперспективно. Проблема заключается в ответе на вопрос: способна или неспособна нация, политическая элита, личность, стоящая у руля управления страной, осознав завершенность прошлого цикла исторического развития, выйти (желательно, эволюционным мирным путем) на новый виток исторического развития.

Суть проблемы (применительно, в данном случае, и к России, и к СССР) состоит не в наличии или отсутствии материальных ресурсов (их было и есть больше, чем достаточно), не в самом многонациональном российском народе, который физически вынослив, трудолюбив и патриотичен, ни в наличии или отсутствии гениальных людей (их в России и СССР было много), а, прежде всего, в сущности политических режимов (будь это самодержавие или народовластие), в наличии политических лидеров, способных продуцировать новые идеи, созвучные вызовам эпохи. В этом, на мой взгляд, и корень ответов на все вопросы нашего бытия. В свое время великий русский ученый академик В. И. Вернадский специальное внимание обратил на необходимость внимательного изучения роли идей в истории человеческого общества. В смене идей он видел движущую пружину всего исторического развития. Вместе с тем он отмечал неизбежность умирания идей. Если идеи перестают отражать реальность, они становятся тормозом развития общества, заводят его в тупик. Именно такая тупиковая ситуация сложилась в России и СССР, когда господствующие классы (или партия), продолжая лихорадочно цепляться за устаревшие идеи, которые уже не отражали потребности новой исторической реальности, медленно и неуклонно заводили страну в тупик.

II. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ: ЭКСПРЕСС-АНАЛИЗ

И. В. Узлова

Предлагаемый вниманию читателя анализ осуществлен по методике, предложенной профессором В. В. Калашниковым и положительно зарекомендовавшей себя при анализе ответов на вопросы, представленных участниками Санкт-Петербургской международной научной конференции по проблемам историографии в 2017 и в 2018 годах. Результаты экспресс-анализа вопросника по историографии Февральской революции опубликованы в сборнике «Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии».¹ Результаты анализа вопросника по историографии Гражданской войны опубликованы в сборнике «Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии».²

Особенностью методики является намеренный отказ от оценки позиций участников, ответивших на вопросник. Признается и уважается право тех или иных авторов уклоняться от ответов на вопросы, которые представлялись им неудобными или слишком трудными для выявления своей позиции в кратком формате вопросника. Задача экспресс-анализа состоит в том, чтобы сгруппировать существующие позиции и выявить преобладающие тренды в трактовке тех или иных вопросов, а также обратить внимание читателя на наиболее важные особенности в аргументации позиций, предлагаемой различными авторами. Понятно, что любая попытка сгруппировать мнения разных авторов по весьма деликатным проблемам чревата неизбежным упрощением и носит условный характер. Тем более, что в ряде случаев авторы по-своему понимали и интерпретировали сами вопросы. Однако всякая систематизация так или иначе помогает и ориентирует читателя, оставляя ему возможность проверить верность систематизации обращением к

¹ Калашников В. В. Новейшая историография Февральской революции: экспресс-анализ // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. межд. конф. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. С. 137–174.

² Калашников В. В. Новейшая историография Гражданской войны в России: экспресс-анализ // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии: сб. докл. межд. конф. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. С. 184–252.

первоисточнику. Ответы сгруппированы по схеме, предложенной в вопроснике.

Вопрос 1. Как определить тот социально-экономический и политический строй, который существовал в советский период истории России (СССР)?

1.1. Одна из моделей социализма

Этот вариант ответа выбрали архангельский историк **Владислав Голдин** и его петербургский коллега **Владимир Калашников**. Они определяют строй, сложившийся в СССР, как «*государственный социализм*», отмечая такие основные признаки, как доминирование общественных форм собственности на средства производства, отсутствие антагонистических классов и эксплуатации человека человеком, распределение по труду, а не капиталу. Такой подход основан на стремлении опереться на ту методологию оценки социально-экономического строя, которая вытекала из истмата как общей теории истории.

К этим авторам с некоторыми оговорками примыкает и венгерский исследователь **Тамаш Краус**, который определил советский строй как «принципиально новое, ни кем не запланированное общество и уклад и способ производства, который я называю по терминологии Маркса государственным социализмом».

Такой вариант ответа выбрал и петербургский историк **Александр Пученков**: «можно говорить о том, что в Советском Союзе периода 1970-х гг. сложилась специфическая модель социализма, при которой одновременно сосуществовали гипертрофированная роль государства и в то же время отсутствовала практика эксплуатации человека человеком, существовали мощные социальные гарантии, наличествовала уверенность рядового гражданина в обеспеченной старости, бесплатном здравоохранении».

Британский историк **Джеффри Суэйн**, не поясняя своей методологии, также оценивает советскую модель как одну из моделей социализма.

Украинский историк **Валерий Солдатенко** отмечает, что «бесспорно определить социально-экономический и политический строй, существовавший в СССР, вряд ли возможно», но, оговорив сложность задачи, в итоге делает вывод: «созидаемый после победы Октября социально-экономический и политический строй в России (СССР) был социалистическим, точнее являлся воплощением в практику одной из социалистических моделей».

Американский профессор **Марк Стейнберг** также говорит о трудности «обозначить существовавший социально-экономический и политический строй каким-либо определенным термином», но считает возможным так ответить на поставленный вопрос: «советская система была социалистической». При этом он отмечает, что «в течение семидесяти с лишним лет в СССР существовали разные модели социализма», которые имели и разный потенциал развития.

Мы считаем возможным присоединить к данной группе авторов и московского историка **Василия Цветкова**, который сам обозначил свою позицию как «иное». Также как и Т. Краус, он сделал акцент на уникальность советского опыта, который затрудняет его классификацию, и, тем не менее, оценил этот опыт как строительство социализма: «История СССР – это история строительства *социализма*, единственного в своем роде. Со своими национальными, историческими особенностями, со своими просчетами и ошибками, со своими победами и достижениями».

Московский историк **Валентин Шелохаев** отметил, что Ленин хотел строить социализм, назвал «ленинскую модель» утопической «с вышки сегодняшних дней» и в этом ответе никак не охарактеризовал результат этого строительства. Однако в дальнейшем (при ответе на 4-й вопрос) автор говорил о том, что «СССР в краткий срок добился существенных успехов» в ходе *социалистического* строительства. Это дает основание и его отнести к первой группе авторов.

Московский политэконом **Александр Бузгалин** дает такой ответ: «В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией *«мутантного социализма»*. Автор подробно обосновывает свое особое понимание сути и исторического места советского строя.

1.2. Одна из моделей госкапитализма

Московский политэконом **Михаил Воейков** выбрал второй вариант ответа на предложенный вопрос. Он считает, что в СССР был построен своеобразный *неклассический «госкапитализм, ибо не было распределения по капиталу»*. Автор аргументирует свою позицию тезисом о том, что в России до 1917 года капиталистический уклад не доминировал, а поэтому любая модель социализма была нереальна, поскольку нельзя от феодализма перепрыгнуть в социализм.

Московский историк **Руслан Гагкуев** также выбрал второй вариант ответа на предложенный вопрос. Он подчеркнул, что «нельзя говорить о некой единой, неизменяемой модели на всем протяжении существования СССР, но далее определил модель, «сложившуюся к концу жизни Советского Союза» как «модель государственного капитализма».

Близок к этой позиции **Генрих Иоффе**: «Это одна из моделей капитализма, но с весьма существенными элементами социализма», которые он видит в социальной сфере (образование, здравоохранения и др.).

Характерной для этой группы авторов является отсутствие четкого ответа на вопрос: в чем заключается *капиталистическая* суть «государственного капитализма», который, по их мнению, существовал в СССР.

1.3. Иное

Остальные участники выбрали третий вариант ответа («Иное»).

Среди них доминирует нежелание пользоваться категориями «капитализм» и «социализм», рассматривать вопрос о принципах распределения общественного продукта, которые фиксируют коренное различие между капитализмом и социализмом. В то же время вопрос об альтернативных определениях сути советского строя зачастую остается открытым.

Японский историк **Ёсиро Икэда** полагает, что советский строй есть «одна из моделей *корпоративного режима*», не поясняя далее своей позиции. В современной политологии термин «корпоративный режим» весьма многозначен. Чаще всего такой режим понимается как власть бюрократии, которая опирается на определенные группы населения, представляя групповые интересы. Но этого определения недостаточно для понимания социально-экономической сущности того или иного строя. Довольно часто политологи говорят о власти бюрократии, как в СССР, так и в постсоветской России. Однако очевидно, что в современной РФ существует строй, принципиально отличный от того, который существовал в советский период.

Московский политэконом **Андрей Колганов** полагает, что «целостная система социалистических отношений в СССР не сформировалась. Фактически этот строй представлял собой вариант *переходного общества*, с определенного момента застывшего и прекратившего революционное движение к

социализму». Его позиция близка позиции А. Бугалина, который, однако, выбрал первый вариант ответа.

Белорусский историк **Вячеслав Меньковский**: «Очень сложно уложить «советскую цивилизацию» в дихотомию «социализм – капитализм» из-за расплывчатости и спорности обоих понятий». Далее он так определяет советский строй: «Фактическая государственная монополия на средства производства и результаты труда, насильственное принуждение к труду, отсутствие конкуренции производителей, приниженное положение потребителей в условиях дефицита не позволяет отнести эту модель ни к (практическому) капитализму, ни к (теоретическому) социализму».

Американский историк **Цуёси Хасегава** полагает, что в СССР существовала *нерыночная командная экономика*, которая в принципе не могла быть эффективной и не могла обеспечить реализацию принципов социальной демократии, в которой он видит суть социализма. Автор заключает: «это была не модель социализма, если социальная демократия может рассматриваться как форма социализма, но скорее модель командной экономики».

Петербургский историк **Борис Колоницкий** заявил о неадекватности традиционных терминов, не предложив им альтернативу: «Мне кажется, что использование *терминов эпохи* как аналитического языка исследователя для описания эпохи в некоторых ситуациях не позволяет эту эпоху описать».

Подводя итоги ответов на первый вопрос, отметим, что наиболее популярным оказался первый из предложенных вариантов ответов: 8+2 (с учетом позиции В. Ж. Цветкова и В. В. Шелохаева). На второе место вышел третий вариант ответа («Иное»), который выбрали 5 авторов. На третье место вышел второй вариант ответа («госкапитализм») – 3 автора.

Вопрос 2. Была ли «советская модель» (советский строй) необходимой с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века?

2.1. Да, другого, более перспективного варианта не было

Сразу отметим, что все авторы, выбравшие этот вариант ответа на вопрос, отнюдь не идеализировали конкретную деятельность Советской власти, а точнее советского правительства на различных этапах истории СССР, отмечая наличие многих тяжелых ошибок. Тем не менее, авторы подчеркивали необходимость советского строя для решения основных задач, стоявших перед страной *в конкретных условиях* начала и первой половины XX века.

Михаил Воейков: «советская модель экономического развития ... оказалась объективно необходимой и действенной в тех условиях для подъема экономики страны».

Владислав Голдин: «реальная практика и конкретные исторические условия, совокупность международных и внутренних факторов во многом предопределили именно состоявшийся советский вариант развития».

Ёсиро Икэда выбрал вариант «иное», но, по сути, занял позицию, которую мы относим к первому варианту: «советский строй был одним из оптимальных вариантов для страны».

Владимир Калашников подчеркивает, что в эпоху империализма социальные задачи Русской революции тесно переплетались с коренными национальными задачами — защиты независимости и самого существования славянского ядра и других народов СССР. Автор считает, что «только советская модель позволяла резко сократить опасное отставание России от Запада» и «тем самым защитить коренные интересы народов бывшей Российской империи от экономического и политического порабощения перед лицом традиционной и неизбежной (в силу итогов первой мировой войны) германской агрессии. Германский расизм (тезис о германцах как расы господ) был особенно страшен для восточных славян (расы рабов)».

Тамаш Краус: «Не существовало другой организационной силы кроме советов и коммунистической партии, которая могла бы найти решения основных общественно-экономических проблем российского общества».

Валерий Солдатенко: «Анализируя программы политических партий России ... трудно представить, что хотя бы одна из них ... могла быть поставлена вровень с большевистской моделью общественного развития <...> по большому счету, система "сработала", долгое время принося, в целом, преимущественно положительный эффект».

Марк Стейнберг делает акцент не на большевиках, а на советской власти и говорит о том, что «если смотреть в более широком смысле, *не приравнивая советскую власть к большевистскому правлению* и не позволяя результатам определять возможности, мы можем согласиться с тем, что другого, более перспективного варианта, чем «советская власть», не было».

В эту категорию авторов мы занесем и **Андрея Колганова**, несмотря на то, что он сам выбрал вариант ответа «Иное», но при раскрытии своей позиции написал: «переход к советскому строю оказался *единственным реальным* путем решения проблем модернизации страны. Но я бы не назвал это "единственным перспективным вариантом" — ибо как перспективный вариант он, по существу, не мог рассматриваться, а сформировался в силу бесперспективности всех прочих вариантов, как вынужденная необходимость».

Александр Бузгалин избрал второй вариант ответа, но, по нашему мнению, его ответ следует занести в первую категорию, поскольку автор ведет речь об ином варианте строительства *социализма*. Он полагает, что «существовала и иная возможная траектория развития как в СССР, так и в других странах, вступавших и вступающих на путь социалистического созидания в прошлом и нынешнем столетиях». Одной из «основных помех этому стала бюрократия».

В эту категорию мы занесем и ответ **Джеффри Суэйна**, хотя он сам избрал второй вариант ответа. Он отметил отсутствие необходимости в «большевистской монополии на власть», которая «была недемократична». Более перспективными автор считает различные варианты лояльного сотрудничества большевиков с левыми эсерами и даже правыми эсерами, отмечая, что политика Комуча в 1918 г. была близка к той, которую большевики приняли в 1921 г. Отметим близость его позиции к позиции **Марка Стейнберга**, хотя эти два историка выбрали формально разные варианты ответа на второй вопрос.

2.2. Нет, был более перспективный вариант

Цуёси Хасегава стал единственным из участников опроса, который полагает, что «существовало некоторое количество альтернатив, которые привели бы

Россию к либеральной демократии. Для этого было необходимо выполнить два условия: первое, устранить фундаментальный разрыв между верхами и низами, второе, устранить другой разрыв между государством и обществом». Он считает это возможным при проведении более правильной политики царем или правительством Керенского. Особое внимание он уделяет модели либерального развития и позиции правого кадета В. А. Маклакова, сторонника компромиссов с царским правительством в предреволюционный период: «Жаль, что линия, которую отстаивал Маклаков и его друзья, была отвергнута».

2.3. *Иное*

Этот вариант ответа избрал **Руслан Гагкуев**: «Была ли реализованная «советская модель» необходимой с точки зрения решения задач, стоящих перед страной? Думаю, нет. Во-первых, набор задач для развития страны не был изначально никем задан». Отметим, что в своем ответе автор полагает, что «набор задач» не был «задан», не принимая позицию тех авторов, которые выводили необходимость «советской модели» как раз из заданной историей необходимости форсированного развития России для сокращения губительного отставания от передовых держав в эпоху борьбы за передел мира.

Выводя за скобки эту задачу, автор считает возможным два иных варианта развития: «Один из них – национально-консервативный, с опорой на существовавшие к началу социального разлома все слои общества, с выбором страной с помощью некоего учредительного органа (Учредительного собрания, Земского собора и проч.) формы правления; другой – умеренно-социалистический, при участии разных политических сил, или, по крайней мере – социалистических партий».

Борис Колоницкий также выбрал вариант «иное», но при этом отметил, что вектор «социалистического выбора» в России в начале XX века был очень сильным.

Вячеслав Меньковский, выбрав третий вариант ответа, отметил, что он «зависит от того, что понимать под «коренными задачами». По мнению автора, «в советской модели единственная, необходимая для общества, цель – улучшение жизни людей – была подменена средством – укреплением государственной власти. Цель и средства ее достижения поменялись местами». Далее он пишет: «Если под коренной задачей понимать укрепление военной мощи государства, то советская модель на это и была ориентирована. Весь мир боялся – да».

По его мнению, советская модель была направлена «на укрепление мощи государства и обеспечение властных привилегий правящей элиты». Таким образом, и данный автор не разделяет позицию тех историков, которые считают, что «необходимая цель» улучшения жизни людей не могла быть достигнута без защиты СССР от реальной угрозы германской агрессии и именно в этой связи большевики всеми силами и средствами решали задачу создания сильного государства. Их цель – отстоять свою независимость, а не напугать мир.

Третий вариант ответа выбрал и **Василий Цветков**, который, с одной стороны, отметил наличие альтернатив советской модели, представив их в виде триады «Ленин, Керенский, Корнилов», но, с другой стороны, не говорит о том, что Керенский (леволиберальная или правосоциалистическая альтернативы) или Корнилов (праволиберальная военная диктатура) могли успешно решить те задачи, которые решили большевики при помощи советской модели.

Валентин Шелохаев так ответил на вопрос о необходимости Октября и советской (социалистической) модели развития: «Обсуждать постфактум вопрос – нужно или не нужно было это делать – затея совершенно бесперспективная ... Поэтому, отвечая на поставленный вопрос, я попытался объяснить причины принятых Лениным и его единомышленниками решений осуществить социальный переворот и установить революционную диктатуру в октябре 1917 г., а также приступить, используя якобинские методы, к реализации модели построения нового общественно-политического строя».

Таким образом, при ответе на второй вопрос вопросника возникла следующая расстановка сил: 10 авторов с теми или иными оговорками признали необходимость советской модели; 1 автор выбрал второй вариант, признав возможность и желательность либеральной альтернативы, 5 авторов выбрали вариант «Иное», предложив его различные трактовки. При этом никто из них не заявил четко о том, что задачи *ускоренной модернизации*, объективно стоявшие перед страной в конкретный период революции, могли быть решены вне рамок советской модели.

Вопрос 3. Были ли в рамках избранной модели более перспективные варианты развития?

3.1. Развитие в рамках НЭПа («бухаринская» модель)

Этот вариант ответа избрал **Джеффри Суэйн**, который обосновал его ссылками на некоторые математические модели и опыт Югославии: «Бухаринская модель могла сработать, как показывают результаты математического моделирования. Вначале развитие шло бы медленно, но постепенно ускорялось к середине 1930-х, достигнув в 1941 г. того же рубежа, что и сталинская модель. Так был бы обеспечен экономический рост без травмы коллективизации. Это подтверждает сравнительный успех бухаринской модели, осуществленный Тито в Югославии».

Ряд авторов, не выбравших первый вариант ответа, тем не менее, высказались по поводу бухаринской модели. **Андрей Колганов** отметил ее перспективность при определенных условиях, которых не было: «Бухаринский вариант был бы предпочтительнее в случае европейской революции и снятия угрозы мировой войны. Однако эти условия отсутствовали, и форсированная индустриализация оказалась единственным возможным вариантом». С этой трактовкой согласны **Владислав Голдин** и **Владимир Калашников**. Более критично оценил потенциал бухаринской модели **Валерий Солдатенко**: «Бухаринская модель ретроспективно представляется несостоятельной. Ее осуществление было чревато серьезными угрозами почти неминуемых и непредсказуемых социальных последствий и катаклизмов».

3.2. Модель форсированной индустриализации без Сталина и эксцессов сталинизма

Михаил Воейков подчеркивает необходимость ускоренной индустриализации и возможность ее проведения иными темпами и методами в конце 1920-х и начале 1930-х гг., когда создавалась модель мобилизационной экономики: «То, что в России надо проводить индустриализацию и даже ускоренными темпами признавали почти все руководящие большевики. Расхождения между ними были по вопросу темпов».

Владислав Голдин отметил необходимость «ускоренной модернизации всех сфер жизни общества» и признал возможность и предпочтительность модели развития «без сталинских эксцессов».

Ёсиро Икэда также выбрал этот вариант ответа, без комментариев.

Генрих Иоффе дал такой комментарий: «Индустриализация, проводимая экономическими, а не репрессивными методами, могла быть эффективнее и не принесла бы столько жертв в мирное время и в войну».

Владимир Калашников отметил, что Сталин нес личную ответственность за резкое сокращение сроков коллективизации, принятых партийными форумами, а также за непродуманную политику раскулачивания зажиточных крестьян и за чрезмерную нагрузку на колхозы в ходе заготовок хлеба в первую пятилетку. По его мнению, концентрация власти в руках так называемых «правых» большевиков (Рыков, Бухарин, Томский) позволили бы решить все необходимые задачи без сталинских эксцессов.

Андрей Колганов: «Разумеется, при этом было желательно избежать грубейших провалов в экономической политике, допущенных Сталиным и его окружением в 1929–1933 годах, и последовавших за этим массовых репрессивных кампаний».

Тамаш Краус также допускает возможность более мягких моделей ускоренной модернизации СССР, но подчеркивает, что шансы на их реализацию были слабыми, ссылаясь на жесткие последствия гражданской войны: «основные структуры развития были определены историческими предпосылками внешнего и внутреннего развития, хотя существовали теоретические предпосылки и практические проявления другого варианта развития, которые были исторически слабые и их значение упало в ходе Гражданской войны».

Валерий Солдатенко отмечает, что «назревшая потребность коренной модернизации России могла быть осуществлена и без Сталина, связанных с практикой сталинизма издержек силового характера, нарушения социалистической законности». При этом автор ссылается на «обоснованные планы форсированного развития народного хозяйства», которые разрабатывались в недрах ВСНХ СССР уже в середине 1920-х гг. по инициативе Е. А. Преображенского и Г. Л. Пятакова, и более поздние документы, которые не предусматривали насильственной форсированной коллективизации и т. п.

В эту категорию с определенными оговорками можно занести и ответ **Александра Бузгалина**.

3.3. Сталинская модель была единственной реальной возможностью

Этот вариант ответа выбрал **Александр Пученков**: «Да, вероятно, как это не тяжело признавать, сталинская модель была единственно реальной и осуществимой, исходя из Сталиным же сформулированной задачи – за 10 лет пробежать то безмерное расстояние, на которое капиталистический мир обогнал Советскую Россию».

В эту же категорию мы включаем и ответ **Вячеслава Меньковского**, хотя сам он избрал вариант ответа «Иное». Автор категорично отрицает возможность более мягких вариантов форсированной индустриализации: «В рамках избранной модели никакие альтернативы не были возможны. Модель, основанная на сочетании страха и веры, не предполагала вариативность. <...> форсированная индустриализация без эксцессов представляется оксюмороном, сочетанием противоречащих друг другу понятий». Отметим разницу в позиции этих авторов: Пученков подчеркивает необходимость сталинизма для решения задачи ускоренного развития, а Меньковский выводит эту задачу за скобки своего анализа.

С существенными оговорками в эту категорию можно занести и ответ **Валентина Шелохаева**, который кратко проанализировал итоги НЭПа и сделал такой вывод: «Уже при жизни Ленина, стало очевидно, что продолжение политики НЭПа ведет к перерождению большевистской партии, а как следствие – ставит под угрозу и пролетарскую диктатуру. Именно поэтому Сталин принял решение свернуть НЭП и начать реализовывать иную – мобилизационную модель преобразования страны».

3.4. Иное

Руслан Гагкуев говорит о возможности вариантов 3.1 и 3.2, которые «возможно позволили бы сохранить баланс в развитии промышленности и сельского хозяйства и избежать кризиса системы в будущем».

Борис Колоницкий: «Я не считаю, что сталинская модель была единственно возможной. Если же говорить о ситуации 1921 года, то возможны были и варианты, которые не описываются тремя предложенными сценариями». Суть этих вариантов автор не уточняет.

Марк Стейнберг видоизменил смысл вопроса и ответил на другой: о принципиальной возможности построить в условиях России того времени

демократическое и процветающее общество. Его ответ на первый взгляд, весьма пессимистичен: «Размышляя об этих множественных возможностях и известных исторических результатах, ... можно было бы ответить на этот вопрос более мрачно: ни одна из альтернатив, от либерализма до сталинизма, не была способной реализовать заявленные цели построения демократического, открытого, справедливого, свободного и процветающего общества, учитывая социальные и экономические трудности в России и в пределах всей бывшей Российской империи, а также, учитывая тенденции, присущие всем государствам». В то же время автор подчеркнул, что такой пессимистический ответ вытекает из анализа *достигнутых* результатов, в то время как необходимо учитывать и те *возможности*, которые существовали, но не были реализованы на практике: «История есть также и рассказ о путях, которые не были избраны».

Цуёси Хасегава размышляет на тему о том, что сталинизм не имел альтернатив в том контексте, в котором с ним вели борьбу Троцкий или Бухарин. Контекст формировали два «табу», которые они не могли (не хотели, не решались) оспорить: правомерность Октябрьской революции и правомерность однопартийной диктатуры. На этой идейной базе была выстроена бюрократическая система с генсеком Сталиным во главе, которую, по мнению автора, нельзя было победить, не отвергнув упомянутые два «табу», которые усиливались третьим фактором – культом Ленина.

Василий Цветков также выбрал этот вариант ответа, но при этом подчеркнул, что в условиях конца 1920-х гг. «курс на оперативное и максимально жесткое решение назревших вопросов стал представляться наиболее приемлемым в сложившейся обстановке». Не отрицая возможность «избежать издержек форсированного роста», он подчеркнул, что «многие из них оказались следствием объективных обстоятельств, в частности отсутствия необходимых технологий, низкой производственной культуры, неподготовленности кадров». Эти пояснения сближают позицию автора с позицией тех историков, которые выбрали третий вариант ответа.

Таким образом, при ответе на *третий вопрос вопросника* возникла следующая расстановка сил: один автор выбрал первый вариант ответа, признав перспективность «бухаринской модели»; 9 авторов избрали второй вариант, признав возможность проведения форсированной модернизации страны без Сталина и эксцессов сталинизма; 3 автора выбрали третий вариант, признав

сталинскую модель единственной реальной возможностью, 5 авторов – четвертый вариант («Иное») с различными трактовками.

Вопрос 4. Каковы были главные пороки «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Ответ на этот вопрос во многом схож у большинства авторов. Все они говорят о чрезмерной жестокости сталинских методов, имевших прямой репрессивный характер, но при этом большинство отмечают очень трудные объективные условия, в которых проходила ускоренная модернизация, необходимая по объективным причинам.

Вот наиболее типичные примеры оценок:

Михаил Воейков: Главные «пороки» сталинской модели состоят в чрезмерной жесткости проводимой политики, граничащей с преступлениями. Скажем, если бы индустриализацию проводили сторонники «левой оппозиции» жертв и ошибок было бы значительно меньше. К причинам «пороков» сталинской репрессивной модели можно отнести отсталость России в цивилизационном развитии. Это не только грубость и жестокость лично Сталина и его ближайших сподвижников, но общий уровень культуры населения».

Руслан Гагкуев: «Тоталитарный режим» сложился не сам по себе, а в результате ожесточенной борьбы внутри партии и постоянной угрозы нападения на СССР со стороны капиталистического мира».

Наиболее резкие оценки сталинизму дает **Вячеслав Меньковский:** «Унижение или уничтожение человека для достижения целей *властной элиты* стало нормой сталинского времени, алгоритмом действия вождей всех уровней, от политбюро до колхоза». При этом цели властной элиты он трактует как эгоистические, никак не связывая их с решением объективных задач, стоявших перед страной в условиях враждебного окружения.

Резкость такой оценки хорошо проявляется на фоне трактовки, предложенной **Валентином Шелохаевым:** «При быстрых темпах развития мобилизационный тип организации и ведения народного хозяйства не был свободен от определенных издержек и просчетов. С одной стороны, они были неизбежны для первопроходцев, решившихся в одиночку прокладывать путь для всего прогрессивного человечества в неведомое общественно-политическое и социокультурное пространство – социализм. С другой стороны, они объясня-

лись отсутствием профессионального опыта у рабочих, и управленческих кадров, что приводило к срывам на производстве...»

Отметим отдельные мысли, высказанные по вопросу о причинах, сформировавших пороки сталинской модели.

Ёсиро Икэда выделил негативное отношение большевиков к достижениям «буржуазной» цивилизации Западной Европы.

Андрей Колганов в качестве «наиболее фундаментальной причины» назвал «неготовность (и неспособность) даже активного меньшинства рабочего класса с самого начала революции вести упорную и непримиримую борьбу за политический контроль над государственным аппаратом». С ним согласен **Александр Бузгалин**, который видит главный порок сталинской модели во «*власти номенклатуры* (+ неизбежно сопровождавший ее культ символа-вождя и использование методов массового насилия для утверждения и сохранения политической системы)».

Борис Колоницкий сделал акцент на том, что «значительная часть кадров приобрела специфический опыт политического руководства в условиях гражданской войны. Они были запрограммированы на использование «чрезвычайных» мер эпохи гражданской войны в кризисных ситуациях» в послевоенный период. Эту же мысль высказал и **Джеффри Суэйн**.

Валерий Солдатенко обратил специальное внимание на проблему национально-государственного устройства: «подмена в многонациональной стране принципов федеративного государственного строительства, декларированных в основополагающих документах Союза ССР, унитаристскими порядками, отход, вопреки конституционным гарантиям, от реального равноправия республик, асимметрия в отношении к проявлениям великодержавного шовинизма и местного национализма, неоправданное преувеличение угрозы, происходящей от последнего феномена, в частности – от национал-коммунизма, что порождало напряжение, нестабильность в развитии целостного государства, в конце концов, явилось одним из факторов эрозии добровольного союзного образования, причин его распада».

Цуёси Хасегава полагает, что сталинский террор был обусловлен тремя факторами. Во-первых, необходимость форсированной индустриализации предполагала массовую эксплуатацию крестьян. Во-вторых, командная экономика, навязанная Сталиным, не смогла бы функционировать без террора.

Третье и самое главное – это роль идеологии. По мнению автора марксистско-ленинская идеология «отвергала нормы, лежащие в основе либеральной демократии, такие как верховенство закона, равенство и справедливость для всех (независимо от классовых различий), человеческое достоинство, уважение к человеческой жизни, честность и истина».

Вопрос 5. Каковы были сильные стороны «сталинской» модели, и какие причины их породили?

Ответ на этот вопрос также имел много общего у большинства авторов. Все они говорят об эффективности модели для решения задачи ускоренной модернизации всего общества.

При этом **Михаил Воейков** сделал сильный акцент на «высокую исполнительную дисциплину», отметив создание «целой системы очень эффективной исполнительной власти».

Руслан Гагкуев дает такую оценку сути и результатам сталинской модели: «Создание мощной административно-командной системы, которая при всех ее издержках, позволила стране победить в Великой Отечественной войне». Автор отмечает внимание руководства страны к развитию системы общего и высшего образования, науки и научно-технического потенциала СССР, заложившее многие прорывные успехи страны.

Владислав Голдин подчеркнул «системное видение модернизации, охватывающей не только промышленность и экономику в целом, но и социальные отношения, ускоренное развитие образования и науки». Он также отметил «высокую социальную мобильность общества, обеспечение беспрецедентно широких возможностей для продвижения талантливых людей из народа в высшие эшелоны управления».

Ёсиро Икэда отметил «мощность» системы для мобилизации населения с целью быстрой индустриализации и «военизации страны».

Генрих Иоффе: «вывод страны в число передовых держав», что было достигнуто «силовыми» методами.

Владимир Калашников подчеркнул, что сильные стороны «сталинской» модели были обусловлены, прежде всего, преимуществами советского строя. В сфере экономики: государственная собственность на ключевые средства производства и плановый характер развития. В социальной сфере: высокая

социальная стабильность, в силу отсутствия острых классовых противоречий. Строй обеспечивал и идейно-политическое и межнациональное единство народов в составе СССР, поскольку большая часть населения разделяла стратегическую цель правящей партии – строительство общества, в котором каждый должен получать по труду. Из рассуждений автора следует, что специфические черты сталинской модели как крайне жесткой формы советской модели несли в себе больше минусов, чем плюсов.

Александр Бугалин: «сильной и прогрессивной была не «сталинская модель», а те ростки социализма в СССР, которые развивались благодаря социальному творчеству масс и адекватной этому деятельности руководителей страны...».

Близкую позицию занял и **Андрей Колганов**, который отметил эффективность «сталинской» модели в условиях чрезвычайных обстоятельств (форсированная индустриализация, мировая война) и подчеркнул, что «эта сильная сторона была обусловлена ... прежде всего тем, что государственная политика в определенной мере (и до определенных пределов) соответствовала интересам большинства населения и потому пользовалась его активной поддержкой».

Тамаш Краус отметил, что сталинская модель при всех ее недостатках обеспечила сохранение Советского Союза и позволила создать государство, которое обеспечило быстрое поднятие культурного и экономического уровня народов СССР, дав им важные социальные блага: бесплатное образование и здравоохранение и т. д. Автор видит главные причины, обусловившие такие успехи, в «организованности трудящихся масс и коммунистической партии, в самопожертвовании советских людей».

Александр Пученков: «Сталин сумел создать общество, сумевшее выстоять и победить в условиях величайшего вызова в своей истории – войны с нацизмом».

Джеффри Суэйн: «Временами (особенно в период войны) сталинская модель использовала элементы массовой мобилизации, опираясь на большевистскую традицию работы с массами».

Валерий Солдатенко: «Сильной стороной "сталинской" модели социализма являлись огромная, предельная мобилизационная "заряженность", поражающая воображение высокая эффективность, практически гарантированное обеспечение поставленных целей. <... > К победам вела неистребимая

мая, непоколебимая вера в правоту дела, к которому призывала, за которое боролась партия во главе с лидером».

Василий Цветков: «Безусловно, самая сильная сторона сталинской модели – ее мобилизационный потенциал. Ее способность к максимальной концентрации ресурсов и финансов на определенных направлениях. Это особенно ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны».

Валентин Шелохаев: «Было бы весьма наивно считать, что сталинская модель порождена исключительно его мировоззренческими пристрастиями и личностными чертами характера. Для достижения позитивных экономических результатов требовалось осуществление системы мер мобилизационного характера. Для достижения партийного единства потребовалось ликвидировать правый и левый уклоны в партии, применяя при этом репрессивные методы. И ту и другую задачу Сталину решить удалось, хотя при этом имели место весьма и весьма значительные материальные и человеческие потери. *Единственным верным и непреложным критерием* при определении плюсов и минусов сталинской модели социализма стала победа советского народа в Великой Отечественной войне, хотя, как известно, советскому многонациональному народу пришлось заплатить огромную цену».

Несколько в иной тональности прозвучали ответы ряда других авторов, где, так или иначе, ставится под сомнение эффективность сталинской модели и ее нацеленность на решение общенациональных задач в интересах народов СССР:

Борис Колоницкий: «Система была создана для победы в жестокой гражданской войне, для чрезвычайной ситуации. Она *казалась* эффективной в такие времена больших конфликтов и больших бедствий, но вместе с тем была запрограммирована на войны и чрезвычайные ситуации, *способствуя* появлению войн и чрезвычайных ситуаций».

Вячеслав Меньковский повторяет свою мысль о том, что суть сталинской модели состояла в укреплении «позиции правящей элиты и лично вождя». Он отрицает «совпадение интересов власти и общества» и считает, что «чем сильнее становилась власть, тем хуже было для общества».

Цуёси Хасегава, объединив ответы на 4 и 5 вопросы, сделал затруднительной какую-либо классификацию его позиции по 5 вопросу.

6. Как Вы оцениваете эпоху Н. С. Хрущева? В чем были плюсы и минусы его политики? Можно ли считать, что после смерти Сталина в СССР продолжала функционировать «сталинская» модель?

При ответе на этот вопрос определились два мнения.

1. Бóльшая часть участников полагают, что в целом «сталинская модель» в своих главных чертах сохранилась, но пережила определенную трансформацию в сторону смягчения репрессивной составляющей.

По мнению **Александра Бузгалина**, в «этот период начались (но не были сколько-нибудь глубоко реализованы) прогрессивные коррекции сложившейся модели. К ним можно отнести резкое сокращение практик массового политического насилия (при сохранении монополии политической власти номенклатуры), сужение привилегий и власти номенклатуры, развитие различных форм низового энтузиазма и контроля».

Михаил Воейков считает, что во времена Хрущева «в целом продолжала функционировать сталинская модель экономики, которая в целом была predetermined, конечно, не личными амбициями Сталина, а объективными условиями развития России. Но репрессии ослабли, материальные стимулы не играли решающей роли». Отметим, что при ответе на следующий вопрос (эпоха Брежнева) автор несколько поправляет свою позицию и говорит о том, что в эпоху Хрущева начался процесс «отказа от мобилизационной модели экономического развития (т. е. сталинской модели) и перехода к нормальной рыночной экономике».

Руслан Гагкуев: «Н. С. Хрущев не произвел каких-то кардинальных изменений ни в политической, ни в экономической сфере. Скорее можно говорить о неких изменениях в «сталинской модели», определенной децентрализации, сыгравших роль в ее трансформации в долгосрочной перспективе».

Андрей Колганов: «сталинская» модель, за исключением ее репрессивных крайностей, сохранилась в эпоху Хрущева.

Близок к этой позиции и **Вячеслав Меньковский:** «проблема Н. С. Хрущева была в том, что, изъяв репрессивный элемент, главный элемент сталинской системы, он не реформировал другие».

Александр Пученков привел слова В. Войновича: «За годы правления Хрущева все, что он делал, было не реформами, а полумерами... Хрущев добился многого, но не дошел до главного: основ режима не тронул».

Джеффри Суэйн: «Хрущев бросил вызов сталинизму, но был им разбит».

Цуёси Хасегава: «Период «взлета» уже прошел, и для дальнейшего развития экономики Советский Союз больше не мог полагаться на сталинские методы террора. Отсюда вытекала необходимость десталинизации, и Хрущеву следует отдать должное за это. Тем не менее, он не пошел и не мог пойти дальше критики культа личности Сталина. ... Реформы Хрущева продемонстрировали невозможность системного реформирования советского строя».

2. Меньшая часть историков проводит четкое различие между советской моделью «государственного социализма» и «сталинской моделью» и полагает, что после смерти Сталина «сталинская модель» как наиболее жесткая (репрессивная) форма советской мобилизационной модели «государственного социализма» перестала существовать.

Владислав Голдин: «В СССР действовала существенно обновленная в сравнении с предшествующим периодом модель развития, но с гипертрофированной ролью государства и высшего руководства, ограниченной ролью и возможностями общества и граждан в сопоставлении с ними».

Генрих Иоффе: «После Сталина его модель начала довольно быстро разваливаться, т. к. ее осью был страх, а он стал испаряться».

Владимир Калашников: «Сталинская модель» как репрессивная форма модели «государственного социализма» была разрушена сразу после смерти Сталина». Это доказывает огромную роль субъективного фактора в ее формировании и доминировании до 1953 г. По мнению автора, при Хрущеве «довольно быстро была создана менее жесткая и централизованная модель «государственного социализма» как в социально-экономическом, так и в политическом отношениях».

Тамаш Краус отмечает, что государственная собственность, централизованное плановое хозяйство, однопартийная система сохранились и при Хрущеве. Но в этих рамках многое изменилось, например, прошла децентрализация в области экономического управления. Плюсы автор видит в прекращение личной диктатуры, в восстановлении власти партии (верхушки). Минусы: «Вместо демократизации произошла децентрализация бюрократии».

Трудно классифицировать позиции ряда других историков, поскольку их ответы можно трактовать по-разному:

Валерий Солдатенко: «Трудиться с такой самоотдачей, самоотверженностью, как в годы, предшествовавшие войне, в военную пору и послевоенный период, было просто физически невозможно. Постепенно отходили на второй план элементы чрезвычайности, экстремальности. Объективно напрашивалось, просто настоятельно требовалось послабление, смягчение режима. ... Страна стала более демократичной, но система – менее управляемой, поведение лидера – не всегда предсказуемым».

Валентин Шелохаев: «все хрущевские мероприятия ни на йоту не изменили главного – мобилизационного принципа и характера общественно-политического развития в СССР».

Василий Цветков оценил эпоху Хрущева «в целом положительно», отметил важные социальные улучшения в жизни людей и четкое признание политики «мирного сосуществования».

Интересны замечания других авторов, поднимающих ряд смежных вопросов.

Ёсиро Икэда: «Более постепенная, спокойная и медленная десталинизация, которая действительно была с 1953 до 1956, привела бы к более стабильному обновлению всей системы».

Борис Колоницкий: «мне кажется, что описание истории СССР «по царствованиям» не очень продуктивно. Вернее было бы выделять этапы развития правящего слоя, номенклатуры и той среды, в которой она функционировала».

7. Как Вы оцениваете эпоху Л. И. Брежнева? В чем были плюсы и минусы его политики?

С очевидной условностью разобьем ответы на это вопрос на три категории: 1) преимущественно позитивные, 2) нейтральные; 3) преимущественно негативные.

1. Преобладает позитивная оценка этой эпохи, отказ считать ее периодом «застоя» в целом, но при этом отмечаются элементы «застоя» в разных сферах.

Михаил Воейков: «эпоха Брежнева никаким «застоем» не была. Застой был в экономике, но не в обществе. ... Время правления Брежнева по существу есть продолжение интенций экономического развития, зародившихся еще во времена Хрущева. Главная интенция состояла в отказе от мобилизационной модели экономического развития (т.е. сталинской модели) и переходу к нормальной рыночной экономике»

Руслан Гагкуев также «в целом положительно» оценивает эпоху, но отвечает, что «непоследовательность мер в экономике и сворачивание экономических реформ в конечном счете привели к «застою», потенциально грозившем стране кризисом»

Владислав Голдин характеризует эпоху Брежнева как «высшую фазу в развитии советского общества, его экономики, социальной сферы, науки и культуры, в обеспечении обороноспособности СССР». В то же время автор отмечает рост проблем в «финальный период», имея в виду «дряхление в силу возраста и состояния здоровья высших чинов советской ... элиты, и часто их неспособность адекватно реагировать на новые вызовы и проблемы».

Владимир Калашников отрицает сам факт экономического «застоя» в эпоху Брежнева, считает снижение темпов нормальным процессом в экономике, которая исчерпала возможность и необходимость экстенсивного развития и осуществляла переход на интенсивный тип развития. Средние темпы роста реальной экономики (национального дохода) были выше темпов роста развитых капиталистических стран. В политической сфере также доминировали позитивные процессы, несмотря на то, что Брежнев прекратил активную критику Сталина, начатую Хрущевым. Серьезной политической проблемой был кадровый «застой» в высших эшелонах власти. Стареющие лидеры из «команды Брежнева» не видели растущее недовольство рядовых членов правящей партии и широких слоев населения застывшими формами

внутрипартийной и советской жизни, которые противоречили демократическим нормам, закрепленным в Уставе КПСС и Конституции 1977 года.

Александр Пученков: «именно эпоха Брежнева – высшая точка советской цивилизации, пик благосостояния советских людей, влияния СССР на мировую политику; никто и не пытался в те годы оспаривать статус Советского Союза как сверхдержавы. Вряд ли кто-то рискнет оспаривать роль Брежнева в политике разрядки – вот уж кого следует считать (до Афганистана, конечно!) выдающимся миротворцем». «Брежнев несомненно оставил бы о себе добрую память, если бы сумел уйти до того момента, пока не одряхлел окончательно; увы, в народном сознании остался именно поздний Брежнев».

Валерий Солдатенко: «периодом устойчиво спокойного, неспешного движения общества в основном по заранее заданной траектории»; «вряд ли стоит солидаризироваться с теми, кто считает, что снижение темпов общественного развития доходило в то время до критических пределов». В то же время он отмечает нарастание новых проблем, которые старые руководители не были способны решать. Автор полагает, что «в известном смысле, очевидно, можно вести речь об эпохе Л. И. Брежнева, если не как о подготовке, предпосылке тяжелейшего, критического периода в истории СССР, то, во всяком случае, о том, что объективно она явилась его преддверием».

Василий Цветков: «Главный плюс, на мой взгляд, – ощущение стабильности и уверенность в завтрашнем дне. Осознание того, что ты живешь в великой державе, осознание непрерывности советского периода истории». К числу негативных моментов автор отнес «недостаточную гибкость сложившейся системы и отсутствие перемен».

С некоторыми оговорками в эту категорию позитивных оценок следует отнести и ответ **Вячеслава Меньковского**, который отметил, что Брежнев во внутренней политике никогда не переступал границу своеобразного «общественного договора» и не использовал крайние репрессивные меры. В реалиях советской истории это следует оценивать как огромный плюс. Властная система была даже более мягкой, чем многие постсоветские режимы. Главный недостаток эпохи автор формулирует так: «Базовым термином для характеристики эпохи Брежнева является «стабильность», со всеми плюсами и минусами, присущими этому термину. ...Но то, что соответствовало начальному этапу, и должно было стать лишь стартовой базой для развития, оказалось

стратегической линией Л. И. Брежнева на почти 20-летний период». ... «Общество хотело перемен, а власть на них была неспособна».

2. Более нейтральными были ответы ряда историков, которые отметили как плюсы, так и минусы политики Брежнева, не предложив общей оценки.

Андрей Колганов в числе плюсов назвал отсутствие разного рода массовых кампаний, основанных на волюнтаристских решениях, стабильность политики, а к минусам отнес «отсутствие понимания глубины проблем развития страны, что вело к проигрышу в соревновании с капитализмом».

Тамаш Краус отметил, что при Брежневе система государственного социализма стабилизировалась «как режим закрытый и налево (в сторону самоуправления), и направо, к рыночной капиталистической реставрации», но проиграла соперничество с Западом в плане производства качественных потребительских товаров. Автор считал важным и то обстоятельство, что Брежнев «не понимал, что его широкие внешнеполитические обязательства не соответствуют экономическим возможностям Советского Союза».

Генрих Иоффе указал, что быт рядового человека стал легче, но «усилилось обмещивание (перерождение) партийной и советской элиты», что «свидетельствовало о возможном крахе советской модели».

3. Более негативно оценили эпоху ряд других авторов.

Александр Бузгалин полагает, что «в этот период активизировалась внутренняя эрозия ростков социализма». Он видит причины «в торможении продвижения к коммунизму, в попытке компенсировать социальное творчество и демократию за счет использования в рамках бюрократического контроля рыночные начала».

Борис Колоницкий, отметив кадровый застой, говорит о постепенном отказе правящей элиты от «веры» в социалистическую идею. Автор полагает, что элита лишь маскировала марксистской терминологией свою новую идеологию. Он использует специфические термины (криптоконсерватизм, криптонационализм) для определения последней.

Джеффри Суэйн: «Полностью негативно. Брежнев представлял собой затянувшееся умирание его самого как человека, и советского общества в целом. При нем советская экономика оказалась в плачевном состоянии».

Цуёси Хасегава делает акцент на замедлении темпов развития советской экономики, сравнивая ее с темпами развития Германии, Японии и четырех

«азиатских тигров» (Сингапур, Гонконг, Тайвань и Южная Корея), и в этой связи ставит вопрос: «возможно ли реформировать командную экономику, не осуществляя демонтаж коммунистической диктатуры? Мой ответ – нет». Автор пишет, что «холодная война» заключалась не только в гонке вооружений и геополитической конфронтации, но и в соревновании «модерности»: какая система подходила для модернизации промышленно отсталых стран? По его мнению, те страны, которые придерживались советской модели, отставали, а страны, «принявшие капитализм, взлетели».

Валентин Шелохаев видит причину всех бед в тупике в области теории: «Ситуация, переживаемая в брежневскую эпоху, оказалась тем последним рубежом, который свидетельствовал об исторической неэффективности любых попыток «воскресить» отошедшие в далекое историческое прошлое марксистско-ленинские идеи, а также непродуктивности любых мер, направленных на исправление мобилизационного типа исторического развития, избранного в 1917 году. Тупик в области теории с логической неизбежностью привел к тупиковым ситуациям как в социально-экономической, так и в общественно-политической сфере».

8. Как Вы оцениваете эпоху М. С. Горбачева? В чем были плюсы и минусы его политики?

Классификация ответов на этот вопрос была особенно трудной, так как доминирующая негативная оценка деятельности Горбачева, как правило, объяснялась с разных позиций. Первую позицию можно обозначить как признание необходимости и возможности реформ социалистического характера при негативном отношении к политике Горбачева, поскольку он погубил советский строй и великую державу (с добавлениями тезисов об изначальном злом умысле или при отрицании такого умысла). Вторая позиция состояла в выявлении плюсов и минусов реформ при отсутствии ясного ответа на вопрос, какой социально-политический результат реформ был бы желателен: новая модель социализма или более безболезненный переход к модели капиталистического развития. Однако развал СССР как союзного государства оценивался негативно. Немногие авторы оценили деятельность Горбачева скорее позитивно, в том числе и в вопросе о развале СССР, сняв с него вину за такой исход реформ.

1. Первую позицию достаточно определенно высказали:

Александр Бузгалин, который отмечает, что во второй половине 1980-х гг. началось «активное возрождение социально-творческих начал» (реальное низовое производственное и территориальное самоуправление, развитие экологических и многих других социальных инициатив, неформальных общественно-политических объединений, пробуждение культурной и политической активности граждан). С другой стороны, он указывает на то, что «власть в этот период сохранялась в руках номенклатуры, стремившейся к обмену власти на собственность и капитал, т. е. к разрушению социалистического компонента советской системы, а вместе с тем и страны».

Михаил Воейков напротив уделил особое внимание персональной критике: «Из плюсов политики Горбачева можно назвать, конечно, гласность и демократизацию экономической и политической жизни. Но минусов его политики было существенно больше. Если взять экономику, то можно назвать крупнейшую ошибку его политики в этой области, когда правительство решило перейти к свободным ценам и начала этот процесс с цен на хлеб». «Ошибок в политике Горбачева было так много, что серьезно говорить о том, что у него была какая-то политика трудно».

Владислав Голдин: «Провозглашенная перестройка привела на деле не к обновлению и развитию социализма, а к разрушению его основ, что и обернулось распадом СССР, крушением мировой системы социализма и крупнейшей геополитической катастрофой XX века».

Владимир Калашников занимает тут же позицию. Он особо подчеркнул просчеты в проведении политики «гласности». Она привела к неожиданному для всех обострению межнациональных отношений, что сыграло главную роль в разрушении СССР, и падению власти КПСС. Все остальные ошибки, в том числе и в сфере экономики можно было преодолеть, если бы не вмешался национальный фактор. Именно он породил ГКЧП, ставший событием, которое позволило устранить КПСС – главный инструмент, который обеспечивал существование СССР и советского строя.

Андрей Колганов: «Плюсы – попытка реформировать советский строй, демократизировать его структуру. Минусы – полное непонимание того, что и как нужно реформировать в советском строе, отсутствие последовательности в политике».

Тамаш Краус полагает, что Горбачев делал вид, что делает реформы в интересах трудящихся. «В действительности он преимущественно работал в интересах высших слоев общества, высших эшелонов власти».

Валерий Солдатенко: «за внешне привлекательными лозунгами «совершенствования социализма», «демократического социализма», «социализма с человеческим лицом», призывов к демократии, гласности скрывался стратегический расчет таких «прорабов перестройки» как ближайший сподвижник М. С. Горбачева А. Н. Яковлев – ликвидировать Коммунистическую партию Советского Союза, завести социал-демократические порядки, осуществить предательский демонтаж социализма».

Сквозь призму личного восприятия той эпохи ответил на вопрос **Василий Цветков:** «Позитивно, хотя мне трудно здесь быть объективным. Ведь это моя молодость. 1985–1987 годы – лучшие годы моей жизни в СССР. Это вера в новый этап социализма, в то, что нам, молодым предстоит строить, созидать, а не готовиться к возможной войне. «Перестройка» была объективно необходима. ... К числу принципиально важных «минусов» я бы отнес переоценку степени политической культуры и степени готовности к конструктивному самоуправлению в советском обществе. Назревшие процессы «демократизации» оказались неуправляемыми».

Генрих Иоффе: «Не вижу у Горбачева плюсов. Вижу политику обмана».

2. Вторую позицию с теми или иными нюансами выразили:

Руслан Гагкуев: «Непоследовательность и противоречивость политики М. С. Горбачева привела к системному кризису советского государства ... к развалу СССР».

Ёсиро Икэда: «более постепенная реформа привела бы к лучшим результатам. Однако, уже к началу 1980-х гг. экономический потенциал СССР стал слишком низкой, так что Горбачеву было трудно провести реформу постепенным образом».

Борис Колоницкий: «Старая партийная элита, объединенная чисто формально, а по сути расколота, оказалась не готова к борьбе за власть в условиях кризисов. Но это имело и положительную сторону: все же СССР смог избежать большой гражданской войны».

Вячеслав Меньковский: стратегический выбор представляется нам правильным. «Ускорение» и «перестройка» стали необходимыми этапами ре-

формирования неэффективной системы. Автор признает тактические ошибки, но не определяет ясно своей позиции в вопросе о том, была ли реальной новая модель социализма или советский строй был в принципе тупиковым проектом.

Александр Пученков: «перестройка задумывалась ее инициаторами для укрепления существовавшего в СССР общественного строя, а вовсе не для развала страны»; «всё лучшее, что есть в нашей жизни, равно как и всё худшее, – следствие тех, уже далеких ныне, перестроечных лет».

Джеффри Суэйн: «Слишком поздно. В 1960-е молодые люди еще интересовались (верили) в социализм. Брежнев убил эти настроения. Застой вел к тому, что молодежь стремилась получить более высокий уровень жизни и не хотела слушать тех, кто предлагал ей старые рецепты».

Валентин Шелохаев: «М. С. Горбачев, оказавшись по воле случая во главе СССР, бесславно завершил цикл попыток своих предшественников ("верных ленинцев") реанимировать ленинские и бухаринские идеи периода НЭПа. Едва ли он в полной мере осознавал, что изменение принципов функционирования социально-экономической основы советской системы (постепенное "внедрение" в нее частнособственнических и гражданско-правовых отношений, хотя и под контролем государства и партии) с логической неизбежностью приведет к демократизации и в сферах общественно-политической жизни, а также потребует реформирования КПСС».

Цуёси Хасегава: «Горбачев допустил кардинальные ошибки в ходе проведения политической и экономической реформ. Я считаю, что в интересах людей бывшего Советского Союза, а также ради стабильности международной системы, границы Советского Союза (за исключением стран Балтии) должны были быть сохранены, поскольку это было поддержано на референдуме. Но вина за распад Советского Союза должна лежать на Ельцине, а не на Горбачева. Фактически, его отказ от должности главы исчезающего Советского Союза без попытки удержать его военной силой, был одним из звёздных моментов Горбачева». В его ответе преобладает позитивная оценка деятельности Горбачева с точки зрения «общечеловеческих ценностей» при признании серьезных ошибок в его действиях.

9. В чем Вы видите основные достижения и неудачи советского периода в истории России?

В первую категорию занесены ответы, в которых достижения СССР рассматриваются как результаты социалистической модели развития, а неудачи не рассматриваются как свидетельства изначального утопизма или обреченности «советского социализма».

Александр Бузгалин, говоря о достижениях, написал: «СССР показал, что развитие по пути к коммунизму возможно даже в условиях, которые минимально могут создать предпосылки для такого исторического процесса – в условиях страны, разрушенной сначала Первой, а затем Второй мировыми войнами, в условиях непрекращающегося мощного давления большей части мирового сообщества». Главным недостатком он считает «бюрократическое вырождение власти; мутацию социалистических ростков в экономике, политике, идеологии; развитие на их месте насильственных бюрократических форм и псевдо-рыночных субститутков; обмещанивание масс и т. п.».

Владислав Голдин среди главных достижений отметил «высокую динамику экономического развития и всех сфер жизни общества», ликвидацию эксплуатации, высокую социальную мобильность общества, уверенность людей в завтрашнем дне, отношения дружбы, взаимопомощи, интернационализма в рамках СССР. К числу недостатков автор отнес неспособность централизованной экономики быстро перестраиваться, реагировать на спрос, а также использовать в полной мере, созданный высокий научный потенциал для реализации задач в экономике и в других сферах развития общества.

С таким ответом солидарен **Владимир Калашников**, который вновь подчеркнул, что успехи СССР были обусловлены преимуществами советского строя как ранней модели государственного социализма, которая в крайне тяжелых исторических условиях *выигрывала* соревнование с капитализмом. В качестве аргумента автор приводит Индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index) – самый общий показатель развития, вычисляемый экспертами ООН. Он составляется на основе трех факторов: душевой ВВП, уровень образования, продолжительность жизни. За период 1913–1990 гг. индекс вырос в России в 4,5 раза, в США – в 2,3 раза, в Великобритании – в 2 раза. Автор подчеркивает культурный взлет в советский период,

отмечая доступность достижений мировой культуры для широких слоев населения, высокий гуманизм и гражданственность советской культуры.

Близок к этой позиции **Андрей Колганов**, который отмечает в качестве достижений создание индустриального экономического базиса, значительный прогресс в вертикальной социальной мобильности населения, развитие интеллектуального потенциала и широкой системы социальных льгот и гарантий». Основную неудачу автор видит в «отказе от реального формирования, по выражению К. Маркса, "товарищеского способа производства"».

Тамаш Краус: «Развитие СССР показало человечеству, что в трудных условиях ... можно начать реализацию некапиталистической альтернативы, в рамках которой десятки народов поднялись из социального и политического небытия в социально-культурное бытие». Автор также подчеркивает роль советской культуры, которая «во многом стала передовой частью мировой культуры». С другой стороны, он отметил, что ошибки в ходе развития «довели рабочий народ до того, что не защитили те достижения, о которых только сегодня можно точно и ясно понять, что это были действительно достижения».

Валерий Солдатенко говорит о том, что развитие СССР доказало «неоспоримые преимущества социалистического варианта общественной поступи». Особо выделяет решение национального вопроса: «обеспечения реального равноправия и добровольного единения, олицетворения братского сотрудничества» в рамках СССР. Поражение советской модели развития автор связывает с субъективным фактором и подчеркивает, что от этого поражения «пострадали не только народы Советского Союза. Пострадал весь мир. Был утрачен многообещающий ориентир социального, национального, духовного, подлинно цивилизационного прогресса».

Объективно к этой категории примыкает и ответ **Александра Пученкова**, который прямо не говорит о социалистических корнях советских успехов, но считает «иррациональным» желание советских людей на фоне неудач перестройки «поскорее распрощаться с коммунистическим проектом». Плюсы советской эпохи автор формулирует так: «В советское время русская цивилизация, по всей видимости, достигла высшей точки своего развития». Среди недостатков отмечает то, что положительные моменты сочетались с лицемерной пропагандой, косностью политической элиты.

По этим же основаниям в первую категорию можно поставить и ответ **Бориса Колоницкого**, который в качестве недостатка советского проекта называет «неудачные модели воспроизводства политической элиты и *неспособность развить социалистическую идею*». Автор не формулирует тезиса о принципиальной недееспособности социалистической идеи. В качестве одного из главных достижений он называет успех большевиков в превращении Российской империи в федерацию, назвав его «одним из наиболее успешных проектов революции, необходимым для окончания гражданской войны».

Возьмем на себя смелость включить в эту категорию и ответ **Валентина Шелохаева**, который уклонился от выражения определенной позиции, сославшись на то, что как он отметил ранее, ответ на этот вопрос «зависит от выбора принципов и критериев оценок достижений и неудач советского периода истории России-СССР». Автор имел в виду свой ответ на пятый вопрос (о сильных сторонах «сталинской модели»): «Исследователь или простой обыватель, решая произвести "инвентаризацию" сталинского наследия, оценить его роль в истории, должен, прежде всего, решить для себя, какую "точку отсчета" он собирается избрать. Если отталкиваться от того состояния, в котором Сталин принял страну, и сравнить его с тем состоянием, в котором он ее оставил потомкам, то результаты, как говорится, видны невооруженным глазом. Если смотреть через призму сталинского Гулага, ... то картина, разумеется, будет иной».

Вторую категорию составляют ответы, в которых социалистический аспект советской модели не прослеживается или отрицается.

Михаил Воейков считает советский строй госкапитализмом, а не социализмом и так оценивает его достижения и неудачи: «СССР был вполне респектабельным и конкурентоспособным социальным государством. К неудачам и ошибкам советского периода можно отнести, прежде всего, неразвитость рыночных начал в экономике, слишком жесткую централизацию управления, отсутствие демократизма и самоуправления на местном уровне».

Руслан Гагкуев также видит успех в «построении системы государственного капитализма, социально-ориентированного государства, повлиявшего на развитие всего мира на протяжении большей части XX века». А одной из главных причин неудачи «советского проекта» считает «фактическую ликвидацию национальной государственно-мыслящей элиты».

Джеффри Суэйн, никак не оценивая социально-экономическую суть советской системы, видит ее плюс в отношении к образованию, а минус — в отношении к образованной части населения.

Цуёси Хасегава не считает индустриализацию и модернизацию крупным достижением Советского Союза и полагает, что «если бы либеральная демократия была установлена раньше, индустриализация прошла бы без огромных затрат». Иными словами, он исключает из своего анализа реальную задачу преодоления губительного отставания от развитого Запада, которая стояла перед Россией по результатам первой мировой войны и определяла действия большевиков. Автор больше всего ценит в истории России «ее культурное наследие, литературу, поэзию, фильмы, музыку, театр, балет» и полагает, что это культурное наследие пережило «ужасную историю 75 лет советского периода».

Василий Цветков выделяет три наиболее важных достижения: сохранение единства страны в условиях, последующих за революцией и Гражданской войной; значительный технологический рывок, развитие наук, в том числе и гуманитарных; решение насущных социальных проблем. Далее он выделяет «три неудачи, ставших как бы оборотной стороной успехов»: не удалось добиться подлинного единства для всех республик; развитие оборонной и топливно-энергетической, добывающей промышленности в ущерб другим отраслям машиностроения и наукоемких технологий; не способность добиться общественного согласия в отношении социальных приоритетов.

Два историка, подобно двум авторам из первой группы, делают сильный акцент на проблему национально-государственного устройства СССР.

Ёсиро Икэда в качестве главного достижения называет «советскую модель федерации с созданием государственной единицы для каждой национальности».

Вячеслав Меньковский также уделил особое внимание проблеме межнациональных отношений, но представил свою позицию в форме вопроса, который может быть по-разному понят: «При взгляде извне, из Беларуси, представляется, что важнейшей проблемой России в контексте рассматриваемых вопросов, была проблема самоидентификации. Россия на протяжении всего советского периода искала ответ на вопрос, является она Россией или Советским Союзом?».

10. Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий)?

Большинство авторов отрицают неизбежность краха советской модели, но признают необходимость ее трансформации. При этом ряд авторов признают возможность ее совершенствование как социалистической модели развития. Другие занимают в этом вопросе менее определенную позицию. По-разному определяется точка «невозврата» – рубеж, когда негативные процессы стали развиваться в русле катастрофы.

Александр Бугалин: «Уход с исторической арены СССР стал неизбежен только в последние десятилетия, с поражением «оттепели» 1960-х». При этом автор подчеркивает бесценность накопленного опыта «не только борьбы, но позитивного созидания, особенно мощного, несмотря на все деформации, в СССР».

Владислав Голдин: «Краха СССР не был закономерен и неизбежен. Страна имела хорошие возможности, резервы и потенциал для развития. Неправимые ошибки, допущенные руководством СССР во внутренней и внешней политике ... предопределили распад и крушение СССР и социалистической системы».

Генрих Иоффе: «Как не было закономерным пришествие Советской модели, так не был закономерен и ее крах. Да, нужны были умные реформы, но для них нужны были и соответствующие реформаторы.

На роль субъективного фактора указывает и **Валерий Солдатенко:** «На рубеже 80-х – 90-х гг. прошлого века судьба СССР в решающей степени зависела от субъективного фактора, точнее от настроения, поведения партийно-советского руководства. Судя по всему, оно оказалось не готово к скольконибудь серьезным испытаниям».

Владимир Калашников подчеркнул, что крах СССР и советского строя был следствием маловероятного совпадения ряда обстоятельств непосредственно в период «перестройки». Особое место в их ряду занимает ГКЧП, которое и позволило прийти к власти в России команде Ельцина. Автор отметил, что в 1980-е годы ни одна из правительственных аналитических служб Запада не предсказывала краха СССР как союзного государства и советского строя. «Беловежские решения» декабря 1991 г. для лидеров Запада были шоком. Они долго не могли в них поверить. Крах советской эконо-

мики не предсказывали и серьезные экономисты. В середине 1970-х группа международных экспертов во главе с американским экономистом В. Леонтьевым под эгидой ООН разработала серию прогнозов экономического состояния мира в 1980, 1990 и 2000 годах. Прогнозы были опубликованы в монографии «Будущее мировой экономики» (1977). По этим прогнозам, среднегодовые темпы прироста валового продукта в 1970–2000 гг. должны были составлять в США и Канаде – 3,3 %, в Западной Европе – 3,7 %, в Восточной Европе – 4,9 %, в СССР – 5,2 %.

Андрей Колганов занимает иную позицию, говоря о высокой вероятности краха модели: «Я не считаю крах СССР и советского строя фатально предопределенным, но вероятность именно такого исхода была наиболее высокой. Чтобы этого не произошло, должен был сложиться исключительный комплекс субъективных факторов, компенсирующих недостаток объективных предпосылок движения к социализму».

Василий Цветков также признает возможность эволюции советской модели: «Это экономическое, политическое и идеологическое единство. Недостаточно прочное, как показали события, но потенциально готовое к развитию». Автор особо подчеркивает, что «ни в коем случае крах СССР не был закономерен. Существование союза республик, союза государств... а на основе общих интересов и ценностей, было объективно необходимо и оправданно».

Два автора указывают на опыт Китая как возможную альтернативу.

Тамаш Краус отметил, что «система без перемен, без формационного изменения, без реформ не могла существовать дальше. Вопрос был поставлен ... куда идти: обратно к капитализму, или вперед к самоуправленческому социализму. Третья возможность вырисовывается в развитии Китая...».

Борис Колоницкий: «Можно ли было реформировать СССР, не допустить его распада, скорректировать модель социализма? Опыт Китая показывает, что такие шансы были. Наиболее благоприятными они, наверное, были в конце 1950-х – начале 1960-х годов».

Михаил Воейков отмечает, что крах СССР как многонационального государства не есть какая-то закономерность, а скорее «очень трудный и мучительный процесс поиска новой формы объединения». Крах советского строя он понимает как крах общества, которое, по сути, «социализмом не было. Поэтому, это «крах» названия, формы. Но суть социально-экономического устройства России осталось та же».

Руслан Гагкуев полагает, что «советская модель» никогда не существовала в некоем финальном виде. На протяжении своего существования она менялась и была способна к некоторым изменениям и в дальнейшем. Он считает, что «трансформация советского строя была неизбежной, при этом развал Советского Союза таковым не был».

Ёсиро Икэда отметил, что в истории человечества «крах» часто оказывался частью процесса возрождения. Автор полагает, что и крах Российской империи, и крах СССР, были органичными частями развития истории российской государственности.

Вячеслав Меньковский с акцентом на право выхода из СССР без анализа сути строя отмечает: «В конкретной ситуации, сложившейся после попытки государственного переворота в августе 1991 г., распад Советского Союза стал неизбежен».

Александр Пученков отмечает, что у него нет окончательного ответа на этот вопрос.

Валентин Шелухаев сделал акцент на бесперспективность поиска ответа на такой вопрос: «Исторический процесс альтернативен и многомерен, поэтому говорить о какой-то закономерности и тем более неизбежности реализации лишь одного варианта бесперспективно».

Два автора более определенно заявили о неизбежности краха советского строя и государства.

Джеффри Суэйн: «Неизбежен после: 1) устранения Хрущева в 1964 г. 2) укрепление неосталинизма после вторжения в Чехословакию в 1968 году».

Цуёси Хасегава: «Распад Советского Союза был неизбежен. Командная экономика и однопартийная диктатура устарели и не могли более поддерживать прогресс. И любые попытки трансформировать систему привели бы к распаду Советского Союза».

Таким образом, проведенный экспресс-анализ ответов на предложенный вопросник показывает большую палитру мнений, которые нередко носят противоположный характер. Этот результат говорит о необходимости дальнейшей разработки всех указанных проблем. Он также говорит и о большой роли субъективного фактора: личных позиций ученых, которые при опоре на одну и ту же фактическую базу делают совершенно разные выводы.

III. СТАТЬИ

Г. З. Иоффе

Запоздалый ответ. Воспоминание

Шла Перестройка. Советскую историю, начиная с Октября и раньше, кто мог и хотел, выворачивали наизнанку. Она совершала кульбит. Там, где был жирный плюс, ставили такой же минус. Историки съежились, замкнулись. В своем кругу искали «пятый угол». Как-то собрались мы, несколько историков, в ультраперестроечной редакции газеты «Московские новости»: В. Логинов, В. Сироткин, А. Игнатъев, В. Шевелев, я. Был кто-то еще. Обсуждали 1917-й год. Вышли в коридор покурить, тогда это можно было. Там стоял и уже дымил Лен Карпинский. Это был сын русского революционера, близкого Ленину. После окончания МГУ он был на комсомольской (секретарь ЦК ВЛКСМ) и редакторской работе («Правда», «Известия») и др. За критику партийной политики в 1975 г. его исключили из партии. В Перестройку одно время, кажется, являлся заместителем главного редактора «Московских новостей» Егора Яковлева.

Спрашивает нас:

— Что это вы там обсуждаете?

Отвечаем:

— Да вот нашу советскую историографию...

Усмехнулся:

— А разве была такая?

Мы тогда ничего не ответили. А теперь? Да, в 1920-е – 1930-е гг. и позднее она, как это видится в наши дни, представляла собой социологическую, политико-пропагандистскую «схлестку» тезисов и цитат. Конкретной, живой истории почти не было места. Но то время прошло. Расскажу о трех историях моего и предыдущего поколений.

Имя Эдуарда Николаевича Бурджалова я впервые услышал в 1948 или 1949 г. Я был тогда студентом МГПИ им. Ленина. Совершенно не помню, кто

тогда читал нам лекции по истории Октября. Но хорошо помню, что студентам раздавали (или мы покупали) тоненькие брошюры серого цвета, посвященные событиям русской революции. Автором их был Э. Н. Бурджалов. Нетрудно себе представить, как в этих брошюрках подавалась революция и т. д. Ведь история еще «железно» писалась по сталинскому «Краткому курсу». И в первые послевоенные годы не только ничего не изменилось, но, пожалуй, еще «ужелезнилось». В это время Э. Н. Бурджалов преподавал историю в высших научных учреждениях ЦК КПСС, работал ответственным редактором в газете «Культура и жизнь», проводившую ту же идеологическую линию.

Но когда в 1953–1954 гг. началась десталинизация и, если так можно сказать, «денаучизация» «Краткого курса истории ВКПб», Эдуард Николаевич совершил крутой поворот. Позднее я спрашивал у него, как это могло у него произойти. Он не мог мне ответить, сказал: «Время другое...».

Назначенный заместителем главного редактора журнала «Вопросы истории» (главным редактором была академик А. М. Панкратова), он стал его мощным «мотором» и изгонял из журнала идеологический догматизм. Он написал и опубликовал в журнале статью «О тактике большевиков в Февральской революции 1917 г.», в которой показал, что к свержению царизма большевики практически отношения не имели. Статья произвела впечатление разорвавшейся историографической бомбы. Это было время, когда «десталинизацию» стали притормаживать, если не тормозить, и по руководству журнала «директивные органы» нанесли крепкий удар. Бурджалов был обвинен в либерализме, буржуазном объективизме, в отходе от принципов партийности. Редколлегию сменили, а Бурджалова временно перевели в Институт истории, в Сектор Октябрьской революции.

Руководил сектором бывший партработник Ленинградского обкома Петр Никифорович Соболев. Тяжелые веки прикрывали его глаза, но из-под оставленных открытыми щелочек он, по-моему, углядывал все, что ему было нужно. Те, кто полагали и полагает, что доперестроечные партдогматики в сфере истории были ограничены и тупы, сильно ошибаются. Соболев, в частности, был умен, хитер, осторожен. Он прекрасно понимал, что в его секторе (да и в других) история пишется по идеологическим схемам, «спущенным» сверху. Но еще лучше он понимал, что даже самый небольшой отход от таких схем, в конце концов, приведет к потере им и такими, как он, мягких кресел и всех дополнений к ним. Мне он как-то доверительно сказал:

— «Никогда не старайся быть правым в вопросах, в которых неправы сильные мира сего».

Я даже ахнул, услышав из его уст такую мудрость.

И в Институте истории Эдуард Николаевич пробыл недолго. Вскоре перешел в Педагогический институт им. Ленина. Здесь ему, одному из крупнейших специалистов по истории революции, разрешили читать лекции только по истории феодального периода. И он читал так, что в аудитории негде было присесть, чтобы слушать Бурджалова.

В 1960-х гг. Эдуард Николаевич приступил к огромной работе: созданию монографии по истории Февральской революции. Можно сказать, что он пошел по целине, потому что сколько-нибудь серьезных работ по этой теме ни у нас, ни за рубежом тогда не было. Бурджалов «пропахал» не только мемуарику, но и архивы Москвы и других городов. Помню, что какой бы архивный фонд я не смотрел, на каждом листе использования уже стояла роспись Бурджалова. И два тома бурджаловской книги «Вторая русская революция», я думаю, никто не превзошел и по сей день. А я никогда не забуду, что в последние годы его жизни часто приходил к нему, и в наших беседах он многое рассказывал и предсказывал. Он говорил, что Октябрьская революция сошла с рельсов из-за мещанского рвения, что нужна новая революция. Не думаю, что он увидел бы ее в Перестройке.

Теперь о моем друге-ровеснике Анатолии Венедиктовиче Игнатьеве. Знаю, он всегда смущался, даже стеснялся, когда кто-то говорил о нем.

Первым, кого я встретил, придя на работу в Научный совет академика И. Минца в 1968 г., был Игнатьев. И с той поры мы были неразлучны. Рядом сидели на ученых советах, различных собраниях, как правило, вместе уходили домой. Дело дошло до забавного. Ответственным секретарем Отделения истории был в те времена молодой человек Чубарьян Александр Оганович. Сейчас он академик, директор Института, а тогда — ученый секретарь, на 2–3 года моложе нас. Но особое положение, постоянное пребывание среди академиков и член-корроров, может, в шутку, а может, и всерьез приводило его к тому, что здороваясь с нами, он называл нас «молодыми людьми». Мы не были в претензии.

Игнатъев был исследователь высокого класса. Это понимали все. И если теперь ученые, аспиранты и студенты имеют возможность глубоко изучать российскую внешнюю политику с конца XIX в. до Октября, то это и его заслуга. Каждый факт был им проверен трижды, каждое слово взвешено. Говоря словами Пушкина, «он вечный был работник». В последнее время его интерес все больше и больше стал смещаться к историческим персонажам, людям. Как-то я напомнил ему афоризм Р. Эмерсона: «Истории нет. Есть биографии». Подумав, он сказал: «Да, в этом есть правда». В конце 1980-х вышла его книга «С. Ю. Витте – дипломат», а затем вскоре – «Русская дипломатия в портретах». И когда уже тяжело болел, не оставил тяжелого труда редактирования многотомной «Истории внешней политики России». В письме просил меня написать для этого издания о «Русском политическом совещании». Во время гражданской войны члены этого совещания (октябрист Г. Львов, кадет В. Маклаков, монархист С. Сазонов, эсер Б. Савинков и народный социалист Н. Чайковский) пытались хотя бы фиксировать российские интересы перед странами-победительницами (Антантой). К великому сожалению, я не смог выполнить последнюю его просьбу.

Недавно довелось перечитывать последние статьи Ленина. Революция и гражданская война с их разрушениями – уже позади. Теперь надо было строить, созидать. Нужны были другие люди. Но людей, как писал Ленин, «за которых можно было ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, не побоятся признаться ни в какой трудности и не в какой борьбе для достижения серьезно поставленной себе цели» – таких людей катастрофически не хватало. Драгоценных людей, которые не пойдут против совести. Анатолия Игнатъева я запомнил таким.

Разве революция (в многообразных ее направлениях) без контрреволюции (в ее политическом разнообразии) бывает? Детский вопрос, а вот наша история Октября долгое время без контрреволюции фактически как-то обходилась. Не то чтобы она совсем отсутствовала, но в большинстве исторических трудов являла собой некий туманный, малоразборчивый фон. Однако время шло. В наших ориентирующих и контролирующих научных учреждениях (ИМЛ, Академия общественных наук при ЦК КПСС, Институт истории СССР и др.) стали появляться историки (Л. Спирин, К. Гусев, Н. Думова и др.), инициирующие необходимость закрытия «белых пятен» в истории осво-

бодительного движения в России. Книги этих и других авторов о кадетях, эсерах и т. д. вызывали большой интерес, но во многом, будучи написаны с еще краткокурсной «марксистско-ленинской» позиции, в значительной степени утрачивали историческую объективность. Многие историки понимали, что наша историография революции, по-простому говоря, «скособочилась» налево, тем самым искажая картину событий 1917-го года и гражданской войны. Нужно было выправить этот «левый историографический крен», создав полную картину революционных и контрреволюционных событий. Но это была непростая и даже опасная идеологическая и историографическая задача. Догматизм в оценках революции и контрреволюции был не только крепок, но и жесток. Тут, прежде всего, необходима была смелость. Организатор нового для нашей историографии направления вышел не из высоких центральных научных сфер, а с периферии. Им стал ректор Калининского (Тверского) университета Владимир Васильевич Комин. На большинство историков, интеллигентных и внешне, он не был похож. Выходец из крестьян, прошел фронт, партизанство. Был тяжело ранен. Простое лицо, таких лиц у людей двоедушных не бывает. В отличие от множества историков моего и предыдущего поколений, он не пичкал свои работы «цитатами классиков» и «указаниями высокостоявших товарищей» (нужны они были или нет) для продвижения своих рукописей или диссертаций. Хорошо знавшие его говорили, что как личности и историку ему были присущи «мощная интуиция и дерзость».

Наверное, мало кому известно, какие партийные и научные препоны пришлось преодолеть В. В. Комину для того, чтобы утвердить в своем «периферийном» университете небывалое направление, получившее название «история непролетарских партий». Название не очень удачное, но для начала вполне подходящее. Калининский (Тверской) университет с помощью Научного совета по истории Октябрьской революции фактически стал всесоюзной кафедрой по изучению всех российских политических партий, начиная с черносотенства и кончая Бундом. Сюда съезжались историки из разных городов, чтобы выступить с докладами и сообщениями. Эти встречи вошли в историографию под названием «Калининские симпозиумы». Их было пять: в 1976, 1979, 1981, 1987 и 1989 гг.

Материалы этих симпозиумов издавались. Перестройка прервала это. Нанесла историографии удар в то время, когда она стала развиваться и вширь

и вглубь. Снова политика и пропаганда подгибают под себя историю, и она вроде бы готова совершить новый кульбит.

Неужто прав был философ и историк Юрий Крижанич (XVII в.), который писал: «Не умеют наши люди ни в чем меры знать, не могут средним путем ходить, все по окраинам и пропастям блуждают...».

Мы любили свою страну и, несмотря на все препятствия, старались глубже изучать ее историю. Три примера, приведенные здесь, подтверждают это. Василий Шукшин написал простые, но полные большого смысла слова:

– Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наши страдания. Не отдай все это за понюх табаку. Помни это. Будь человеком.

Г. З. Иоффе

Тихий Симбирск и революционный Петроград: отец и сын Керенские и В. Ульянов (Ленин)

Рано утром 27 февраля 1917 г. на квартире депутата IV Государственной Думы и известного адвоката А. Ф. Керенского (Тверская, 29) прозвучал длинный телефонный звонок. Керенский сразу узнал говорившего. Это был депутат Думы, левый кадет Н. Некрасов.

«Приходите сейчас же в Думу», — взволновано сказал он.

Керенский спешно попрощался с женой Ольгой Львовной Барановской, сыновьями Олегом и Глебом, уже на ходу надел пальто, шляпу и выскочил на улицу. Не шел, а почти бежал. Не только из-за звонка Некрасова. У него была «бегающая» походка. Быстрая, на слегка согнутых ногах. Он и в охранке проходил под кличкой «Скорый».

Петроград был охвачен стихией революции, она подхватила Керенского, закрутила, завертела, понесла его дальше, дальше, дальше. И выше. Заместитель председателя Петроградского Совета, министр юстиции, военный министр, премьер-министр, верховный главнокомандующий. И все это в течение 8 месяцев существования Временного правительства! Весной и летом 1917 г. популярность Керенского достигла пика, фактически в стране воцарился его культ. В честь Керенского слагали стихи и поэмы.

Л. Каннегисер, поэт и одно время друг С. Есенина, в конце августа 1918 г. застреливший главу Питерского ЧК М. Урицкого, писал:

И у блаженного входа,
В предсмертном и радостном сне
Я вспомню — Россия, Свобода,
Керенский на белом коне.

В то самое время, когда, по словам С. Есенина, в Петрограде «калифствовал Керенский», там же активно действовал его земляк, тоже уроженец г. Симбирска, Владимир Ульянов. Керенский мог бы сказать о нем по-библейски: «Идущий за мной сильнее меня». Они никогда не встречались и, тем не менее, были тесно связаны, может быть, самой крепкой связью: борьбой за власть.

Керенский родился на 11 лет позже Ленина.

Разница в возрасте между ними исключала их встречи. Но вот любопытное воспоминание однокашника Ленина, поэта и переводчика А. Коринфского: Однажды, наблюдая как директор гимназии ведет по лестнице маленького сына, подбадривая его возгласами: «Вперед, вперед Александр Македонский», Ульянов будто бы сказал Коринфскому

– А знаешь, не нравится мне чем-то этот младший Керенский.

Было ли это на самом деле? Вряд ли гимназист Ульянов обратил внимание на малыша – сына директора гимназии. Коринфский писал этот свой «мемуар» в 1918 г., видимо, «подводя» его под «текущий момент».

Но если Владимир Ульянов и Александр Керенский не встречались, то, как известно, их отцы – Илья Николаевич Ульянов и Федор Михайлович Керенский – находились в самых дружественных отношениях. Они трудились на одном поприще – народного образования. Ф. М. Керенский был директором гимназии, в которой учился Владимир Ульянов, а И. Н. Ульянов являлся его начальником: инспектором народных училищ Симбирской губернии в чине статского советника (что равнялось генеральскому званию).

И кто мог предвидеть, что сыновья этих двух весьма почтенных, интеллигентных и вполне лояльных по отношению к существовавшему государственному режиму семей пойдут, хотя и разными, но антигосударственными путями? Но в 1886 г. неожиданно, еще совсем не в старых летах, скончался И. Н. Ульянов. Одна беда на другой год принесла другую – в Петербурге за подготовку покушения на жизнь царя Александра III был казнен старший сын Ульяновых, талантливый студент Александр. Нередко можно услышать, что экстремальная революционность Ленина взяла свое начало с той трагедии. Возможно, что и так. Но не исключено, что имелось и еще одно обстоятельство (тоже связанное с казнью брата), которое оказало немалое влияние на Владимира. Когда пришла весть о казни Александра, симбирское общество того времени показало себя во всей своей мещанской, обывательской «красе». Те, кто еще вчера, может быть, искал встреч с семьей инспектора народных училищ, даже заискивал перед «гражданским генералом», теперь делали вид, что плохо знали или совсем не знали его и его семью, отворачивались, старались обойти стороной. Вот пример. Многие отъезжающие тогда из Симбирска, обычно искали себе попутчика: путь был не простой, требовалось пересадка, перевозка вещей и т. п. Когда Марии Александровне понадо-

бился попутчик для поездки в Петербург по делу арестованного сына, Владимир обошел дома всех знакомых с просьбой помочь матери. Желающих не нашлось. Отказывались все. Наверняка 17-летний Владимир запомнил это.

А тогда он, заканчивая гимназию, «шел на золотую медаль». У него выходила лишь одна четверка: по логике, и руководство гимназии вправе было отклонить его кандидатуру. Но главное: кто вообще мог решиться дать медаль брату покушавшегося на самого царя? Но дали! И прежде всего благодаря кому?

Под золотым аттестатом В. Ульянова стоит подпись Федора Михайловича Керенского. Он сделал и большее. Выдал В. Ульянову блестящую характеристику, необходимую для зачисления в Казанский университет. Нетрудно себе представить, сколько противников Федор Михайлович встретил тогда. К сожалению, о взаимоотношениях Федора Михайловича и семьи Ульяновых мы знаем немного. Скорее всего, они были более близкими, чем об этом известно. Ф. М. Керенский не только выдал Владимиру блестящую характеристику, но, видимо, не раз говорил с ним. Так, он не одобрял его желания поступать на юридический факультет, советовал поступать на историко-филологический. Могло ли все это оставить равнодушным пребывавшую в глубоком горе семью Ульяновых?

* * *

Вскоре Симбирск покинули не только Ульяновы, но и Керенские. Федор Михайлович получил назначение в Ташкент главным инспектором народных училищ Туркестанского края. Когда читаешь о жизни молодого Керенского там, в Ташкенте, а затем в Петербурге, куда он приехал в 1905 г. учиться в университете, кажется, что эта жизнь вполне чем-то походит на ранний период жизни Ленина.

Гимназическая золотая медаль, учеба в университете сначала на историческом, а затем юридическом факультете. Цель — стать адвокатом. Но самое главное — приобщение к революционному движению. Раньше, в Ташкенте, да и поначалу в Петербурге Керенский мечтал стать актером (в гимназии он просто блестяще играл роль Хлестакова), но в Питере политика перечеркнула его театральные мечты. На одной из студенческих сходов в 1900 г. он произнес первую в своей жизни политическую речь, призвав собравшихся к борьбе за освобождение народа. Успех был большой. Оказалось, что Керенский обладал талантом митингового оратора. Этот талант в полной мере развернулся

в 17-м году. В речах Керенского была искренность, выражаемая с такой эмоциональной силой, которая подчас заставляла вытирать слезы даже неприемлющих революцию. А бывало, что во время выступления Керенский падал в обморок. Сказывались боли – следствие операции по удалению почки, которую он перенес в 1916 г. в Швеции (о Керенском в это время можно прочитать в рассказе Бабеля).

А разве политика – не огромная сцена, на которой может стоять он – Александр Керенский, и тысячи восхищенных взоров будут обращены на него?

В 1904 г. Керенский женился на Ольге Львовне Барановской. Ей тогда было 18 лет, она посещала Высшие женские (Бестужевские) курсы, была умна и красива. Друзья посвящали ей вдохновенные стихи. Она была дочерью генерала Л. С. Барановского и внучкой знаменитого академика, буддолога и санскритолога В. П. Васильева. Ольга Львовна целиком посвятила себя мужу. Как бы теперь сказали, она стала его имиджмейкером. В дни революции эта она придумала «революционную форму» – одежду для Керенского: вместо адвокатского сюртука, галстука и т. п. – полувойенный френч, фуражка. Знаменитая прическа Керенского – «бобрик» – тоже ее рук дело. Керенский же не оказался верен своей семье (в 1905 и 1907 гг. у него и Ольги Львовны родились два сына – Олег и Глеб) и своей первой любви. Ольга Львовна прощала мужа, считала: политика, как на крыльях, носит Александра Федоровича и требует для его артистической, эмоциональной натуры ярких вспышек.¹ Но так было в 17-м году. А позднее, когда все оказались за границей, и семья окончательно распалась, как вспоминал внук Ольги Львовны, она стала молчаливой и часто, ходя по комнате и сжимая ладони, тихо произносила: «Боже мой, Боже мой...».

* * *

Зима 1905 г. В России революция! Ее приветствует почти все общество, только настроенные революционно требуют свержения самодержавия, а либералы выступают за конституционную монархию. Но, так или иначе, они содействуют друг другу, загоняя власть в тупик. Помощник присяжного поверенного Александр Керенский настроен радикально, но он не с марксистами.

¹ Как уже говорилось, Керенский покинул дом, когда началась Февральская революция и с той поры в семью не возвращался. Но его сын Олег утверждал, что между Керенским и Ольгой Львовной существовали хорошие отношения. Официально они развелись в 1939 г. уже за границей.

В марксизме Керенский не видел внимания к человеку, индивидуальности, которая для него была превыше всего. В марксизме, — писал он впоследствии, — классовый подход поглощает сущность человека. Но без человека, без личности, индивидуальной и неповторимой, борьба лишается смысла. Керенского с его натурой не могло не привлекать эсерство, принявшее от народников идею исторической роли личности. По данным охранного отделения Керенский в 1905–1906 гг. даже входил в ЦК партии эсеров.

Сразу после того, как царский Манифест 17 октября объявил свободу печати, студентом Н. Мироновым была создана «Организация вооруженного восстания». Она издавала революционные листовки и бюллетень «Буревестник», преобразованный позднее в орган партии эсеров. Керенский с готовностью и энтузиазмом писал туда статьи, правда, подписывая их псевдонимом. Бюллетень и листовки Керенский и Барановская хранили у себя на квартире. Дальше — больше. Н. Миронов, другой студент А. Овсянников и двоюродный брат Ольги — С. Васильев организовали группу для распространения эсеровских материалов с пропагандой идеи вооруженного восстания. Тут было больше романтики, чем серьезного дела. У членов группы не было ни оружия, ни людей, готовых воспользоваться им. Но и революционная романтика — большая сила. К Керенским заходила студентка Бестужевских курсов Евгения Моисеенко. Ее брат Борис являлся членом Боевой террористической организации эсеров. Керенский просил ее устроить встречу с Борисом Моисеенко. Он хотел, как и Моисеенко, «работать в терроре», в частности, включиться в подготовку покушения на царя. Евгения устроила ему такую встречу, и Моисеенко пообещал дать ответ через несколько дней. При новой встрече он сказал: «Ничего не получится!» «Работу в терроре» санкционировал лично глава боевой организации Е. Азеф. С Керенским он встретиться не пожелал, но дал отрицательный ответ через Моисеенко. Это трудно объяснить, но можно предположить, что прямо-таки дьявольская интуиция «великого провокатора» не позволила ему поверить в готовность Керенского посвятить себя кровавому террору. Он как-то «учуял», что для того, чтобы стать И. Каляевым или Е. Сазоновым нужны качества, которых в адвокате Керенском напрочь отсутствовали. Так или иначе, получается, что Азеф уберег Керенского от возможного эшафота или каторги. Но по сведениям охраны какую-то связь с террористами Керенский, возможно, имел. Так после

убийства Столыпина Богровым Керенский, якобы знавший Богрова, уехал за границу, но т. к. Богров на допросах не называл его, вернулся в Россию.

Однако избежать ответственности за свои антиправительственные дела Керенскому все же не удалось. В декабре 1905 г. его арестовали и посадили в «Кресты». Долго не предъявляли никаких обвинений. Тогда Керенский объявил голодовку и держал ее 7 дней! Его освободили через 3 месяца и вскоре дело прекратили за недостаточностью улик. После Манифеста 17 октября в России царила либеральная атмосфера.

* * *

Утверждают, что после известия о казни брата Владимир Ульянов будто бы сказал: «Нет, мы пойдем другим путем». Было ли на самом деле это сказано – неизвестно. Керенский, выйдя из «Крестов», точно не произносил исторических фраз, он действительно пошел другим путем. Нелегалщина и подполье кончились. Отныне его местом стали адвокатская и думская трибуны, выступая с которых он вполне легально защищал политических противников режима, но своими речами колебал его устои.

Это было время, когда адвокаты-златоусты становились властителями дум. На всю страну гремели имена Ф. Плевако, В. Маклакова, В. Спасевича, О. Грузенберга, А. Зарудного, Н. Карабчевского и др. О Керенском как об адвокате некоторые его знаменитые коллеги высказывались по-разному. Но все же не будет ошибкой считать, что если он и не входил в первую десятку звезд русской адвокатуры, то за ее чертой его имя стояло недалеко.

Керенский с самого начала отверг свое участие в гражданских делах: только в политических! Он был членом комитета помощи жертвам Кровавого воскресенья, защищал крестьянских бунтарей в Эстонии, большевистских экспроприаторов в Миассе, членов армянской националистической партии «Дашнакцутюн», группу эсеров в Ташкенте. В 1912 г. он поехал на далекую реку Лену, где расстреляли рабочих, во главе комиссии по расследованию этого второго «9 января». Активно участвовал в общественной деятельности в защиту еврея М. Бейлиса, облыжно обвиненного в ритуальном убийстве (1911–1913 гг.). В 1914 г. Керенский вместе с адвокатом Н. Соколовым взял на себя защиту пятерки думских депутатов-большевиков, обвиненных в антивоенной пропаганде в войсках. На сей раз он проиграл дело: обвиняемые были приговорены к каторжным работам (но, когда Керенский после Фев-

ральской революции стал министром юстиции, он приказал немедленно освободить приговоренных большевиков).

Поездка Керенского на Лену совпала с компанией выборов в IV Государственную думу и, естественно, повысила его шансы быть избранным. Он и был избран от г. Вольска Саратовской губернии. В Думе Керенский примкнул к небольшой по числу мест «трудовой группе», связанной с традициями народников и эсеров. Но не избегала она соглашений и с социал-демократами.

Вступление Керенского в небольшую фракцию не помешало ему занять в Думе видное, влиятельное положение, играть значительную роль. Этому способствовали не только энергия, ораторское искусство и другие личные качества Керенского. Существовала причина, пожалуй, не менее важная — масонство.

В 1912 г. русские масонские ложи объединились в так называемый «Великий Восток народов России». Большого политического влияния масонство не имело, но в жизни и деятельности Керенского оно сыграло значительную роль. Масонская ложа в Государственной думе образовалась в 1911 г. Керенский, став думским депутатом, вступил в нее, вскоре заняв там руководящую роль. Для него масонство явилось той самой «площадкой», которая позволила ему осуществлять выношенную им еще по выходу из тюрьмы идею: успех освободительного движения придет только в том случае, если все его силы, все группы — либералы и социалисты — будут действовать в той или иной мере совместно. Здесь Керенский напрямую сталкивался с Лениным.

По Керенскому, власть должна быть соглашением партий во имя освобождения. По Ленину, Троцкому и другим, власть должна сокрушать противников ради победы пролетарской революции. Точка зрения Керенского предполагала «срединную» политическую линию. Позднее, летом 1917 г. он бывал у поэтессы Зинаиды Гиппиус и ее мужа писателя Дмитрия Мережковского. Гиппиус записала в дневнике слова Керенского: «Мне трудно, потому что я борюсь с большевиками левыми (ленинцами — *Г. И.*) и большевиками правыми (бывшими монархистами и др. — *Г. И.*), а от меня требуют, чтобы я опирался на тех или других... Я хочу идти посередине, а мне не помогают». Но кто должен был ему помогать в обстановке социального столкновения? Можно ли было вести политику лавирования в период максимального революционного накала, который потрясал всю огромную страну. Преобладал глубокий и широкий раскол общества, а не тенденция к его объединению. Таково, во всяком случае,

было убеждение Ленина. «Середины нет, — писал он, — и быть не может. О середине мечтают барчата, учившиеся по плохим книжкам».

* * *

В начале июля Временное правительство ликвидировало вооруженное выступление левых (и большевиков), но не довело эту ликвидацию до политического конца. Некоторые большевики, тем не менее, были арестованы, однако Ленин, которого как полагают некоторые историки, сумели предупредить люди, близкие к Совету рабочих и солдатских депутатов, скрылся, ушел в подполье. В окружении Керенского многие настаивали, чтобы Ленин был, во что бы ни стало, найден и арестован. Более того, близкая к Керенскому старая народоволка, «бабушка русской революции» Е. Брешко-Брешковская требовала, чтобы Ленин и другие большевики были не только арестованы, но и посажены на баржу, которую следовало вывезти в Финский залив, «открыть в дне пробки» и утопить баржу вместе с людьми. Но Керенский, вспоминала она, решительно отвергал советы «этой бабуси революции», поскольку считал, что все должно быть по закону.

Много лет спустя, уже будучи в эмиграции, Керенский рассказывал одному журналисту о любопытном эпизоде 17-го года. К нему на прием явился некий военный и заявил, что если он получит 50 тыс. рублей, то доставит Ленина в любом виде: живым или «в мешке». Керенский утверждал, что он страшно рассердился, накричал на этого военного, что он живет в демократической стране, где все делается по закону и выгнал его. «Так я спас вашего Ленина», — усмехнувшись, сказал он.

Ленина сыщики Временного правительства так и не нашли, хотя из своего шалаша на станции Разлив он перебрался совсем близко к Петрограду, в Финляндию, где жил... у начальника полиции — социал-демократа. Можно сомневаться, что у правительства не существовало канала, по которому невозможно было подобраться к этим ленинским «укрытиям». Утверждать, что Керенский сознательно и рассчитано не желал «взятия» Ленина, конечно, невозможно. Но соображений, в силу которых он и не слишком к этому стремился, полностью исключить, вероятно, нельзя. Керенский не мог не понимать, что без Ленина большевистская партия будет политически намного менее значимой. А это может привести к ослаблению всей радикальной части левого фланга и, как следствие, к усилению правого фланга, которого он опа-

сался больше левого. Правая угроза постоянно виделась ему. Он сослал арестованную семью Романовых в далекий Тобольск, опасаясь освобождения бывшего царя монархистами. Поездка бывшей фрейлины императрицы М. Хитрово в середине августа в Тобольск вызвала настоящий переполох в верхах и была раздута в «дело Хитрово» – предполагаемый монархический заговор. Впрочем, «корниловщина» показала, что в какой-то степени опасение Керенского было обосновано: левые (большевики) поддерживали (пусть в своих интересах) Керенского против правых (Корнилова).

Существует еще одно соображение, которое Керенский, пожалуй, не мог не учитывать. Он все-таки долгое время находился по одну сторону баррикад с левыми. Многие из тех, кто входили в этот лагерь, лично знали друг друга, считали, что делают одно дело, являются участниками общей борьбы с монархией. П. Струве шутил, например, что меньшевики – это те же большевики, «только в полбутылках». Впоследствии возникли расхождения, но все же не настолько, чтобы сблизиться с правыми. Керенский был из этого лагеря. Узнав о революции в России, Ленин из Цюриха послал петроградским большевикам телеграмму с политическими директивами. И между прочими указывал «Керенского особенно подозреваем». Не совсем ясно в чем, собственно, должен был подозреваться Керенский, но скорее всего, подразумевалось его влияние на массы.

И еще одно обстоятельство, которое тоже нельзя не учитывать. Керенский не встречался с Лениным, но, несомненно, знал о нем по рассказам отца, знал и о дружбе его с И. Н. Ульяновым, о том, что сделал для молодого В. Ульянова Федор Михайлович. Керенский почитал и любил своего отца, и он мог себе представить, как бы ужаснулся отец, узнав, что в возможном аресте или даже смерти второго сына И. Н. Ульянова мог участвовать его сын! Поэт А. Вознесенский, будучи в США, выступал в Колумбийском университете. Туда пришел и Керенский. В разговоре с поэтом он, в частности, сказал, что «Ленина уважал и как гимназиста-одноклассника».

* * *

Пока Керенский, идя «посередине» и стремясь сохранить политическое равновесие, наносил (в июле) удар по крайне левому флангу (большевикам), на противоположном фланге «набухала» правая опасность. Ее ядро составляло консервативное офицерство. Выдвинулся и лидер: генерал Лавр Корнилов. В 1915 г. он попал в плен, но на следующий год совершил подвиг: бежал.

После Февральской революции, как популярный генерал, был назначен начальником Петроградского военного округа, а затем командующим 8-й армией на Юго-Западном фронте. В июльском наступлении, на которое правительство делало большую политическую ставку, армия Корнилова действовала успешнее других, но в целом наступление провалилось, многократно усилив как военный, так и экономический развал в стране. Корнилов, назначенный Верховным главнокомандующим, заговорил с правительством почти ультимативным языком. Он требовал создания в России «трех армий»: армии в окопах, армии в тылу и армии на железных дорогах. На фронте и в тылу при этом предлагалось ввести смертную казнь. Фактически это был план милитаризации страны и установления диктатуры. Керенский колебался, но понимал, что без «наведения порядка» не обойтись. Начались переговоры в Ставке (г. Могилев). Со стороны Керенского их вел его заместитель по военному министерству Б. Савинков. Ситуация была такова, что переговорщики не верили друг другу. Керенский не верил Корнилову и Савинкову, Корнилов не верил им обоим, особенно Керенскому.

До сих пор среди историков нет единого мнения, что действительно задумывал Корнилов. Только разгром большевиков, разгон революционно-демократических организаций (Советов и др.) или вместе с этим устранение и самого Временного правительства с заменой его диктатурой Корнилова. То есть вопрос в том, шла ли речь об укреплении режима или о военном перевороте, ликвидирующем его?

Между тем, правительство опасалось, что в конце августа в столице произойдет новое выступление большевиков. По соглашению с Савинковым Корнилов двинул 3-й конный корпус и Туземную дивизию к Петрограду. Готовилась, как бы сегодня сказали, «зачистка» столицы. Когда войска уже были на походе, Керенский получил сообщение, что Корнилов будто бы готовит антиправительственный переворот. Верным оно было или нет — остается вопросом, но Керенского ударила «паническая атака». От возможных соглашений не осталось и следа.

В этот момент, находившийся в Финляндии, Ленин проявил себя политиком высшего ранга. Он предложил большевикам заключить с Керенским антикорниловский компромисс, ибо было очевидно: победа Корнилова может стать концом для всех революционных сил. Но компромисс этот должен был

быть временным: до поражения Корнилова. Пока же большевикам следует идти вместе с Керенским.

Ленин помог Керенскому подавить корниловский мятеж. Этим он переиграл его, поставив в положение, которое шахматисты называют цугцванг: нет хорошего хода. В такой же ситуации оказался Керенский со своей политикой «движения посредине».

Большевики (левые) в борьбе с Корниловым получили все возможные преференции как наиболее последовательная революционная партия. За ними шли массы, у них была вооруженная сила — Красная гвардия. Теперь они готовились к свержению Временного правительства Керенского. Корниловцы (правые) были разгромлены, они не только перестали быть опорой Керенского, напротив, они возненавидели его за предательство и некоторые из них даже желали, чтобы большевики свергли его: долгого пребывания их у власти они просто не мыслили. О Керенском распространялись самые нелепые слухи. Утверждали даже, что он был не Керенский, а еврей Арон Кирбис, усыновленный Ф. М. Керенским и его женой, тоже якобы еврейкой — Надеждой Адлер. «Рейтинг» Керенского пал почти до нуля.

Керенский мог в какой-то мере надеяться на некоторые фронтовые части, но так называемые умеренные социалисты (эсеры, меньшевики и др.), опасаясь второй, более успешной корниловщины, рекомендовали Керенскому лишь политические методы борьбы с большевизмом. Тогда он решил действовать на свой страх и риск. Когда 25 октября большевики начали планомерный захват города, Керенский рванулся в Псков, где находился штаб Северного фронта. А Зимний дворец был уже в руках большевиков, и находившиеся там министры Временного правительства взяты под арест и отправлены в Петропавловскую крепость. Проходивший в это время 2-й Съезд советов принял решение и об аресте отсутствовавшего Керенского. Но нет свидетельств о том, что розыск велся.

* * *

Революционные демократы беспокоились напрасно: второй корниловщины не повторилось. Главнокомандующий Северным фронтом генерал В. Черемисов в Пскове не пожелал, как он выразился, «ввязываться в петроградскую передрагу». Он выжидал, не спешил делать ставку ни на Керенского, ни на Ленина (тогда это называли быть членом партии КВД — «Куда ветер ду-

ет»). Но некоторые мемуаристы и авторы не исключают того, что Черемисов тайно поддерживал большевиков, рассчитывая на их быстрое падение и свое «наполеоновское» будущее. Так или иначе, занятая им позиция удержала большевиков у власти. Только несколько казачьих сотен из состава 3-го конного корпуса (теперь им командовал генерал П. Краснов) и небольшая эсеровская дружина, сформировавшаяся в Луге, согласились двинуться с Керенским на Петроград. Они дошли до Царского села, но затем были вынуждены отступить в Гатчину. Вскоре сюда прибыли большевистские делегаты — П. Дыбенко и А. Трухин. Они договорились с казаками, что боевые действия прекращаются. Керенского выдают в Петроград, а казаков беспрепятственно пропускают на Дон. На листочке бумаге, наспех вырванном из какого-то блокнота, своим невероятно неразборчивым почерком Керенский второпях написал: «Слагаю с себя звание Министра-председателя, передаю все права и обязанности по этой должности в распоряжение Временного правительства. А Керенский. I.XI-17г.»

Керенского переодели в матросскую форму, надели большие шоферские очки («консервы») и в сопровождении «матроса Вани» и еще одного человека он покинул Гатчинский дворец. Пересекли двор, заполненный казаками, вышли на длинную аллею, которая вела к Китайским воротам Гатчинского парка и сели на телегу к какому-то мужичку, дав ему, к его изумлению, сто рублей. У Китайских ворот уже ждала машина. Керенский сел на заднее сиденье, снял очки. Шофер даже не оглянулся, дал газ. Керенскому запомнилось, что всю дорогу он насвистывал мелодию А. Вертинского. Это было 1 ноября 1917 г.

Не прошло и 4-х месяцев, как Керенский и Ленин поменялись местами. Теперь Ленин правил огромной страной, а Керенский скрывался в глухих местах. Сначала он находился в деревне Ляпунов Двор под Лугой, в доме у родных «матроса Вани». Отрастил бороду и усы и стал малоузнаваем. Тут он пробыл полтора месяца, а во второй половине декабря переходил из селения в селение. Жил в имении Заплотье, принадлежавшее лесоторговцу Беленькому, затем перешел на хутор Щелкалов, а оттуда даже в психиатрическую больницу доктора Фризена (под Новгородом) и, наконец, в дом старого народника Л. Каменского. Приезжавшим эсерам из бывшего его окружения — Б. Моисеенко, В. Зензинову, В. Фабриканту и др. он говорил, что собирается выступить на открытии Учредительного собрания, но они сочли это нецеле-

сообразным, политически даже вредным. Бывшего премьера перевезли в Финляндию, но туда вскоре вступили немецкие войска, и он тайно перебрался в Петроград, а весной 1918 г. — в Москву. Он все еще верил в свою звезду, а она уже безвозвратно закатилась.

Из его стремления поехать в Самару, где в начале июня возникло эсеровское правительство Комуч, ничего не получилось: эсеровские лидеры посчитали это не только не нужным, но и вредным для партии: «рейтинг» Керенского катастрофически упал.

* * *

Ко времени нахождения Керенского в Петрограде и Москве большевистская власть уже «разобралась» с министрами последнего Временного правительства, арестованными при захвате Зимнего дворца. Они очень недолго просидели в Петропавловской крепости. Некоторые эмигрировали за границу, большинство же постепенно пошло на работу в советские учреждения соответственно своей высокой квалификации. Как же следовало поступить с главой этого правительства, если бы его арестовали в Зимнем дворце вместе с министрами? Да, 2-й Съезд советов 26-го октября принял постановление об аресте «сбежавшего» Керенского, но нет свидетельств, что он был «объявлен в розыск» и его действительно разыскивали. В Петрограде и Москве он жил, не особенно заботясь о конспирации. Его «укрытия» посещали эсеры-партийные товарищи. Старший сын Олег впоследствии вспоминал, что, когда Керенский скрывался в Питере, семья знала, где он находился, и он, Олег, нередко навещал отца. Так что большевикам не слишком трудно было бы добраться до «неуловимого». Может, это и был тот случай: неуловимым становятся потому, что никто не ловит...

У Керенского было немало прошлых заслуг перед новыми властями. Он защищал революционных политиков и повстанцев. Защищал самих большевиков-думцев. Он отверг настояние разных «бабушек» и «дедушек» русской революции утопить баржу вместе с арестованным Лениным. Справедливо ли было карать его, тем более что никто из министров Временного правительства не пострадал? Думал ли Ленин о Керенском в это время? Почему бы и нет? Человеку, поднявшемуся на высшую ступень своей жизни, свойственно оглянуться назад, припомнить вехи своего пути. Ленин вполне мог вспомнить Симбирск, страшный для Ульяновых 1887 г., равнодушие и трусость

общественности, и на этом тусклом фоне благородство отца Керенского — Федора Михайловича. Сын его проиграл в борьбе с большевиками. Он больше не нужен был не только своим — эсерам и меньшевикам; его ненавидели и правые. Революция не вошла еще в свой жестокий, террористический этап (это произойдет позднее), и Керенский, будь он схвачен, стал бы грузом на руках большевистских вождей. Что с ним делать? Судить? Казнить? Помиловать? Политически ни то, ни другое, ни третье было бы нецелесообразным.

Между тем, у Керенского установилась связь с эсеро-меньшевистским и левокадетским «Союзом возрождения России». Руководители Союза предложили Керенскому выехать в Европу для переговоров по активизации интервенции бывших союзников России. По подложным документам на имя сербского офицера Марковича Керенский в эшелоне с сербскими военными добрался до Мурманска, а оттуда на крейсере «Адмирал Об» прибыл в Англию. Больше в Россию он никогда не возвращался.

А Ольга Львовна с матерью и двумя сыновьями 10 и 12 лет остались в России. Как она впоследствии (в 30-х гг.) писала в своих воспоминаниях, без средств к существованию. Керенский ничего им не оставил, да у него ничего и не было. Покинутой «первой леди Февральской революции» пришлось заняться набивкой папирос на продажу. На улицах солдаты и матросы распевали песенку:

Сам Керенский
за границей,
Там, где царские
отбросы.
А жена его
в столице,
Набивает папиросы.

Надо полагать, что большевистские власти знали об отъезде Керенского за границу, потому что в квартире Ольги Львовны чекисты сразу же провели обыск. А летом 1918 г. Ольгу Львовну арестовали, но оказалось, что власть интересуется ее братом — генералом Владимиром Львовичем Барановским².

² После Октябрьской революции В. Л. Барановский был арестован, освобожден под честное слово. С октября 1918 г. служил в РККА на разных должностях. В феврале 1931 г.

Затем всю семью перевезли в Москву, продержали в московском ЧеКа несколько дней ипустили, разрешив вернуться в Петроград. Здесь Ольга Львовна нашла работу машинистки в учреждении. Начальник оказался порядочным, добрым человеком, и работать было неплохо. Но зима 1918–1919 гг. выдалась страшной. Семья О. Л. Барановской испытала все муки: холод, голод, преступность. Почти все знакомые и бывшие партийные товарищи Керенского куда-то исчезли. Казалось, что они Ольгу Львовну забыли. Те немногие, которые еще приходили, настоятельно советовали ей уезжать из России. Куда? К кому? В воспоминаниях она писала: «Наша семейная жизнь (с Керенским – Г. И.) была кончена, и я имела все основания предполагать, что А. Ф. живет в Англии с другой семьей».

Ольга Львовна ошибалась. Керенский в то время жил один во Франции и активно участвовал в политической деятельности российских эмигрантов. Вторично женился он гораздо позднее – в 1939 г. на австралийке Лидии (Нэль) Триттин.

* * *

В 1921 г. О. Л. Барановской и ее детям удалось «выправить» паспорта на имя эстонцев Петерсон. После подписания Юрьевского мира между Эстонией и Советской Россией, началась репатриация эстонских граждан к себе на родину. В этот поток репатрируемых попали и «Петерсоны». Знали ли власти, кто они такие в действительности? Знали и дали разрешение на выезд. Через Эстонию Ольга Львовна с детьми переехала в Англию. Они надеялись, что там их встретит отец. Но этого не произошло. Семья Керенских распалась. Ольге Львовне пришлось одной поднимать сыновей. По стопам Керенского они не пошли. Оба учились в технических вузах. Олег стал знаменитым мостостроителем, Глеб преуспел в технике. А Александр Федорович... В 1968 г, после смерти Нэль он женился на Елене Ивановой, но жить ему оставалось немного...

Керенский прожил очень долгую жизнь, пережив всех своих сторонников и противников, а своего главного политического противника – Ленина, почти на полвека.

арестован по делу «Весна» (массовая чистка Красной армии от бывших военспецов). Был приговорен к расстрелу с заменой на десятилетний срок заключения. Скончался в Сиблаге.

Оба они – и Керенский, и Ленин – хотели преобразовать «перевернуть» (Ленин) Россию. Керенский видел ее демократической, устроенной по западному образцу. Этот проект рухнул в 1917 г. и Керенский навсегда остался «человеком 17 года». Тогда Ленин победил. Казалось, что режим, созданный им и его последователями, неуязвим. Но в 1991 г. он пал также легко, как монархия и власть Временного правительства.

А. Е. Рабинович

1919 год: большевики выживают

Один из основных выводов моей книги «Большевики у власти»¹ касался эволюции управления Советской Россией к концу 1917 г. и в 1918 г. На основании многолетних исследований Петрограда в этот период, я пришел к выводу, что фундаментальные изменения в статусе и силе революционных Советов, в структуре и руководящей роли Коммунистической партии и в общем характере советской политической системы не были столь предопределенными и немедленными, как обычно предполагалось. В моей работе говорится, что развитие советской политической системы в конце 1917 г. и в 1918 г., как его видно из Петрограда, было скорее в значительной степени незапланированным, неравномерным, длительным процессом, сформированным во многом как экзистенциальными вызовами, с которыми столкнулся как новый режим, так и марксистско-ленинской идеологией (не говоря уже о якобы ленинской «жажде» абсолютной личной власти). С тех пор, как я закончил «Большевики у власти», я расширил свои исследования и анализ в этом направлении до 1919 г. и до конца Гражданской войны на Северо-Западе России. Некоторые из моих промежуточных выводов об этом последнем периоде уже были опубликованы². В этой статье я представлю предварительные результаты данного исследования.

Судьба соперничающих политических партий

Конечно, многие ключевые особенности политических институтов и практик Петрограда, которые я исследовал в книге «Большевики у власти», продолжались в 1919 г. и далее. Так было с почти абсолютной нетерпимостью к соперничающим политическим партиям (включая кадетов, меньшеви-

¹ Рабинович А. Большевики у власти: Первый год советской эпохи в Петрограде. Москва, 2007.

² Рабинович А. Выживание большевиков: правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны (Некоторые предварительные выводы) // Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). СПб., 2017. С. 185–206; Его же. Борьба с кризисами в период Гражданской войны в Петрограде (май–июль 1919 г.) // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.). Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика. СПб., 2018. С. 162–178.

ков и эсеров). Что касается левых эсеров, то даже после того, как в марте 1918 г. народные комиссары этой партии вышли из СНК Ленина в знак протеста против Брестского договора, их представители по-прежнему были заметны и эффективно участвовали в работе наркоматов на более низком уровне, а также занимали посты в региональных, муниципальных и местных органах власти по всей стране. В Петроградском регионе левые эсеры были полноправными и крайне важными партнерами в органах управления и администрации до июля 1918 г. и убийства Мирбаха. В то время ЦК левых эсеров был обвинен — я думаю, несправедливо — в попытке насильственного свержения правительства Ленина³. Партия целиком была объявлена вне закона и буквально вытеснена в ряды врагов. Это был ключевой момент в ранней советской истории. С перспективы в более чем сто лет становится очевидным, что разрыв со всей партией левых эсеров, которая имела незаменимых последователей в деревне и многие из целей которой совпадали с целями коммунистов, ознаменовало решительный поворот к однопартийному, исключительно коммунистическому режиму в Советской России.

При этом важно иметь в виду, что левые эсеры исчезли не сразу. В начале 1919 г., несмотря на постоянные преследования, они все еще сохраняли довольно значительную силу в российской деревне и в некоторых крупных городах. В Петрограде в феврале и, особенно, в марте 1919 г. левые эсеры сыграли центральную роль в стимулировании и содействии формированию крупной волны рабочих протестов и волнений среди базирующихся в Петрограде войск. Безусловно, важнейшими причинами этой нестабильной обстановки были такие фундаментальные экономические факторы, как нехватка продуктов питания, граничащая с голодом, и недостаток топлива, который сулил дальнейшие закрытия заводов и более широкую массовую безработицу. В случае солдат, многие из которых были недавно призванными крестьянами, дезориентация и ужасные условия жизни стали их дополнительной мотивацией.

³ См.: Рабинович А. Большевики у власти. С. 424–443. (Убийство было совершено после манипулирования значительным большевистским большинством на V Всероссийском съезде Советов, полученным путем фальсификации выборов, за которым последовали зловещие угрозы самому существованию левых эсеров, неоднократно озвученные Лениным и закрепленные в резолюции большевиков, принятой в первое заседание съезда. Это поспешное, плохо спланированное убийство имело ограниченную цель — возобновить войну против Германии, а не свергнуть правительство Ленина. Доказательства по этому поводу убедительны).

В то же время нет сомнений в том, что целью петроградских левых эсеров в ходе мартовских забастовок было положить конец контролируемой коммунистами советской власти в бывшей столице. В результате жестоких репрессий, последовавших за мартовскими волнениями, левые эсеры были фактически ликвидированы как значительная антикоммунистическая политическая сила в городе. Примечательно, что они, по всей видимости, не участвовали в последующей крупной волне забастовок, которая остановила важнейшие промышленные предприятия Петрограда в июле 1919 г. В контексте настоящего исследования также важно отметить, что с тех пор коммунистический режим был значительно более активным и жестоким, пытаясь подавить любые признаки народных волнений.

Структура управления Петроградом

Общая структура управления Петроградом и окрестностей, сложившаяся после июля 1918 г., сохранилась в 1919 г. Базирующийся в Петрограде Совет комиссаров Северной области, сформированный в апреле 1918 г. и сразу получивший название «Северная коммуна», рассматривался его создателями как современное продолжение почитаемой Парижской Коммуны и законный штаб надвигающейся мировой социалистической революции. Возглавляемое Григорием Зиновьевым, уже признанным вождем Петрограда, в начале года правительство Коммуны оставалось высшим органом государственной власти в Петроградском регионе (подробнее об этом ниже). В то же время исключительно коммунистический Президиум и Исполнительный комитет Петроградского Совета постепенно утвердили и институционализировали свой общий контроль над всем Советом, включая его многочисленные департаменты, отделы и нечастые пленарные заседания. Одновременно органы коммунистической партии от городского Петербургского комитета (ПК) до районных комитетов начали утверждать контроль над соответствующими советскими учреждениями через партийные фракции в них.

К удивлению большинства властей Петрограда и определенно против их воли в конце февраля 1919 г. произошла серьезная перемена в верхушке этого устройства. Тогда по обязательному приказу Москвы Северная Коммуна была внезапно распущена. Хотя этот неожиданный и весьма разочаровывающий шаг не полностью подавил независимость Петрограда и его гордость

за свой статус международной революционной столицы, отныне город и его окрестности находились под более надежной властью Москвы.

Я должен добавить, что эта и без того запутанная ситуация вскоре усложнилась еще больше в результате двух крупных военных кризисов – вторжения белофиннов в Карелию в начале мая, за которым вскоре последовало первое из двух наступлений Северо-Западной армии генерала Николая Юденича к воротам Петрограда. Эти две критические проблемы, в дополнение к огромной утечке кадров из Петрограда в результате обязательной мобилизации, призванной остановить, казалось бы, неудержимое наступление адмирала Колчака на Москву, а также сохраняющаяся угроза внутренней контрреволюции, привели к объявлению в Петрограде осадного положения и созданию чрезвычайного, всемогущего, исключительно коммунистического квазивоенного органа – Комитета рабочей обороны Петрограда (КРОП). Он должен был руководить вопросами внутренней обороны города и широким спектром гражданских вопросов в течение оставшейся части года.

Коммунистический кадровый голод

На протяжении 1918 г. обязанности коммунистической партии в управлении Петроградом и в базирующихся в городе вооруженных силах резко возрастали. В то же время численность и опыт членов партии резко упали. В течение первой половины того же года партнерство с левыми эсерами ослабило последствия этой постоянно расширяющейся проблемы. Именно поэтому внезапное прекращение этого важнейшего союза в июле из-за произвольных решений Москвы превратилось в катастрофу. Во второй половине 1918 г. и в 1919 г. нехватка даже минимально подготовленных коммунистов росла, как и требования Москвы прислать лучших из оставшихся. Внутри партии процент преданных членов по сравнению с эгоистичными новичками неуклонно снижался. Последствия для петроградской партийной организации проявились в том, что со все большей степенью высокомерие, напыщенность, недисциплинированность, пьянство, бюрократизм, должностные преступления, коррупция и другие злоупотребления властью стали ее характеристикой. Зиновьев, например, открыто признал эту фундаментальную проблему и предпринял запоздалые, по большей части безуспешные попытки исправить ее.

Первая массовая чистка петроградских коммунистов (или перерегистрация) была проведена только в середине июля 1919 г. Вскоре после этого

(6 августа) автор передовой статьи на первой полосе «Петроградской правды», не выбирая слова, прямо заявил, что «по сравнению с числом питерских рабочих численность нашей [большевистской] организации до смешного мала»⁴. В эти дни на партийном собрании Зиновьев подчеркнул крайнюю необходимость массового набора рабочих в партию как средства разрушения стены между «нами и ими» (между большевиками и огромной массой беспартийных рабочих)⁵. Тем не менее, результаты длительной кампании массового привлечения новых членов партии (4–18 августа 1919 г.) – первой «партийной недели» в Петрограде – были разочаровывающими. Накануне тяжелых военных испытаний на Южном (против Деникина) и Петроградском (против Юденича) фронтах, коммунистические лидеры столкнулись с неприятной реальностью, что огромное число петроградских рабочих, большинство из которых состояли в профсоюзах, упорно сопротивлялись вступлению в Коммунистическую партию, которая утверждала, что правит от их имени.

Петроградский совет профсоюзов

В марте и июле 1919 г. заводские рабочие Петрограда по понятным причинам были возмущены жесткой позицией их профсоюзного руководства, выступавшего против забастовок. Однако в контексте настоящего исследования меня меньше интересует хорошо задокументированное разложение профсоюзов как законного голоса рабочих при Советской власти, контролируемой коммунистами, чем все еще относительно малоизученная, но ключевая роль профсоюзов в защите партийного режима в 1919 г. В Петрограде эта роль во многом объяснялась значительно большим размером профсоюзов по сравнению с размером партии. Но немаловажно и то, что у профсоюзов была особенно эффективная руководящая структура – Петроградский совет профсоюзов. Совет, состоящий исключительно из всенародно избранных опытных профсоюзных деятелей из числа коммунистов, координировал работу отдельных профсоюзов, большинство из которых, если не все, также возглавлялись избранными авторитетными коммунистами. Мне кажется, что на протяжении 1919 г., особенно в решающих вопросах обороны, рабочие оказа-

⁴ Коммунистическая неделя // Петроградская правда. 1919. 6 августа. (Напротив, почти все заводские рабочие Петрограда были членами профсоюзов, и в то время примерно половина из них были женщинами).

⁵ Общегородское собрание членов Р.К.П. // Петроградская правда. 1919. 5 августа.

лись более отзывчивы к руководству профсоюзов из коммунистов, чем к правительству и партийным органам.

Эта реальность, похоже, не была проблемой для КРОП. Однако она определенно была постоянным раздражителем для коммунистических лидеров, стремившихся укрепить авторитет партийных органов и опасавшихся любого внешнего влияния. 11 апреля на экстренном заседании ПК приказал своему Исполнительному бюро координировать мобилизацию 200 большевиков из руководства профсоюзов и членов партии, работающих в правительственных ведомствах (но не из уже сокращающейся партийной организации в целом)⁶. Однако шесть дней спустя на пленуме Петроградского совета профсоюзов Наум Анцелович, председатель его исполнительного комитета и член ПК, предложил создать и возглавил руководство формированием чрезвычайного Комитета содействия Красной Армии, на который была возложена основная ответственность за быструю мобилизацию рабочих из профсоюзов⁷. Затем 21 апреля началось наступление так называемой финской «Олонецкой добровольческой армии», направленное на оккупацию региона Олонецкой Карелии. Уже на следующий день (22 апреля) ПК отреагировал на эту угрозу, проголосовав за начало мобилизации 20 % своих членов (в то же время он надеялся контролировать мобилизацию профсоюзных активистов – а точнее 10 % от гораздо большего числа членов профсоюзов). Но к тому времени Комитет содействия Красной Армии уже работал и формировал мобилизационные комиссии для каждого из входящих в него союзов. Между тем, после того как финская угроза утихла на несколько недель, в третью неделю мая она снова стала особенно острой. Эта опасность стала предметом заседания исполкома Петроградского совета профсоюзов 20 мая⁸. На собрании исполнительный комитет приказал мобилизовать большую часть центрального руководства профсоюзов, а также лидеров отдельных профсоюзов и членов фабрично-заводских комитетов. Фактически все они были переданы в распоряжение военных властей, оставив лишь костяк сотрудников для наблюдения за основными функциями профсоюзов.

Согласно хорошо обоснованному отчету о проделанной работе на июньском пленарном заседании Петроградского совета профсоюзов Григория

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26. Л. 6; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 33.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 4. Д. 5. Л. 24–28.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 4. Д. 6. Л. 88–89.

Цыперовича⁹, с середины апреля руководство профсоюзов, а также отдельные союзы были полностью поглощены вопросами защиты от внешней угрозы. На этом же пленуме Юлий Милейковский (также коммунист и глава Комитета содействия Красной Армии) сообщил, что за этот трехмесячный период его Комитет отправил на фронт 300 «ответственных работников» и 3301 рабочего¹⁰. Не менее важен вклад профсоюзов в мобилизацию на Южный фронт летом и в начале осени 1919 г., а также в период успешной обороны Петрограда в середине октября.

Понятно, что профсоюзные лидеры гордились своим вкладом в защиту Петрограда в 1919 г. Эта гордость выражалась в статьях в петроградском профсоюзном еженедельнике «Труд», где победа неизменно оформлялась как следствие трехстороннего партнерства, возглавляемого Коммунистической партией в сотрудничестве с профсоюзами и Советами. Также «Труд» в своих публикациях в 1919 г. отразил горячую и последовательную поддержку Советом профсоюзов работы партии по привлечению новых членов и проведению избирательных кампаний. Отчаявшись укрепить свой авторитет среди заводских рабочих, партийное руководство опасалось любого конкурирующего, неконтролируемого влияния, в том числе и руководства коммунистических профсоюзов. Неоднократно, но без искомого результата, партийные органы созывали широкие собрания, с целью утвердить правильные отношения между партией и профсоюзами, а именно: партия стоит *выше* профсоюзов.

ПЧК и внутренняя контрреволюция

Основным органом, занимавшимся розыском и борьбой с контрреволюцией в Петрограде во время Гражданской войны, было, конечно, Петроградское отделение Всероссийской Чрезвычайной комиссии (ПЧК). В 1918 г. многие лидеры петроградского правительства как левые эсеры, так и коммунисты, резко критиковали ПЧК за ее привычные злоупотребления властью и повальную коррупцию, так что в начале года серьезное внимание было уделено вопросу о полной ликвидации этого ведомства¹¹. Зимой 1918–1919 гг.

⁹ Цыперович, экономист по профессии, недавно вступивший в Коммунистическую партию, в то время исполнял обязанности председателя Петроградского совета профсоюзов. Он был назначен в начале июня 1919 г., когда постоянный председатель Наум Анцелович стал главным заместителем Якоба Петерса в КРОП.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 4. Д. 5. Л. 27–35; Труд. 1919. 30 июня.

¹¹ Рабинович А. Большевики у власти. С. 405–408.

критика деятельности ВЧК со стороны руководителей Коммунистической партии также резко возросла. В начале 1919 г. явным признаком растущего внутрипартийного недовольства ВЧК стала подготовка Львом Каменевым проекта постановления «О реформе революционных трибуналов и чрезвычайных комиссий», предназначенного для внесения во Всероссийский центральный исполнительный комитет. Ее суть вместе с сопроводительным письмом к Ленину состояла в немедленном упразднении ВЧК и всех местных ЧК и передачу их обязанностей по борьбе с контрреволюцией революционным трибуналам¹². Обсуждение судьбы ВЧК в Центральном комитете партии 4 февраля 1919 г., похоже, было инициировано предложением Каменева. Как бы то ни было, в этом случае ЦК ограничился лишением ЧК права выносить приговоры и проводить расстрелы¹³. Более того, 14 марта, на фоне роста народных волнений по всей стране, эти ограничения были сняты¹⁴. В итоге во время репрессий после мартовских забастовок 1919 г. в Петрограде ПЧК снова расстреляла большое количество левых эсеров при поддержке Зиновьева и с благословения ПК.

Для подготовки серьезной и всеобъемлющей истории ЧК в Петроградской области необходимо дождаться рассекречивания ее оперативных отчетов. Архивные документы, относящиеся к ПК в 1919 г., показывают, что в течение года кадровые запросы ПЧК удовлетворялись в первую очередь, несмотря на широко известную криминальность ее руководства и рядовых членов, а также постоянную неспособность вовремя обнаружить главные контрреволюционные заговоры.

Из-за вышеупомянутых ограничений в источниках мое представление о коррупции ПЧК в 1919 г. основывается в первую очередь на фрагментах информации, содержащихся в архивных делах других государственных органов или тех, которые были опубликованы, чаще всего «Петроградской правдой». Записи Оргбюро за 15 августа показывают, что в тот день оно рассматривало вопросы, связанные с плохой работой ПЧК. В ходе последовавшего обсуждения было решено послать замену в Петроград, чтобы временно возглавить

¹² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2558. Л. 2–3.

¹³ Деятельность Центрального комитета партии в документах (события и факты). Январь–март 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. №7. С. 145–147.

¹⁴ Деятельность Центрального комитета партии... С. 158–160; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 10. Л. 1а–3.

местную ЧК, и направить туда на несколько дней Феликса Дзержинского для «улучшения» работы этого органа¹⁵. В тот же день Президиум Петроградского Совета также рассмотрел проблемы с ПЧК. Было принято решение сменить руководство, что, по сути, и было сделано на месте. Президиум также решил заменить весь штат аппарата ПЧК; требовать от его руководства представления отчетов не реже одного раза в две недели. Кроме того, было решено строго контролировать все имущество, проходящее через ПЧК и ограничить заработную плату ПЧК шкалой заработной платы ВЧК¹⁶. Через неделю специальная комиссия ВЧК во главе с Дзержинским, расследовавшая случаи коррупции в Петрограде, приговорила члена коллегии ПЧК и двух сообщников к расстрелу в 24 часа¹⁷. 2 сентября ПК подтвердил состав нового президиума ПЧК и обязал его провести чистку следователей, дежурных секретарей и всех других сотрудников¹⁸.

Недостатки ПЧК как главного органа внутренней безопасности в 1919 г. документально зафиксировать легче. Одним из наиболее вопиющих было то, что не удалось обнаружить приготовления контрреволюционных сил к захвату стратегически важного военного форта Красная горка в июне 1919 г. (форт располагался на берегу Финского залива, недалеко от Кронштадта). Еще один пример состоял в том, что ПЧК не смогла выявить продолжительный заговор с целью облегчить занятие Петрограда Северо-Западной армией генерала Юденича в октябре.

Красная горка была захвачена и контролировалась в течение трех дней (13–16 июня) внутренними контрреволюционными элементами, намеревавшимися помочь «освободить» Петроград, и была взята верными власти сухопутными войсками лишь после того, как была полностью разрушена крупнокалиберными орудиями кораблей, базировавшихся в Кронштадте. По каким-то причинам сочувствующие восстанию офицеры Кронштадта не смогли его поддержать. Кроме того, приближающиеся к Петрограду эстонские белые силы, на которые мятежники рассчитывали для своего успеха, были слишком

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 7. Л. 23.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 26. Л. 59; Ф. 1000. Оп. 3. Д. 61. Л. 53.

¹⁷ Белов Г.А. и др. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. М., 1958. С. 314–316.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 77–78; Заседание П.К. // Петроградская правда. 1919. 5 сентября.

далеко, чтобы помочь, а сочувствующие союзные британские военно-морские силы прибыли слишком поздно. После неудавшегося восстания большое количество военнослужащих из Кронштадта и близлежащих военно-морских фортов Серая Лошадь и Обручев, которые, как утверждается, участвовали в заговоре, были осуждены временным полевым судом и расстреляны. Вдобавок такое же значительное число предполагаемых контрреволюционеров в Петрограде, похоже, постигла та же участь¹⁹.

Что касается «Октябрьского» заговора, то его спланировала группа заговорщиков, слабо связанная с антибольшевистским Национальным центром. В эту группу входили военнослужащие Красной Армии, бывшие агенты царской контрразведки и военные офицеры, а также бывшие политические деятели, активно выступавшие против большевиков²⁰. Среди них были лица, которые были тесно связаны с британским шпионом Полом Дюксом (сам Дюкс бежал из Петрограда в конце августа 1919 г.). В сентябре и начале октября члены этой группы работали над тем, чтобы облегчить наступление Юденича и его захват Петрограда, проникнув в высшие армейские и военно-морские

¹⁹ См.: Список из 90 человек, расстрелянных по постановлению полевого суда в связи с неудачным заговором // РГА ВМФ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 16. Л. 24–27 об.

Архив ВЧК. Сборник документов. М., 2007. С. 126. (На Первом съезде Особых отделов 22 декабря 1919 г. И. П. Павлуновский, заместитель начальника Особого отдела ВЧК и ведущий следователь июньских восстаний на Балтике, утверждал, что «все органы управления, начиная от баз Морского флота, кончая управлениями Кронштадта и Красной горки и сухопутной обороны, были ни чем иным, как концентрированным белогвардейским аппаратом»).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 26. Л. 115–116 об. (Что касается репрессий в Петрограде, то в отчете Центральному комитету Коммунистической партии от 16 июля Якоб Петерс, тогдашний руководитель внутренней обороны Петрограда, утверждал, что после восстания на Красной горке и раскрытия контрреволюционного заговора в Кронштадте, в котором был замешан практически весь командный состав, в Петрограде была проведена чистка. По его сообщению, в бывшей столице было арестовано более 200 человек командного состава, а также продолжалась чистка рядовых солдат и комиссаров. Петерс приписал ПК и Петроградскому Совету профсоюзов, но не ПЧК (!), заслугу этих достижений)

²⁰ Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов созыва второй половины 1919 г. Заседания № 1–14 от 11 июля 1919 г. – 20 декабря 1919 г. Пг., 1919. С. 532–553; Новый белогвардейский заговор в Петрограде. От Комитета обороны Петрограда // Петроградская правда. 1919. 23 ноября; ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1038. Л. 2–8 об.; Кутузов В.А., Лепетюхин В.Ф., Степанов О.Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. С. 108–192; Измозик В.С. Английский шпионаж: реальный и мнимый. Дело Поля Дюкса // Исторические чтения на Лубянке. М., 2009. С. 3–34.

учреждения и перебросив силы обороны в районы, где их потенциальное воздействие было нейтрализовано. Военный специалист, враждебный большевикам, Владимир Люндеквист, сыграл заметную роль в этом аспекте усилий группы в силу своего положения начальника штаба 7-й армии, защищающей Петроград. Он и его сообщники назначили военных специалистов-единомышленников на ключевые посты в Петрограде, Кронштадте и на фронте. Впоследствии они предоставили Юденичу подробные сведения о дислокации красных войск и дали действенные советы о том, как их обойти. По мере приближения войск Юденича к Петрограду группа Люндеквиста строила планы захвата власти в Петрограде, когда наступающие части достигнут южной границы города. Согласно последующим показаниям Люндеквиста, он должен был взять на себя общее руководство восстанием. Однако, в отличие от мартовской забастовки с участием левых эсеров, это «движение» против подконтрольной большевикам советской власти почти не имело массовой поддержки. Позже Люндеквист свидетельствовал, что планы его группы были сорваны еще до «решающих моментов» в битве за Петроград из-за ее неспособности привлечь значительную поддержку населения. Однако я хотел бы особо отметить, что заговор был «раскрыт» случайно в конце ноября, когда дочь одного из ведущих заговорщиков была поймана с пистолетом во время случайного рейда на петроградском рынке. В преддверии октябрьских дней, когда группа систематически и эффективно подрывала оборону Петрограда, она полностью ускользнула от внимания ПЧК.

Внутренние проблемы ПЧК и ее неоднократные неудачи в 1919 г. ставят под вопрос ее дальнейшую жизнеспособность. Этот важный и сложный вопрос выходит за рамки данной статьи. Тем не менее, основываясь на своих исследованиях, я не могу не задаться вопросом, не является ли невозможный кадровый голод петроградских коммунистов хотя бы частично причиной того, что на ПЧК продолжали полагаться в деле защиты революции на ее родине. Несмотря на повсеместную коррупцию и оперативные недостатки — или, возможно, отчасти из-за них — ПЧК опасались повсеместно. Кроме того, после убийства Мирбаха она снова стала организацией, строго контролируемой партией. Для петроградских коммунистов, отчаянно цепляющихся за исключительную власть в ожидании решающих мировых социалистических революций, на которые они все еще рассчитывали для своего собственного выживания в долгосрочной перспективе, террор, инициированный ЧК, считался абсолютно необходимым.

Д. И. Стогов

Деятельность лидеров правых салонов в 1917 году

В последние десятилетия возрождается интерес к русской консервативной традиции. Многие партии и политические организации именуют себя консервативными, обращаясь к опыту своих дореволюционных предшественников, правых. Напомним, что в исторической и политологической литературе под правыми традиционно понимают «консервативные партии, отстаивавшие и отстаивающие традиционные – политический, социальный, экономический, религиозный, бытовой – уклады жизни, стоящие за сохранение основ существующего или существовавшего строя».¹ В начале XX в. к правым партиям относились, прежде всего, монархические (черносотенные) организации (партии, союзы). Они имели официальную структуру, регистрацию, устав, программу и т. д. Однако существовали также и неофициальные правые организации – салоны и кружки, «беседы», «гостиные», «чаепития», «журфиксы». Понятие «салон» – французского происхождения, берущее свое начало со второй половины XVIII столетия. Согласно Большой советской энциклопедии, это «светский политический, литературно-художественный кружок, состоящий из избранных лиц...».²

1917 год явился переломным в отечественной истории, революционные события февраля и октября 1917 г. привели к полному слому существовавшей ранее политической системы, в итоге после октября 1917 г. страна взяла курс на построение нового социалистического общества. В этой связи представляет особый интерес позиция лидеров правых салонов и кружков в условиях революции.

Отметим, что если современные историки в большей мере уделяют внимание политической позиции официальных правых структур в революционном 1917 году,³ то позиция кружков и салонов правой ориентации в условиях революции, как правило, оставалась за кадром.

¹ Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. Т. 1–2 / Публ. Ю. И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1. С. 5.

² Большая советская энциклопедия. Изд-е 2-е. М.: Большая советская энциклопедия, 1955. Т. 37. С. 625.

³ Подробнее см.: Стогов Д. И. Правые в период с марта 1917 г. до окончания Гражданской войны (историографический очерк) // Эпоха Революции и Гражданской войны в России.

В небольшой по объему статье рассмотрим политическую позицию лидеров крупнейших правых салонов и кружков в 1917 г., а также их политическую деятельность.

Особое место среди предреволюционных правых кружков занимал кружок сенатора, члена Государственного совета Александра Александровича Римского-Корсакова (1850–1922). В кружке, состоявшем из видных правых политиков, накануне февраля 1917 г. вырабатывались так называемые «Записки»,⁴ в которых предлагалось введение жестких мер по борьбе с революционной угрозой. Как и другие правые, после Февральской революции А. А. Римский-Корсаков оказался на обочине политической жизни. Он был вынужден уехать в свое имение Старый Двор в Витебской губернии, приветствовал генерала Л. Г. Корнилова и пытался оказать ему содействие. Хотя он и не был арестован, следователи ЧСК в своих документах не преминули уделить и ему свое пристальное внимание, включив его в «Список лиц, преданных Царскому правительству, исполнителей и приверженцев полицейского режима, безусловно, вредных и опасных для народного правительства в настоящее время и на будущее».⁵ Позже, после подавления корниловского выступления, Римский-Корсаков был арестован, оказался за решеткой, но вскоре был освобожден. После октября 1917 г. бывший организатор кружка переехал в Москву, где на своей квартире (на Спиридоновке) проводил собрания монархистов с целью «изыскания способов спасения царской семьи и развития возникших на юге белых движений».⁶ Таким образом, в сложившейся ситуации А. А. Римский-Корсаков, формально поддерживав Временное правительство, ориентировался на корниловцев, а впоследствии на белых, считая, что именно они способны «навести порядок» в стране.

Гораздо более печальной была судьба организатора еще одного правого салона, бывшего председателя Совета министров Бориса Владимировича

Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. С. 165–174.

⁴ См.: Стогов Д. И. Последняя попытка спасти монархию: «записки», составленные в кружке А. А. Римского-Корсакова, и их политическое значение // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 5–13.

⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 13. Переписка об обысках. Списки лиц, арестованных и содержащихся под стражей, посещавших Распутина, преданных царскому правительству и полицейскому режиму. Л. 41 об.

⁶ Правые партии. Т. 1. С. 692.

Штюмера (1848–1917). Несмотря на то, что Штюмер к февралю 1917 г. фактически совершенно отошел от политической деятельности, после Февральской революции он был арестован одним из первых и заточен в Петропавловскую крепость. Его пытались обвинить в государственной измене, в тюрьме он подвергался постоянным избиениям, издевательствам и глумлению. Родным и близким не позволили даже попрощаться с умиравшим стариком. 21 июля 1917 г. Б. В. Штюмер был переведен в тюремную больницу. 29 июля того же года прошло его медицинское освидетельствование. Оно установило факт увеличения предстательной железы, резко выраженный парез мочевого пузыря. 31 июля 1917 г. Штюмер был переведен в частную урологическую клинику доктора Герзони, где он содержался под охраной.⁷

И. И. Колышко, сидевший вместе со Штюмером в Петропавловской крепости, в мемуарах пишет о том, что «старика мучили – мучили физически». Мемуарист сообщает ряд подробностей, связанных с последними днями жизни Б. В. Штюмера: «Ему не дали даже матраца, не допускали пищи из дому. Страдая острым воспалением мочевого пузыря, он требовал введения катэдра. Ему прислали грязного фельдшера с грязным катэдром. Произвели заражение крови. Отправили в больницу "Крестов" – отправили ночью, тайком. Потому что караул крепости решил "изменника" не выпускать. В "Крестах" его хотел заколоть караульный. Тогда, при 40-град[усной] температуре, после долгих хлопот, его позволили перевести в частную лечебницу. Но старик уже агонизировал. Тем не менее, Керенский распорядился у изголовья умирающего приставить солдат с ружьями. Так и скончался он между штыками, быть может, бежецких мужиков, на которых опирал свою власть».⁸

Смерть Б. В. Штюмера наступила в клинике Герзони в самый разгар революционных потрясений, 20 августа 1917 г., в десять часов вечера.⁹

Организатор еще одного правого кружка, граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918), перед революцией пытался влиять на императорскую политику, составил «Записку» о необходимости создания в стране правого органа

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 492; Колышко И. И. Великий распад. Воспоминания / Сост., предисл., коммент. И. В. Лукоянова. СПб., 2009. С. 378 (комментарий).

⁸ Колышко И. И. Великий распад... С. 102–103.

⁹ Там же. С. 378 (комментарий).

периодической печати,¹⁰ а также боролся с влиянием Г. Е. Распутина на императорскую семью. До настоящего времени в историографии господствовал тезис о том, что граф крайне отрицательно воспринял февральские события 1917 г. Об отречении царя от престола Шереметев говорил как о «самоубийстве русской государственности».¹¹ Последние архивные изыскания позволяют несколько скорректировать этот уже устоявшийся за последние годы в науке тезис. В дневнике С. Д. Шереметева за 1917 г., хранящемся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), в записи от 28 февраля 1917 г., сделанной автором дневника в Петрограде, читаем буквально следующее: «Утром появился новый революционный листок, извещающий о совершающемся «перевороте»! Вот и дожили до праздника! Упорство бессильной и ненормальной власти женщины привело к тому, что многие предвидели. Правительство исчезло. Из Думы исходит новая власть, новое правительство во главе с Родзянкой. [...] Газет нет, почта задержана, нельзя ни говорить по телефону, ни писать. Арестованы все Распутинцы, вся сволочь. Гов[орят], будто В[еликий] К[нязь] Михаил Александрович на днях был в Думе, которая превратилась в учредительное собрание. Это большая победа Вильгельму. Никто не интересуется взятием Бомбея... Все жаждут порядка и мятежники разыгрывают роль водителей этого порядка. Родзянко лицо подставное. Он груб – и не прочен. За ним, по-моему, лукавый Гучков и ему подобные».¹²

Итак, судя по тому, что императрица Александра Федоровна («упорство бессильной и ненормальной власти женщины») и Г. Е. Распутин упомянуты автором дневника в крайне негативном ключе, граф С. Д. Шереметев разделял тезис тех правых, которые считали, что крах монархического строя в России был неизбежен, и что в этом крахе виноваты сами представители правящей династии.

Впрочем, вскоре после Февраля 1917 г. под влиянием последующих событий С. Д. Шереметев и близкие к нему люди в некоторой степени скорректировали свою точку зрения на все происходящее. Уже 2 марта в письме из

¹⁰ Стогов Д. И. Проект ежедневной газеты «охранительных и созидательных элементов России», разработанный графом С. Д. Шереметевым // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО-2017). Труды XIV Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 19–20 января 2017 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. 336 с. С. 235–240.

¹¹ Цит. по: Иванов А. [А.], Стогов Д. [И.]. Шереметев, гр[аф] Сергей Дмитриевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. М., 2008. С. 600.

¹² Дневник С. Д. Шереметева за 1917 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 33–34.

Петрограда к В. Н. Коковцову граф дает такую оценку текущим политическим событиям: «Какой же исход? До чего мы дойдем без поддержки лучших сил страны? То, что приходит в голову, – не хочется выговорить. Готов приветствовать все касающееся блага "обновления" страны, но возрождения "пугачевщины" и [...] грубых вождельний приветствовать не могу».¹³ При этом Шереметев замечает, что сильно обескуражен всем происходящим, и пишет Коковцову, дабы «отвести душу», чувствуя «потребность высказаться».¹⁴

В послереволюционные дни С. Д. Шереметев пытался поддерживать отношения с представителями свергнутой династии. Так, 1 апреля 1917 г. он написал письмо великому князю Михаилу Александровичу, дабы поприветствовать его. «Примите горячие пожелания возможного земного счастья многострадальному отечеству нашему и всем его любящим превыше всего. Дерзаю напомнить об обещании портрета, которым Вы меня глубоко утешили»,¹⁵ – говорится в черновике письма.

Однако граф так и не послал это письмо. Произошло это, со слов самого Шереметева, «по многим причинам, побуждающим к вящей осторожности ради адресата».¹⁶ При этом граф сослался на следующие слова из Священного Писания: «Блюдайте, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть» (Еф. 5; 15–16).¹⁷

В апреле 1917 г. вся семья Шереметевых была вынуждена покинуть Петроград, который С. Д. Шереметев называл не иначе как «преступным городом»,¹⁸ и переселиться в Москву (произошло это 11 апреля).

Крайне отрицательно воспринял С. Д. Шереметев Октябрьскую революцию 1917 г. Проживая в Москве, на Воздвиженке, буквально в двух шагах от Кремля, он стал очевидцем кровавых событий конца октября – начала ноября 1917 г.

27 октября, в пятницу, в своем дневнике граф отмечал, ссылаясь на сообщения из газет, что «создавшееся положение при двойной революции очень

¹³ Дневник С. Д. Шереметева за 1917 г. Л. 38.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 57 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Иванов А. [А.], Стогов Д. [И.]. Шереметев, гр[аф] Сергей Дмитриевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 600; Дневник С. Д. Шереметева за 1917 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 64.

удручительно».¹⁹ При этом он передает распространенный слух, согласно которому крейсер «Аврора» якобы обстреливал Зимний дворец.²⁰

28 октября, в субботу, Шереметев был разбужен в четвертом часу ночи орудийным выстрелом со стороны Кремля.²¹ «Слухи противоречивы: не понятно, на чьей стороне успех... Газет нет», — замечает он в дневнике.²² 29 октября, в воскресенье, выстрелы продолжились из ружей, орудий и пулеметов.²³ 1 ноября, в среду, в районе Кремля слышался постоянный гул орудий.²⁴ По-прежнему раздавались выстрелы и 2 ноября.²⁵

Оценивая происходящие революционные события, 13 ноября, в понедельник, граф С. Д. Шереметев записал в дневнике: «Когда пришло вечернее время, состояние удрученности продолжается — и приближение Лениновщины сжимает сердце, с правительством никто не желает иметь дело отыскивать хорошо спрятанного Керенского, имя которого стало всем ненавистно. Но каждый лишний день этого господства большевиков грозит бедствием. Вот и дошли до предела. К чему вся эта мерзость — [...] великая тайна Божия».²⁶

В написанном чуть позже (20 ноября) письме к некоему великому князю (его имя в черновике письма не указано; возможно, это великий князь Михаил Александрович), С. Д. Шереметев писал: «Ваше Императорское Высочество. Соболаговолите передать Его Величеству мою беспредельную благодарность за добрые строки, меня глубоко умилившие. Буди десница Господня над Вами. Мы пережили в Москве вторую революцию. Но, слава Богу, избегли расстрела и опасности. Доблестные юнкера исполнили свой долг. Теперь в Кремль еще не пускают. Чинятся и количество повреждений преувеличено. Избрание Патриарха меня утешает. Все совершилось во время бомбардировки. Современное положение не может держаться».²⁷

Отметим, что особую надежду на изменение сложившейся ситуации граф возлагал на только что избранного Поместным собором Святейшего Патри-

¹⁹ Дневник С. Д. Шереметева за 1917 г. Л. 136.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 187.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 139.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 145.

²⁷ Там же. Л. 148.

арха Тихона. 1 декабря 1917 г. Шереметев написал ему письмо, в котором выразил радость и удовлетворение в связи с избранием предстоятеля Церкви: «В этой кажущейся новизне старина наша слышится и мы счастливы, что дожили до этого дня. Как коренной москвич, я был бы счастлив принять благословение Вашего Святейшества и лицезреть завершение чаяния веков с возвратом церковной самостоятельности, которой не к добру были лишены. Да поможет Вам Господь повести нашу исстрадавшуюся Церковь ко спасению Православной Руси!»²⁸

Итак, граф Шереметев по мере развития событий 1917 г. постепенно менял свою позицию – если поначалу он выражал одобрение, по крайней мере, отдельным действиям Временного правительства (арест «распутинцев» и т. д.), то постепенно, особенно к концу 1917 г., по мере дальнейшего ухудшения экономического положения в стране организатор салона подвергал действующие власти резкой критике. Очевидно, что в особенности она усилилась, когда к власти пришли большевики.

На протяжении многих лет в Петербурге-Петрограде существовал салон графини Софии Сергеевны Игнатъевой (1851–1944), участники которого, сосредоточившись по преимуществу на церковных проблемах, первоначально даже поддерживали восхождение ко двору Г. Е. Распутина. В обществе циркулировали слухи о якобы громадном политическом влиянии кружка. Сразу после Февральской революции деятельность салона и степень его влияния в высших правительственных сферах были тщательнейшим образом рассмотрены Чрезвычайной следственной комиссией (ЧСК) Временного правительства.²⁹ В результате следователи пришли к выводу о практическом отсутствии какого бы то ни было реального политического влияния кружка. Проанализировав собранные при обыске квартиры графини документы, следователь В. М. Руднев сделал такой вывод: «[...] Переписка с Дубровиным, Скворцовым и епископом Евлогием и Никоном устанавливает взаимоотношения между графиней Игнатъевой и этими лицами, как равно и указанные выше копии различных проектов по борьбе с революционным движением в России обрисовывают политическую программу графини Игнатъевой».³⁰

²⁸ Дневник С. Д. Шереметева за 1917 г. Л. 157.

²⁹ Руднев В. Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина / Предисл., сост. А. Кочетов. М., 1990. С. 281.

³⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 499. Л. 6 об. – 7.

Кроме того, 17 апреля 1917 года В. М. Рудневым было установлено следующее: переписка между графом Игнатьевым и его ближайшими родственниками «носит исключительно интимный семейный характер» (Здесь и далее подчеркнуто в тексте подлинника. — Д. С.).³¹

Таким образом, как установила ЧСК, политическое влияние салона С. С. Игнатьевой было незначительным. В итоге графиня, в отличие, например, от Б. В. Штюмерера, не была арестована. Отойдя от политической деятельности, впоследствии она покинула Петроград и поселилась вместе с дочерью у бывшего товарища обер-прокурора Святейшего Синода Н. Д. Жевахова.³²

Шталмейстер Николай Федорович Бурдуков (1869–1937) в годы Первой мировой войны организовал собственный политический салон, в котором обсуждались актуальные политические проблемы. В самом начале Февральской революции, вечером 24 февраля 1917 г., состоялся «званный обед у Н. Ф. Бурдукова». В нем приняли участие А. Д. Протопопов, Н. А. Маклаков, Н. П. Саблин «и еще два-три человека». Далее генерал коротко характеризует обстановку за обедом и отмечает, что гости не верили в успех начавшихся волнений в столице.³³

После обеда гости «перешли в большой уютный кабинет недавнего хозяина — князя Мещерского». Вскоре гостям подали кофе, ликеры, сигары. И далее в воспоминаниях А. И. Спиридович описывает характер развлечений участников кружка, которые в целом были характерны для высшего общества и интеллигенции начала XX века, с его увлечениями мистикой, спиритизмом. Для развлечения гостей был приглашен известный гипнотизер Моргенштерн.³⁴

Если говорить о политических последствиях «вечера» у Н. Ф. Бурдукова, то они, пожалуй, ограничивались только тем, что около полуночи флигель-адъютант императора Н. П. Саблин «позвонил во дворец и доложил, как хорошо прошел обед у Бурдукова и как спокойно относится к происходящему Протопопов».³⁵

³¹ Дневник С. Д. Шереметева за 1917 г. Л. 7 – 7 об.

³² Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода. Март 1917 – январь 1920. М., 1993. Т. 2. С. 27.

³³ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 512.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 514.

Анализируя приведенное свидетельство в целом, складывается впечатление, что хозяин кружка и его участники только и делали, что ели, пили, веселились. Однако, думается, здесь надо обратить внимание на факт времени проведения этой встречи, которая имела место, напомним, 24 февраля 1917 г., в начале революции. Незадолго до этого Н. Ф. Бурдуков и его соратники, требуя перестановок в правительстве, фактически потерпели поражение, не сумев оказать давления на царскую власть. Эпизодические встречи Н. Ф. Бурдукова с императрицей Александрой Федоровной и письма к ней также не возымели действия.³⁶ Отсюда – определенное разочарование Бурдукова и участников его кружка, неуверенность в будущем, предчувствие грядущей катастрофы на фоне развернувшихся революционных событий и – попытки «во время чумы» развеселить себя, поднять настроение.

Арестованный Временным правительством по ордеру министра юстиции А. Ф. Керенского и доставленный 10 марта 1917 г. в 2 часа дня в министерский павильон Государственной Думы,³⁷ Н. Ф. Бурдуков содержался с 24 марта 1917 г. в Петроградском городском арестантском доме,³⁸ где тяжело заболел.³⁹ Как следует из прошения брата Николая Федоровича, полковника, ходатайствовавшего о перевождении арестанта на Казачий плац (документ датирован 4 апреля 1917 г.), у Н. Ф. Бурдукова наблюдались ревматизм, неврастения. Сам арестант находился на тот момент в «Крестах» в хирургическом отделении.⁴⁰

В связи с болезнью Н. Ф. Бурдукова перевели на Казачий плац,⁴¹ а 28 мая того же года освободили за отсутствием состава преступления.⁴² Правда, в период заключения бывшего шталмейстера, в апреле 1917 г., караульный

³⁶ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 514.

³⁷ Подробнее см.: Г. П. (Перетц Г. Г., полковник). В цитадели русской революции. СПб., 1997. С. 95.

³⁸ Дело о злоупотреблениях по должности бывшего министра внутренних дел А. Д. Протопопова (борьба с революционными организациями, недопущение оснований обществ и союзов, введение предварительной цензуры и т. д.) // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 450. Л. 43; Там же. Д. 13. Переписка об обысках. Списки лиц, арестованных и содержащихся под стражей, посещавших Распутина, преданных царскому правительству и полицейскому режиму. Л. 15.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹ Там же. Л. 9.

⁴² Там же. Л. 19–20.

начальник жаловался администрации, что якобы Бурдуков «все время поддерживает порядки старого правительства», что «часто у него бывают лица, переодетые в военную форму», которые «приносят ему разные письма», а он читает их «безо всякого контролирования».⁴³

Судя по всему, в ноябре 1917 г. Н. Ф. Бурдуков был вновь задержан, однако сведения об этом задержании крайне скудны. В фонде прокурора Петроградской судебной палаты содержится объяснение Н. Ф. Бурдукова по поводу его задержания, датированное 26 ноября 1917 г.,⁴⁴ в котором автор документа утверждает, что «не имел никакого отношения к делам политического характера». «Ввиду этого и в связи с появившимися обо мне газетными заметками я полагаю, что распоряжение о моем задержании не имеет отношения к моей службе, а вызвано какими-либо посторонними обстоятельствами, касающимися моей общественной или личной жизни»,⁴⁵ — пишет он.

Организатор еще одного правого салона тибетский врач Петр Александрович Бадмаев (1851–1920) оказался в центре внимания следователей из Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Сохранились «дела» о тибетском враче (документы, брошюры и т. д.).⁴⁶ В августе 1917 г. П. А. Бадмаев был выслан А. Ф. Керенским в Финляндию.⁴⁷ В Финляндии Бадмаева наряду с издателем ультраправой газеты «Гроза» Н. Н. Жеденовым и другими монархистами арестовали революционные войска, доставили в Свеаборгскую крепость, в которой он провел около месяца. После установления советской власти в Петрограде тибетского врача освободили, и он вернулся домой, вновь занялся врачебной практикой. Впоследствии его арестовывали неоднократно; тибетский доктор находился в заключении, в том числе и в «Крестах». Вернулся домой неизлечимо больным. От политической деятельности отошел.

Организатор еще одного салона, князь Михаил Михайлович Андроников (1875–1919), 16 марта 1917 г. был арестован и препровожден в министерский

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 44. Л. 6.

⁴⁴ Там же. Л. 21–22.

⁴⁵ Там же. Л. 21 об.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 600–604.

⁴⁷ Вырубова А. А. Страницы моей жизни / А. А. Танеева (Вырубова). Вст. ст. Ю. Ю. Рассулина. М., 2000. С. 202, 209.

павильон Государственной Думы.⁴⁸ В квартире князя на Фонтанке был произведен обыск.

По представлению ЧСК с 23 марта по 11 июля 1917 г. Андроников находился в тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в камере № 66.⁴⁹ Об этом периоде жизни князя свидетельствуют документы из фонда прокурора Петроградской судебной палаты. В частности, 31 мая 1917 г. Андроников направил прошение министру юстиции с просьбой освободить его.⁵⁰ Князь умолял дать ему «возможность принести присягу на верность Новому Правительству, чтобы послужить нашей и дорогой Родине, наконец, освобожденной от гнета, произвола и насилия и выведенной на светлый путь правды, свободы, братства и любви».⁵¹

В отличие от других заключенных, допрошенных ЧСК, князь М. М. Андроников, пожалуй, как никто иной пытался не просто опровергнуть наличие в прошлом контактов с Г. Е. Распутиным, императрицей Александрой Федоровной и ее фрейлиной А. А. Вырубовой, но и откровенно поносил их: «Это две истерички, глубоко несчастные женщины, которые верили в этого Распутина как в посредника между ними и Господом Богом. Дальше этого человек идти не может».⁵²

В ходе расследования Чрезвычайной следственной комиссии обвинения в адрес М. М. Андроникова в шпионаже в пользу Германии не были доказаны. На основании расследования ЧСК министр юстиции потребовал освободить князя из Трубецкого бастиона Петропавловской крепости.⁵³

11 июля 1917 г. князь был переведен из тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости на гауптвахту. Согласно медицинскому свидетельству от 7 сентября 1917 г., заверенному подписями врача Петроградского городского арестного дома Сергея Глинского и начальника Арестного дома Кры-

⁴⁸ Фомин С. В. Наказание правдой (Серия «Григорий Распутин: расследование»). М., 2007. С. 137.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 13. Переписка об обысках. Списки лиц, арестованных и содержащихся под стражей, посещавших Распутина, преданных царскому правительству и полицейскому режиму; Фомин С. В. Наказание правдой. С. 174.

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 167. Л. 1.

⁵¹ Там же.

⁵² Искандеров А. А. Закат империи. М., 2001. С. 315.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 167. Л. 5.

лова,⁵⁴ у М. М. Андроникова было найдено множество хронических заболеваний.⁵⁵ В итоге М. М. Андроников вышел на свободу 14 октября 1917 г.⁵⁶

Мы рассмотрели деятельность лидеров крупнейших петроградских салонов и кружков в революционном 1917 г. По отношению к революции их можно разделить на две основные категории. К первой относятся те, кто не выражал сочувствия новой власти (Б. В. Штюрмер, П. А. Бадмаев); ко второй – те, кто в большей или меньшей степени выражал поддержку действиям Временного правительства (А. А. Римский-Корсаков, князь М. М. Андроников); к третьей группе относятся те, кто относился к революционным переменам, по крайней мере, внешне, индифферентно (графиня С. С. Игнатьева, Н. Ф. Бурдуков). На основании имеющихся в нашем распоряжении источников можно сделать вывод о практически полном отсутствии какого бы то ни было политического влияния лидеров салонов и кружков в описываемый период. Судьба каждого из них в революционное лихолетье складывалась по-разному. Как мы уже отмечали, Б. В. Штюрмер скончался в тюрьме, М. М. Андроников был расстрелян в 1919 г. чекистами. П. А. Бадмаев умер в Петрограде естественной смертью. А. А. Римский-Корсаков, С. С. Игнатьева, Н. Ф. Бурдуков скончались в эмиграции.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 167. Л. 18.

⁵⁵ Там же. Л. 18.

⁵⁶ Там же. Л. 27.

К. А. Тарасов

Воспоминания присяжного поверенного Н. Н. Иванова об антибольшевистском подполье в Петрограде в 1918 году

В исследованиях Белого движения на Северо-Западе России особое место уделяется его предпосылкам, зарождению антибольшевистского сопротивления на территории Эстонии и Финляндии, в Пскове и в Петрограде¹. В особенности важным представляется эпизод, связанный с деятельностью петроградских подпольных организаций в начале 1918 г., которые ставили своей целью наладить контакты с германским военным командованием в оккупированном Пскове.

Одну из них возглавлял присяжный поверенный Николай Никитич Иванов. В период Гражданской войны на Северо-Западе он показался себя очень деятельным политиком, но снискал скорее дурную славу своей издательской деятельностью в Ревеле, сепаратистскими стремлениями в Пскове, связью с террором режима С. Н. Булак-Балаховича, участием в Северо-Западном правительстве на посту «министра без портфеля» и т. д.²

О нем ходили разные слухи, но, по наиболее достоверным сведениям, Иванов являлся владельцем банкирской конторы в Петрограде, а также сооснователем «Промышленного общества казенных поставок».³ Исследователь антибольшевистского монархического подполья Г. З. Иоффе указал, что присяжный поверенный был тесно связан «по адвокатским делам» с великим князем

¹ Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 гг. СПб., 1995; Гражданов Ю.Д., Зими́на В.Д. Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. Волгоград, 1997; Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. СПб., 1999; Brüggemann K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des “Einen und unteilbaren Rußland”. Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkrieges 1918–1920. Wiesbaden. 2002; Engman M. Raja: Karjalankannas 1918-1920. Helsinki, 2007; Богомазов Н.И. Начальный этап Белого движения на Северо-Западе России. 1918 г.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011; Розентель Р. Северо-Западная армия. Хроника побед и поражений. Таллин, 2012.

² Маргулиес М.С. Год интервенции. Кн. 2. Берлин, 1923. С. 159, 163, 183–184, 195, 217, 233, 256–257, 277, 295, Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 г. // Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л., 1927. С. 247, 249, 254, 255; Горн В. Гражданская война в Северо-Западной России // Там же. С. 16, 17, 94, 121; Кирдецов Г. У ворот Петрограда // Там же. С. 206; Родзянко А. Воспоминания о Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 231, 237, 271.

³ Маргулиес М.С. Год интервенции. С. 158.

Павлом Александровичем, дядей императора⁴. В годы Первой мировой войны он являлся товарищем председательницы Всероссийского общества помощи военнопленным княгини О. В. Палей, жены великого князя. Княгиня отзывалась об Иванове, как об очень умном, смелом и амбициозном молодом человеке⁵. Князь С. П. Мансырев, знакомый с ним, по-видимому, еще со времен работы в том же учреждении, отмечал его энергию, трудоспособность и инициативность, «кипучую деятельность», настойчивость, замечая при этом, что авантюризм, неразборчивость в средствах и безграничное властолюбие сводили на нет все его перечисленные качества⁶. Попробовал себя на политическом поприще Н. Н. Иванов в дни Февральской революции, отметившись участием в составлении манифеста великих князей о даровании стране конституции⁷.

Некоторые важные сведения о деятельности Н. Н. Иванова в интересующий нас период могут дать его собственные воспоминания, выявленные в знаменитом Бахметевском архиве, хранящемся в библиотеке Колумбийского университета. Этот сам по себе сложный источник становится еще более проблематичным в случае с данным мемуаристом. Можно согласиться с мнением исследователя, отметившим присущую другим воспоминаниям Иванова манию величия и «крайне тенденциозную интерпретацию автором практически всех описываемых событий»⁸. Тем не менее, сопоставление с другими доступными свидетельствами позволит проверить сведения, содержащиеся в воспоминаниях.

По словам Н. Н. Иванова, после Октябрьского переворота «совесть не позволила бросить родину без борьбы за нее в часы такой опасности», и он, решив «начать активную борьбу с большевиками», приступил к формированию подпольной организации⁹. Позже в начале 1919 г., уже приехав в Эсто-

⁴ Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 53.

⁵ Princesse Paley [O.V.] Souvenirs de Russie, 1916-1919. Paris, 1929. P. 39.

⁶ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 118.

⁷ Подробнее об этом эпизоде см. Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. С. 53–57; Ганелин Р.Ш. Проект Манифеста Николая II, подготовленный великими князьями 1 марта 1917 г. // Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. Февральская революция. Том 3. СПб., 2014. С. 369-384.

⁸ Мажара П.Ю. Белое движение на Северо-Западе России в мемуарах политиков и журналистов (источниковедческий анализ) // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 64–65.

⁹ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 23 // Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University (BAR). Nikolai Nikitich Ivanov Memoirs, 1917–1959. Folder Nachalo Grazhdnskoï voiny.

нию, присяжный поверенный называл себя представителем Петроградской противобольшевистской организации, в которую входил великий князь Павел Александрович, а также царский премьер-министр А. Ф. Трепов и генерал Н. Н. Юденич. Впрочем, сами авторы, зафиксировавшие данные свидетельства, сомневались в их правдивости¹⁰.

Из воспоминаний Н. Н. Иванова следует, что он поддерживал «давнюю связь» с великим князем Павлом Александровичем, который в этот момент жил в Царском селе¹¹. То, что присяжный поверенный тогда часто посещал ее мужа, подтверждает в своих воспоминаниях княгиня О. В. Палей¹². Однако, по свидетельству Иванова, вся деятельность его организации носила самостоятельный характер. Он утверждал, что для создания военной силы для переворота начал использовать бывших солдат и офицеров Измайловского, Егерского и Семеновского полков. Якобы, его люди были «засланы» к большевикам и убедили их «собрать старые кадры для защиты нового строя». Помещениями для воинских подразделений стали казармы 2-го Балтийского флотского экипажа, где удалось скопить 1500 человек. Однако на всю эту массу красным командованием было выдано лишь 180 винтовок¹³.

Помимо подготовки антибольшевистских вооруженных сил Н. Н. Иванов предпринял попытку связаться с германским военным командованием, чтобы узнать их планы в отношении Петрограда. По его мнению, без этой информации «нельзя было ничего предпринять в смысле переворота»¹⁴. В одной из встреч с великим князем Павлом Александровичем, по словам Н. Н. Иванова, они решили, что присяжный поверенный отправиться в Псков, «чтобы лично и точно узнать немецкие планы»¹⁵. При этом он получил записку от великого князя, которая удостоверяла, что он прибыл как его представитель¹⁶. После рассказа о своих приключениях при переходе на оккупированную террито-

¹⁰ Маргулиес М.С. Год интервенции. С. 158; Горн В. Гражданская война в Северо-Западной России. С. 15; Ганин А.В. «Это был человек, несомненно, умный и энергичный»: Полковник Б.П. Поляков и антибольшевистское движение на Северо-Западе России // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2019. № 4 (10). С. 141.

¹¹ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 26.

¹² Princesse Paley [O.V.] Souvenirs de Russie. P. 217.

¹³ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 25, 26.

¹⁵ Там же. С. 26.

¹⁶ Там же. С. 25, 26.

рию, Н. Н. Иванов писал, что ему удалось по прямому проводу переговорить с генералом М. Гофманом, который сообщил: «Мы сочувствуем антибольшевистскому движению, но я не только не имею приказа занять Петроград, но имею приказ императора не занимать его ни в коем случае»¹⁷.

В подобных авантюрных историях бывшего присяжного поверенного можно было бы усомниться, однако воспоминания княгини О. В. Палей подтверждают, что Н. Н. Иванов «пытался собрать антибольшевистскую армию, но его средства были ограничены, и в его распоряжении был только его кураж»¹⁸. Более того, известно, что в начале 1918 г. в среде германофильски и монархически настроенного гвардейского офицерства действительно существовал план принять активное участие в создании антибольшевистских подразделений под красным флагом. После того, как корпуса новой армии были бы сформированы и отправлены на фронт, заговорщики намеревались начать тайные переговоры с германским командованием для того, чтобы с его помощью занять Петроград. Важно отметить, что данная группа офицеров поддерживала связь с великим князем Павлом Александровичем, бывшем в курсе планов организации¹⁹. Можно предположить, что Н. Н. Иванов либо, действительно, участвовал в деятельности этой организации, что и утверждал позже в Эстонии, либо благодаря связям с семьей великого князя Павла Александровича был в курсе ее деятельности.

Кроме формирования военных сил в Петрограде Иванов, якобы, поддерживал контакт с сербскими отрядами, дислоцированными вблизи Москвы. Он намеривался «привести их в движение в момент нашего Петроградского выступления»²⁰. У организации была связь и с офицерским подпольем Ярославля²¹. Подтверждения данных свидетельств на данный момент найти не удалось.

Деятельность организации Иванова, по его словам, проходила на деньги крупного банкира и предпринимателя К. И. Ярошинского. Когда Н. Н. Иванов обратился к нему за финансовой помощью, тот, выслушав планы организа-

¹⁷ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 30.

¹⁸ Princesse Paley [O.V.] Souvenirs de Russie. P. 217

¹⁹ Маргулиес М.С. Год интервенции. С. 150; [Бермондт-Авалов П.Р.] В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. Глюкштадт; Гамбург, 1925. С. 36–37; Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 351, 374.

²⁰ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 25.

²¹ Там же.

ции и текущую работу, заявил, что поддержит ее всем, чем сможет. «Со своей стороны, он пожелал иметь меня помощником в его деловых операциях момента, а операции состояли в скупке пакетов акций ряда самых крупных банков — Ярошинский надеялся овладеть всеми банками после свержения большевиков» — вспоминал Н. Н. Иванов²². Работа у этого крупного предпринимателя обеспечила средствами организацию²³.

В данном случае можно вновь найти подтверждение словам мемуариста. После декрета о национализации банков К. И. Ярошинский, опасаясь потерять свое состояние, наладил контакты с германским дипломатическим представителем В. фон Мирбахом²⁴. В своем донесении рейхсканцлеру посол с восторгом писал: «Ярошинский разработал почти титаническую программу: он хочет предоставить нам полную власть над российским центром, Треповым, Коковцовым, Кривошеиным и *tutti quanti* [и всеми остальными (итал.) — К.Т.], с помощью находящихся в его распоряжении средств, посадить на нашу цепь полностью американизированный банковский аппарат, держать министров в подчинении, избавиться от противников, финансировать партии и передать в распоряжение газетные тресты»²⁵. По словам Мирбаха, его собеседник не только считал невозможным пересматривать условия Брестского мира, но «больше всего он хочет, и лучше раньше, чем позже, германского вторжения и монарха, к ногам которого вновь послушно упадет святая Русь»²⁶. Иными словами, Ярошинский был заинтересован в свержении власти большевиков с помощью германского оружия. Это позволяет понять, почему его интересы могли совпасть с курсом присяжного поверенного.

Кроме поиска военной силы внутри и вне Петрограда, Н. Н. Иванов занимался поисками «опытного в военном отношении авторитетного старого во-

²² Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 24.

²³ Такую финансовую поддержку косвенно подтверждает М.С. Маргулиес, который отметил в своем дневнике, что в Эстонии Н.Н. Иванову удалось обналичить «какие-то векселя киевских сахарозаводчиков» (Маргулиес М.С. Год интервенции. С. 158). Крупнейшие рафинадные заводы, принадлежавшие К.И. Ярошнскому, располагались на территории Украины.

²⁴ «Русский Вандербильт» и планы германской экономической экспансии после Брестского мира // Отечественная история. 1993. № 5. С. 148–149.

²⁵ Перевод по Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1968. Н. 1. S. 93. Русскоязычная публикация этого письма: Документы германского посла в Москве Мирбаха // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 127.

²⁶ Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918. S. 93.

жда»²⁷. Он вспоминал: «Первое революционное выступление могло произойти под руководством моего небольшого штаба, но на другой же день победы нужен был почтенный руководитель»²⁸. Ему удалось выяснить, что в Петрограде на квартире своей сестры инкогнито проживал герой Кавказского фронта генерал Н. Н. Юденич. Явившись к нему, Н. Н. Иванов предложил принять командование в случае успешного антибольшевистского выступления. Ответ генерала был довольно неопределенный: «Дайте подумать. В принципе я, конечно, согласен. Дай вам Бог успеха. Держите меня в курсе»²⁹. Еще несколько встреч с Юденичем состоялось на его квартире и в Летнем саду. Однако, в конце концов, он отказался возглавить будущее движение, опасаясь, что в случае успеха ему не удастся обеспечить население продовольствием³⁰. Те же сведения после разговора с Н. Н. Ивановым зафиксировал в своем дневнике М. С. Маргулиес в 1919 г., отметив, что первая встреча присяжного поверенного с генералом произошла в марте 1918 г.³¹

Шанс найти нового военного вождя представился в апреле 1918 г., когда в Петроград и Кронштадт после знаменитого Ледового похода пришли корабли Балтийского флота под командованием начальника морских сил А. М. Щастного³². По воспоминаниям Н. Н. Иванова, «используя свою популярность, он сейчас же начал проявлять лихорадочную деятельность в столице по организации людей и по подготовке больших политических перемен»³³. Появление такой хорошо вооруженной силы в городе делало возможным осуществление планов антибольшевистского подполья. Иванов немедленно вступил в контакт с наморси: «Он сейчас же вошел во все детали нашей организации, одобрил мои действия и заявил, что мы будем работать вместе и что Минная флотилия не даром пришла в Питер»³⁴. Организации Иванова, по его словам, «удалось склонить ряд офицеров на свою сторону», при под-

²⁷ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 30.

²⁸ Там же. С. 31.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 39.

³¹ Маргулиес М.С. Год интервенции. С. 175-176.

³² Mawdsley E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet: War and Politics, February 1917 – April 1918. London, 1978. P. 150-151; Рабинович А. Досье Щастного: Троцкий и дело героя Балтики // Отечественная история. 2001. № 1. С. 61–82; Назаренко К.Б. Алексей Михайлович Щастный // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 23–41.

³³ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 32.

³⁴ Там же. С. 33.

держке которых миноносцы были расставлены по Неве таким образом, чтобы все мосты были под обстрелом³⁵. Среди прочих Н. Н. Иванов особо выделял мичмана («лейтенанта») Г. Н. Лисаневича: «Будучи моложе других, он быстро завоевал себе всеобщее уважение в своей среде»³⁶. С середины мая 1918 г. этот морской офицер исполнял обязанности командира эсминца «Капитан Изыльметьев» и, действительно, сыграл большую роль в беспорядках в Минной дивизии. Впоследствии Лисаневич утверждал, что «матросы и он были введены в заблуждение рассказами Иванова о демократическом антантофильском характере его организации»³⁷.

Однако уже 27 мая 1918 г. во время посещения народного комиссара по военным делам Л. Д. Троцкого в Москве А. М. Щастный был арестован³⁸. Это спутало планы заговорщиков. «Все, что мне удалось извлечь полезного из знакомства со Щастным, это была связь с минной флотилией, которая была размещена по Неве в самом Петрограде. Это был авангард сил Щастного» — вспоминал Н. Н. Иванов³⁹.

Вероятно, именно в этот период он постарался наладить связи с другими подпольными организациями для совместного выступления. С присущей межуаристу эгоцентризмом, он вспоминал: «Был в эту пору целый ряд маленьких конспиративных организаций для борьбы с большевиками, с участием известных деятелей и неизвестных, но то, что я знал о них, не располагало ни к объединению, ни к соглашению с ними, хотя многие и натаивали на совместной работе. Чистые политиканы, теоретики, революционеры на дрожжах Керенского не могли принести никакой пользы. Многие из них конспирировали, казалось, единственно для того, чтобы провалиться и провалить других. Средства-

³⁵ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 33.

³⁶ Там же. С. 35. О роли Г.Н. Лисаневича в волнениях Минной дивизии см. Шмелев А.В. «Мятеж» Минной дивизии в июне 1918 года // Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944). СПб., 2012. С. 169–200; Назаренко К.Б. Мятеж Минной дивизии в Петрограде в мае-июне 1918 г. в контексте начала Гражданской войны в России // Военная история России XIX–XX веков. Материалы XII Международной военно-исторической конференции. СПб., 2019. С. 345–384.

³⁷ Игнатьев В.И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. (1917–1921 г.). Ч. 1. (Октябрь 1917 г. – август 1919 г.). Петроград, Вологда, Архангельск. (Личные воспоминания). М., 1922. С. 19.

³⁸ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России, 1917–1921. М., 2011. С. 239–240.

³⁹ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 34.

ми не располагал почти никто»⁴⁰. Иванов указывал, что в это время имел конспиративные свидания с известным агитатором 1917 года матросом Ф. И. Баткиным, бывшим военным министром Временного правительства А. И. Верховским, Б. В. Савинковым, а также с представителями Петроградской группы социалистов-революционеров. «Все предлагали работать сообща. — вспоминал он, — Я задавал вопросы: Как? Что у вас есть для борьбы? и т. д. Многие предлагали только свое имя, свое прошлое, не сознавая приобретенной ими в революцию одиозности в общественном мнении. Дратся с большевиками одними именами, хоть и почтенными, было очевидно бессмысленно»⁴¹.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения показывают, что контакты с другими антибольшевистскими группами у Н. Н. Иванова, действительно, были. Однако они указывают, что не всегда только отказ присяжного поверенного от сотрудничества являлся причиной разрыва отношений. Так, один из руководителей петроградского отделения «Союза возрождения России» энес В. И. Игнатьев вспоминал, как от своих сотрудников получил информацию, что «среди матросов минного дивизиона ведется работа какой-то организацией под руководством некоего Иванова»⁴². На следующий день Игнатьев вместе с членом своей организации А. И. Верховским встретились с загадочным Ивановым. Их собеседник утверждал, что «поддерживается рядом демократических земских, городских организаций». Проверка этих сведений показала, что организация Иванова существовала на германские деньги, а возглавлял ее генерал Н. Н. Юденич, в свидании с которым Игнатьеву было отказано. Члены «Союза возрождения России» сделали вывод, что Иванов лишь спекулирует именем Юденича. «Выяснившаяся физиономия "организации", личное неприятное впечатление, произведенное на нас Ивановым, заставило нас решительно отказаться от всяких сношений с его организацией и поручить Ганджумову [комендант Обуховского района от подпольной организации — *К.Т.*] разъяснить, через нашу связь, матросам о сущности г. Иванова»,⁴³ — заключал В. И. Игнатьев.

⁴⁰ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 39.

⁴¹ Там же.

⁴² Игнатьев В.И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 19.

⁴³ Там же. После ареста в июне 1918 г. А.И. Верховский показывал на допросе, что прогерманские круги пытались вести с ним переговоры об участии в восстании ради объявления Северной области России независимой, но он своего согласия на это не дал,

Кроме того, имеется свидетельство Б. П. Полякова, связанного с московской подпольной организацией «Национальный центр», о том, что 20 июня 1918 г. он встречался с Н. Н. Ивановым в Адмиралтейском саду. Присяжный поверенный склонял бывшего полковника присоединиться к своей организации, уверяя что она «субсидируется немцами и притом очень щедро». Кроме того, он утверждал, что А. И. Верховский и М. Н. Суворов, члены «Союза возрождения России», к нему уже присоединились. Позже выяснилось, что Н. Н. Иванов убеждал присоединиться Верховского именем Полякова⁴⁴.

Аналогичные сведения имеются в отношении контактов с партией эсеров. По сведениям Г. И. Семенова, «правая буржуазная организация», под руководством присяжного поверенного Иванова, вышла на Военную комиссию социалистов-революционеров, считая ее «внепартийной, демократичной, офицерской, военной»⁴⁵. Выяснилось, что Иванов рассчитывал воспользоваться антибольшевистскими настроениями Минной дивизии и вел соответствующую агитацию⁴⁶. От прямого сотрудничества с организацией эсеры уклонились, поскольку узнали о ее связях с германским штабом и в целом об ориентации на помощь немцев, также стала ясна «достаточно авантюристическая физиономия гражданина Иванова»⁴⁷. Связь с Ивановым поддерживалась в информационных целях, но вскоре стало известно, что «без услуг немецких штыков организация не имела никакой реальной силы», и поэтому она утратила для эсеров интерес⁴⁸.

После того, как 21 июня 1918 г. А. М. Щастный был приговорен к расстрелу, в Минной дивизии создалась реальная угроза восстания моряков⁴⁹. Однако, по свидетельству Н. Н. Иванова, «большевики, рассчитавшись со Щастным, принимали меры, чтобы выловить во флоте всех единомышленни-

посчитав такую позицию «изменнической» (Полторак С.Н. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб., 2014. С. 139).

⁴⁴ Ганин А.В. «Это был человек, несомненно, умный и энергичный». С. 142.

⁴⁵ Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922. С. 25.

⁴⁶ Правозерсовский политический процесс в Москве. 8 июня – 4 августа 1922 г. Стенограммы судебных заседаний. Т. 1, 2. М., 2010. С. 609.

⁴⁷ Правозерсовский политический процесс в Москве. С. 536. См. также: Там же. С. 589, 642.

⁴⁸ Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. С. 26.

⁴⁹ Дело командующего Балтийским флотом А.М. Щастного. М., 2013. С. 257–258.

ков казенного»⁵⁰. Действительно, на следующий день после расстрела, началось разоружение и аресты участников волнений с помощью отряда кронштадских матросов⁵¹. Поддержать вспыхнувшее сопротивление Иванову не удалось, поскольку, как он писал, «имея в распоряжении наших людей всего 180 винтовок, мы не могли использовать в этот момент собранных теперь до 2000 человек»⁵². Впрочем, остается вопрос, насколько реальная военная сила находилась в руках Н. Н. Иванова, и не была ли она плодом воображения мемуариста. Так, во время переговоров с эсерами, по словам Г. И. Семенова, Иванов говорил, что в его организации не было авторитетных военных лиц, и «вообще не было военной организации»⁵³.

После разоружения Минной дивизии, как вспоминал Н. Н. Иванов, «еще один из главных козырей нашего выступления был вырван»⁵⁴. Связывать свое восстание с высадкой войск Антанты на Севере России, о которой у него была информация благодаря великому князю Павлу Александровичу, Иванов отказался⁵⁵. Ярославское восстание, начавшееся 6 июля 1918 г. он тоже считал преждевременным. Можно считать преувеличением своего влияния в этих событиях замечание Иванова о том, что Б. В. Савинков, приехал в Ярославль и от имени присяжного поверенного заявил, что «момент для восстания настал»⁵⁶. История Ярославского восстания слишком хорошо изучена, чтобы считать, что мнение Н. Н. Иванова значило больше, чем распоряжение основателя и лидера «Союза защиты родины и свободы»⁵⁷.

Так или иначе, рассчитывать на восстание в Петрограде после истории с Минной дивизией не представлялось возможным. Друзья посоветовали Н. Н. Иванову «удалиться на время совсем с советской территории», и тот принял решение отправиться на Волгу, где в это время образовался Комитет

⁵⁰ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 35.

⁵¹ Шмелев А.В. «Мятеж» Минной дивизии в июне 1918 года. С. 188–189.

⁵² Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 35.

⁵³ Правоэсеровский политический процесс в Москве. С. 644.

⁵⁴ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 44.

⁵⁵ Там же. С. 40–41.

⁵⁶ Там же. С. 43в.

⁵⁷ См. Ярославское восстание, 1918. М., 2007; Кидяров А.Е. Ярославский мятеж 1918 года в контексте гражданской войны в России. Кострома, 2016; Соловьёв Е.А. Расстрелянный Ярославль: Историческая панорама трагедии города на Волге, июль 1918. Ярославль, 2018.

членов Учредительного собрания и развивал успехи Чехословацкий корпус⁵⁸. Иванов об этом не пишет, но время для отъезда из Петрограда было самое подходящее. В Петрограде начались массовые обыски и аресты в связи с убийством В. Володарского⁵⁹. Пробыв два месяца в эпицентре событий Гражданской войны, Н. Н. Иванов вернулся в Петроград, чтобы узнать, что в его отсутствие члены его организации либо бежали в Финляндию, либо были арестованы за то, что переправляли людей за границу⁶⁰. В ночь с 12 на 13 августа был арестован и благоволивший присяжному поверенному великий князь Павел Александрович. Княгиня О. В. Палей вспоминала, что накануне днем приезжал Н. Н. Иванов, который предлагал ее мужу план побега, но тот отказался⁶¹. Об этом разговоре вспоминал и сам присяжный поверенный⁶².

«Петроград сделался мертвым местом в смысле антибольшевистского активизма. Террор и паника убивали в населении всякую вол к борьбе»⁶³ — заключал Н. Н. Иванов. В конце концов, после того, как он еще раз съездил в Самару, чтобы вывести из района боевых действий свою семью, а также после мытарств по петроградским тюрьмам в конце 1918 г., Иванову удалось перейти границу Финляндии и добраться до Гельсингфорса в начале 1919 г.

Несмотря на явное преувеличение своей роли антибольшевистском движении, воспоминания Н. Н. Иванова являются ценным источником для анализа попыток свержения советской власти в Петрограде. Даже если поставить под сомнение его указания на ту военную силу, которая была в его распоряжении, присяжный поверенный все же довольно верно указывает главные вехи деятельности подполья. Первоначально она велась с расчетом на поддержку германского наступления на Петроград. Однако, после того, как стало ясно, что германское командование не ставит своей ближайшей целью активные военные действия, Н. Н. Иванов переориентировался на внутренние силы. Он стремился наладить контакт с любыми антибольшевистскими группами вплоть до социалистов-революционеров. В этом смысле неверно

⁵⁸ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 45.

⁵⁹ Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 129; Ганин А.В. Новые документы об арестах петроградских военспецов осенью 1918 г. // Клио. 2012. №10 (70). С. 30.

⁶⁰ Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 58.

⁶¹ Princesse Paley [O.V.] Souvenirs de Russie. P. 217–218.

⁶² Иванов Н.Н. Начало Гражданской войны. С. 42.

⁶³ Там же. С. 59.

было бы называть его представителем германофильской ориентации. Правильнее было бы сказать, что он придерживался *Realpolitik*, не связывая себя с определенными моральными и идеологическими принципами для достижения своих целей. Последней попыткой переворота в бывшей столице являлись беспорядки в Минной дивизии, быстро пресеченные новой властью. Начавшиеся летом 1918 г. массовые аресты и объявленный осенью Красный террор сделали практически невозможной подпольную деятельность в Петрограде. После этого ставка была сделана на движение на окраинах Советской России (Ярославль, Самара). Не преуспев и здесь, Н. Н. Иванов вынужден был эмигрировать, чтобы продолжать борьбу за границей и принять участие в деятельности белого движения на Северо-Западе. Аналогичную тактическую траекторию можно увидеть на примере других деятелей Гражданской войны в России. Это дает повод выделить особенности 1918 г. как этапа в разворачивании внутреннего конфликта.

Открытым пока приходится оставить вопрос о существовании Комитета противобольшевистских организаций в Петрограде. В историографии, исходя из свидетельств Н. Н. Иванова, говорится об этой организации как о региональном филиале московского «Правого центра». В числе его членов называют великого князя Павла Александровича, А. Ф. Трепова, Б. Э. Нольде и Н. Е. Маркова⁶⁴. Из воспоминаний присяжного поверенного можно сделать вывод о том, что данная организация не была институционально оформлена, то есть имели лишь место частные контакты некоторых политических и военных деятелей. Либо же сам Иванов не играл в ней значительной роли и не был посвящен во все планы, ведя лишь практическую деятельность по формированию военной силы и вербуя новых сторонников.

⁶⁴ Зимина В.Д. Крах монархической контрреволюции на Северо-Западе России (1917–1920) // Вопросы истории. 1987. № 7. С. 37; Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 12.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бузгалин А. В. *д.э.н., профессор кафедры политической экономики МГУ*
- Воейков М. И. *д.э.н., профессор зав. сектором политической экономики Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН*
- Гагкуев Р. Г. *д.и.н., главный редактор корпорации «Российский учебник», ведущий научный сотрудник ИРИ РАН*
- Голдин В. И. *д.и.н., профессор кафедры регионоведения и междунар. отношений САФУ им. М.В. Ломоносова*
- Икэда Ёсиро *доцент Токийского университета, Япония*
- Иоффе Г. З. *д.и.н., профессор, Монреаль, Канада*
- Калашников В. В. *д.и.н., профессор кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Колганов А. И. *д.э.н., вед. научный сотрудник Лаборатории сравнит. исследования социально-экономических систем МГУ*
- Краус Тамаш *д.и.н., профессор Будапештского университета, Венгрия*
- Колоницкий Б. И. *д.и.н., вед. научный сотрудник СПБНИИ РАН, профессор Европейского университета*
- Меньковский В. И. *д.и.н., профессор кафедры истории России исторического факультета БГУ, г. Минск*
- Пученков А. С. *д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ*
- Рабинович А. Е. *почетный профессор Индианского университета, США; ассоциированный научный сотрудник СПб ИИ РАН*
- Солдатенко В. Ф. *д.и.н., член-корреспондент НАН Украины, главный научный сотрудник ИПиЭИ им. И. Ф. Кураса НАН Украины*
- Стейнберг М. Д. *профессор Университета Иллинойса в Урбана-Шампейн*
- Стогов Д. И. *к.и.н., доцент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*

- Суэйн Джеффри *профессор университета Глазго, Великобритания*
- Тарасов К. А. *к.и.н., научный сотрудник отдела истории революций и общественного движения России СПбИИ РАН, доцент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Узлова И. В. *к.и.н., зав. кафедрой истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Хасегава Цуёси *почетный профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, США*
- Цветков В. Ж. *д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ*
- Шелохаев В. В. *д.и.н., главный научный сотрудник ИРИ РАН, Москва*

**Русская революция и ее итоги:
взгляд на историю советского периода**

Подписано в печать 3.12.2020. Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печ. л. 15.25
Тираж 200 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Профессора Попова, 5

197376 Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, д.5
СПбГЭТУ «ЛЭТИ», каф. истории, культуры, государства и права